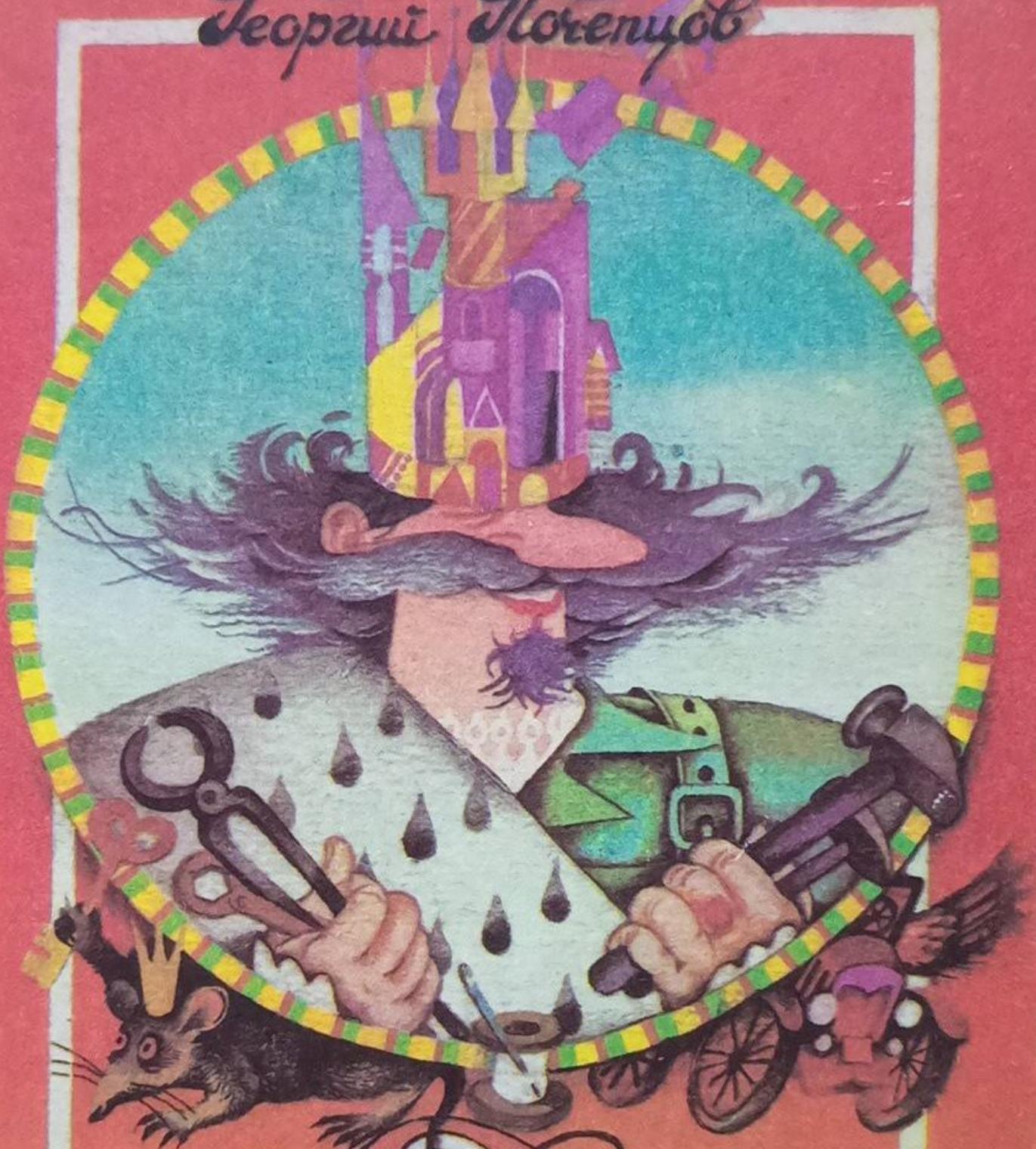

Георгий Лоренцов

Торго
Королей

Георгий Почепцов

Горы Корсаки

Повести-сказки

Для младшего
школьного возраста

Художник
Елена Зенич

Киев «Вэсэлка» 1988

*Повести-сказки
украинского советского писателя
о злых колдунах и смелых людях,
которые вступили в борьбу
со злом и победили.*

Рецензент
СЕРГЕЙ ЧИРКОВ

П $\frac{4803010200-147}{М 206 (04) -88}$ КУ—№ 9—230—1988

ISBN 5-301-000122-1

© Издательство «Василка»,
«Ключ от города Колдунов», 1983,
«Тайна города Волшебников»,
«Город Королей», оформление, 1988

1. Новичок

Первым в городе Учёных всегда вставал Магистр. Должен вам сказать, что в стране, о которой пойдёт речь, были самые разные города: город Учёных и город Рыболовов, город Автомобилистов и город Спортсменов, город Цветоводов и город Поваров. Так что если вы попадали в город, где все прохожие, даже старики и дети, шли с удочками, а улицы вдобавок назывались именами Карпов, Щук или Карасей, то знайте: вы попали в город Рыболовов. И в любом магазине вы могли купить крючки, леску и червей, даже в магазине «Молоко» или «Грампластинки». А если из каждого окна неслись ароматы и всякий прохожий, встретив вас на площади Сосисок, приглашал зайти к нему отведать борща или пирожных с кремом, то, конечно, вы попали в город Поваров и вам не удастся уехать отсюда, не поправившись на два-три килограмма.

Был в этой стране и город Драчунов. Всякого, кто любил давать волю кулакам, выпроваживали в этот город. И жили они там на улицах Синяков, Подзатыльников и Подбитого Глаза, проверяя друг на дружке свои силы. Кстати, город этот стоял на границе страны

Городов, чтобы в случае какого-нибудь нападения драчуны могли поскорее дать отпор любому противнику. Однако, по раз и навсегда заведенному обычаю, детей, родившихся в городе Драчунов, когда они подрастали, забирала оттуда и отсылали в другие города соответственно их наклонностям.

Попад в город Автомобилистов и поселившись на проспекте Такси, ребёнок скоро становился автолюбителем. Он обожал запах бензина, коллекционировал значки с автомобилями, по звуку мотора с закрытыми глазами мог определить, какая машина проезжает мимо, а правила дорожного движения знал лучше таблицы умножения. В школе вместо географии ребята изучали атлас автомобильных дорог, вместо обычной истории — историю автомобилей и запросто разбирались в моделях автомашин любого года.

Если же мальчишка попадал в город Поваров, то географией теперь становилось изучение разных национальных блюд. Ученики проходили на уроках географии борщ и галушки с салом, суп харчо и люля-кебаб — всё-всё, чем богаты кухни разных народов. Библиотека города Поваров полна была кулинарных книг, а самая главная городская газета называлась «Приятного аппетита» и выходила с вкладышем-салфеткой для вытирания рук. Конечно, живя в таком городе да ещё на проспекте Заварных Пирожных, можно было стать хорошим поваром.

И вот сегодня мальчик из города Драчунов должен был приехать в город Учёных. Магистр с болью вспоминал, как однажды такой мальчуган перепутал все лески в городе Рыболовов, а рыболовные крючки превратил в гвоздики. Потом целый месяц рыболовы распутывали леску, переходя от дома к дому, а гвоздики пришлось снова сворачивать в крючки.

«Ничего, — вздохнул Магистр. — Может быть, нам попадётся хороший мальчишка. Он вырастет и тоже станет учёным».

Вот вдали зазвенел один колокольчик, потом другой. Это дорога предупреждала Магистра о приближении машины. А потом и сама машина, увидев магистра, радостно загудела.

Она плавно затормозила и потёрлась шиной о его ноги. Ведь это Магистр придумал выращивать дома, мосты, машины из зёрен, как растения. У него были зёрна грузовых автомобилей и легковых, зёрна шестнадцатиэтажных домов и двухэтажных, зёрна мостов и телевизионных башен. Магистр отправлял такие зёрна во все города страны. Он долго собирал каждое зерно под микроскопом, печалился, когда что-то не клеилось, радовался, когда всё получалось удачно. Поэтому зёрна, даже становясь машинами или домами, всё равно помнили своего создателя.

— Ну, кого ты мне привезла? — спросил Магистр машину, сразу заметив, как она по-

старела: видно, в городе Драчунов ей жилось не очень уютно. Но машина вместо ответа вся задрожала.

— Что ты, что ты? — забеспокоился Магистр. — Ведь ты не виновата!

Машина вздохнула и открыла дверцу.

— А-а-а! — послышался крик, словно включили сирену, и оттуда с протяжным воплем выскочил мальчишка в джинсах. Он победно огляделся и всюду замахал кулаками, ожидая нападения.

— Не так громко. Пожалуйста, — тихо попросил его Магистр, и мальчишка замолчал. Впервые в жизни на него не прикрикнули, а просто попросили.

— Подумаешь... — презрительно сплюнул прибывший.

И, заложив руки за спину, с независимым видом зашагал вслед за Магистром.

Магистр привёл мальчишку к себе и даже усадил в своё кресло. Кресло это было знаменито во всей стране Городов, так как именно в нём Магистру пришли в голову все его лучшие идеи. Кресло было таким же старым, как и сам Магистр.

Мальчишка принялся болтать ногами, оглядывая комнату. Кругом были только книги. Книги в потёртых кожаных переплётах стояли вперемежку с новыми, толстые соседствовали с тонкими.

В комнате не было видно стен — только книги, книги, книги...

— Вы что же — все их прочли? — удивлённо спросил мальчишка.

— Наверное, — пожал плечами Магистр. — Наверное, какие-то всё же не прочёл. Так сразу и не скажешь.

— А зачем так много? Ведь от чтения глаза портятся. Очки придётся носить. А в очках драться труднее, чем без очков.

— Насчёт драться ты, может, и прав, — сказал Магистр и поправил очки. — Но не всё решается дракой.

— Хе, в драку может попасть даже самый тихий человек. Как тогда?

— Ну, не знаю... Очки можно на время снять.

— И промазать, — звонко захохотал мальчишка.

Магистр снял свои старые очки, повертел их в руках и снова водрузил на нос.

— Нам незачем драться, — убеждённо сказал он. — Посмотри в окно. Там живёт Ул. Он изучает звёзды. Здесь — Смеян. Он изучает людей. Зачем нам ссориться? А ещё мы делаем ключи. Новый город в нашей стране может появиться только тогда, когда для него будет изготовлен специальный ключ. Ключ города. Это тоже наша обязанность. Мы уважаем друг друга, любим друг друга, поэтому нам незачем драться. А теперь пошли в гости.

2. Знакомство

Ул наблюдал звёзды ночью, а днём он всегда спал. Поэтому ужин у него становился завтраком, а завтрак — ужином: ведь после завтрака он не шёл на работу, как все люди, а ложился спать.

Идти к Улу в это время было невежливо, но Магистр знал, что сегодня Ул не заснёт, пока не познакомится с мальчишкой. После него уже можно будет пойти и к Смеяну.

Они позвонили в дверь, на которой была нарисована карта звёздного неба. Полярная звезда приходилась как раз на звонок. Мальчик зачарованно уставился на карту, водя по ней пальцем.

Они открыли дверь и вошли, так как никаких замков в городе Учёных не было, а звонок просто предупреждал хозяина о том, что к нему пришли.

Ул бродил по комнате раздражённый.

— Удивляюсь, как вы работаете днём. Разве можно что-нибудь сделать, когда так светло! — И он поправил свои чёрные очки. Чтобы глаза его не потеряли зоркость, он носил тёмные очки в тех редких случаях, когда не спал днём. Из всех домашних животных он больше всего любил кошек, которые, как он считал, ночью видят лучше всех.

— Ага, это он и есть. — Ул наконец заметил мальчика. — Тоже из любителей дневного света?

— Да, это я,— мальчик смело шагнул на середину комнаты.— И я никогда бы не променял солнечный свет на темноту ночи.

— И это всё, что ты умеешь? — заворчал Ул.— Драться да спорить со взрослыми?

— Но ведь ты же сам его спросил? — заступился за мальчика Магистр.

Улу не хотелось обижать своего старого друга, он промолчал и постепенно успокоился.

— Ладно, чего там. Я вам кофе сварю. Идите на веранду.

Вскоре они уже сидели на веранде и пили кофе. Лучше Ула никто не умел варить кофе. Этому его научил один знакомый из города Поваров, узнав, как это важно для Ула. Ведь поменять день на ночь без помощи кофе не так просто.

Они мирно беседовали друг с другом. На коленях Ула мурлыкал его любимец — кот Менелай.

Внезапно Менелай спрыгнул на пол и подошёл к перильцам веранды: что-то заинтересовало его в доме напротив. Менелай, как и некоторые другие животные, о многом догадывался заранее. Любое землетрясение он предчувствовал за неделю, ливневый дождь — за сутки, о всемирном потопе он догадался бы за месяц. А что касается поступков людей, то тут он мог почувствовать что-то только за минуту: ведь люди такие непостоянные.

И действительно, ровно через минуту из дома напротив вышел Смеян.

Он бодро поднялся на веранду. Чашечка кофе нашлась и для него. Смеян, в отличие от Ула и Магистра, сразу приступил к делу:

— Мальчишке нужен строгий режим. Настоящее воспитание смогу обеспечить только я. Так что я заберу его к себе.

Магистр заколебался.

— Ул днём спит,— рассуждал Смеян.— Ну, а вы слишком заняты, чтобы уделять мальчику достаточно внимания. А ему, в первую очередь, нужно внимание. Кстати, дайте и Менелая, чтобы он мне помог.

Магистр с неохотой согласился и долго смотрел им вслед, пока они удалялись.

Мальчик и Смеян вошли в дом.

— Менелай,— позвал Смеян кота,— следы за ним. Только он выйдет из этой комнаты, сразу зови меня. Я пойду пока поработаю, проявлю последние фотоплёнки.

Он надел белый халат и ушёл, а Менелай гордо улёгся посреди комнаты. Он открывал то один свой зелёный глаз, то другой, чтобы ни на минуту не выпускать мальчишку из виду.

Мальчик, насвистывая грустную песенку, принялся изучать комнату. Здесь не было книг, только фотографии человеческих лиц: одни смеялись, другие плакали или удивлялись. А в остальном — самая простая комна-

та. Немножко пыльная, немножко в беспорядке. Даже аквариум — и тот без воды сиротливо стоял на окне. А что если накрыть им кота? Тогда кот никуда не побежит докладывать, а будет сидеть взаперти. Но только мальчишка об этом подумал, как Менелай, почувствовав опасность, залез под стул и оттуда насторожённо принялся следить за его движениями.

— Вот хитрец! — удивился мальчишка и уселся у окна, разглядывая домик Магистра. Он был самый старый и неказистый в городе. Видно, Магистр построил его сам, своими руками, ещё до того, как придумал выращивать дома из зёрен.

Мальчику стало скучно, и он решил избавиться от кота. Но как обмануть его? Ведь он всё знает наперёд. Мальчик заходил по комнате и стал пугать кота своими намерениями. То собирался загнать его в поллитровую банку, то засунуть в почтовый ящик, то... Кот не выдержал таких боевых действий, прыгнул на подоконник с пронзительным мяуканьем и исчез.

Мальчик хмыкнул и решил поискать фотолaborаторию, где заперся Смеян.

— Я только одним глазком загляну, что он там делает.

Приоткрыл дверь и сразу окунулся в темноту. Ведь он не знал, что плёнку нельзя обрабатывать на свету.

— О! — закричал Смеян, заметив ворвав-

шийся в лабораторию свет. — Ты всё мне испортил!

Мальчик решил защищаться:

— Сами испортили, а теперь на меня сваливаете. Ведь я ничего у вас не трогал!

В этот момент в дом вошли Магистр и Ул, который держал на руках встревоженного кота.

— Хочу проучить его немножко. Ремешочком, — сказал Смеян и стал вытаскивать из своих брюк длинный ремень.

Мальчишка отступал к стене, пока не наткнулся на её холодную поверхность. Смеян с ремнём в руках неумолимо приближался.

— Меня нельзя бить! — вдруг закричал мальчишка.

— Это ещё почему? — удивился Магистр.

— Потому... потому, что я не... мальчик.

— Как это?! — опустил руку с ремнём Смеян.

— Ты девочка? — догадался Магистр и удивлённо обвёл всех глазами.

3. Ученица Магистра

Узнав, что новичок оказался девочкой, Ул захохотал. Не выдержал и Магистр. Лишь Смеян продолжал по-прежнему сердиться.

— Как же тебя зовут? — поинтересовался Магистр.

— Если по-честному, то Настя.

— Какая разница? — возмущился Смеян. — Наказать всё равно надо.

— Я не виновата, — расплакалась Настя. — Я же не знала, что там должно быть темно.

— Видишь, а ты сразу в крик, — старался успокоить Смеяна Магистр.

— А почему это она себя за мальчишку выдавала? — проворчал Смеян.

Настя потупилась.

— Да, почему?

— Потому... — покраснела она. — Мальчишкой быть лучше. Никто за косы не дергает. У нас все девчонки хотят быть мальчишками. Там, в городе Драчунов, с мальчишкой боятся связываться. Я думала, что так и у вас.

— Что же нам теперь делать? — задумался Магистр.

— Можно, я буду жить с вами? — попросила его Настя.

Так в доме Магистра поселилась ученица.

Магистр был старый и добрый, и жилось с ним Насте очень хорошо. Теперь, когда все знали, что она девочка, Настя и вела себя совсем по-другому, была ласковой и приветливой. Ведь драчуньей она не была, а просто поступала так, как в городе Драчунов поступали все.

Старенький дом Магистра засветился теперь чистотой и порядком. Даже книги — и те преобразились. С них постепенно исчезла

пыль десятилетий, и дышалось им (да и Магистру) куда легче. Окна сияли чистотой, словно их и не было вовсе: так приятно было смотреть сквозь них в сад. Настя готовила такие обеды, что на них собирались все обитатели города Учёных. Ул даже специально просыпался ради этого.

По утрам Магистр занимался с девочкой. Он учил её математике, покрывая свою домашнюю доску цифрами и формулами. Когда он уставал, его сменял Ул. С ним весело было учить и физику, и химию, потому что Ул раскрывал ей тайны, для чего людям то или иное вещество. А через полгода подобрел и Смеян. И тоже стал её учителем. Лишь Менелай, к сожалению, ничему не мог её научить, так как не умел разговаривать.

Вечером они собирались на кофе к Улу. Теперь среди трёх кресел учёных полноправно стояло маленькое креслице для Насти. И хотя кофе ей ещё не давали, молока она выпивала даже больше, чем Менелай.

И вот в один из таких вечеров в дверь кто-то громко и отрывисто постучал три раза. Будто домой вернулся хозяин, а бездельники слуги замешкались.

Ул с удивлением пошёл открывать.

Дверь в тот же миг широко распахнулась, и в комнату ворвался холодный ветер. Перед учёными предстала незнакомка. Она откинула капюшон чёрного плаща и холодно посмотрела вокруг.

— Кто из вас Магистр? — строго спросила она.

— Я, — медленно поднялся с кресла седой учёный. Какая-то непонятная сила заставила его вытянуть перед гостьей руки по швам.

Незнакомка усмехнулась:

— Мы хотели бы создать свой город в этой стране. По вашим законам мы имеем такое право.

— Кто это — мы? Разве в стране Городов ещё не хватает какого-то города? Если это действительно так, мы обсудим...

— Не обсудим, а вы должны! — Незнакомка обвела всех холодным взглядом, как бы желая удостовериться, можно ли здесь быть откровенной. — Такого города у вас нет. Я хочу построить город Колдунов...

— Но...

— Никаких но, Магистр! Мы имеем на это право, как и все остальные. Давайте нам ключ для нового города, как положено. Я буду ждать до завтра.

И незнакомка исчезла, словно растворилась в воздухе.

— Смотрите! — вдруг вскрикнула Настя. Место, где стояла незнакомка, покрылось изморозью. Менелай обнюхал его и возмущённо фыркнул.

— Что будем делать, Магистр? — спросил Смеян.

— Они имеют на это право. К сожалению. Ты же знаешь наш закон? Если какого-то

города нет в стране, я должен сделать ключ от него первому, кто его потребует. Ведь колдуны — это не рыболовы и не повара. Мы не можем поселить их ни в одном нашем городе. Да и кто захочет жить с ними?

— Но как можно впустить их в страну? — начал было возмущаться Ул.

— Ничего не поделаешь, закон есть закон. Я пошёл в мастерскую.

И, печально сгорбившись, Магистр вышел. За ним бросилась Настя.

— А зачем им этот ключ, разве они без него не могут? — спросила она.

— Не может быть в нашей стране города без ключа. Его просто никто не сможет построить, а если уничтожить ключ, тотчас исчезнет и город.

Магистр хотел рассказать ей, что город Драчунов тоже имеет свой ключ, который висит где-то в городской ратуше. И даже самый отъявленный драчун ничего с этим ключом не сделает, потому что без него не будет и города. Но решил не говорить этого Насте, чтобы не напоминать ей о городе Драчунов.

Целую ночь Магистр делал ключ для нового города. И с первыми лучами солнца перед домом возник вихрь, из которого явилась незнакомка. Она молча приняла из рук Магистра ключ и так же, без слов, исчезла.

Магистр не находил себе места, всё время сомневался, правильно ли он поступил. Но

закон неумолим, и выбора у него не было. Сам Магистр должен был следить за соблюдением законов страны Городов. Незнакомка, видно, это хорошо знала.

Так на карте страны Городов появился новый город. Если в город Драчунов не любили заезжать, то город Колдунов объезжали десятой дорогой, боясь к нему приблизиться. Кто его знает, что они могут сделать с человеком!

Казалось, в городе Учёных ничего не изменилось. Только Ул и Смеян теперь ещё усерднее работали в своих лабораториях. Они даже не успевали ходить обедать, так что Насте приходилось приносить им обеды самой. И занимались они с нею лишь урывками, да и то во время еды.

— Ничего, — успокаивал её Магистр. — Теперь у тебя есть новые учителя — книги. Ты уже выросла и многому научилась, так что сама сможешь в них разобраться. А книг у нас хватает.

И Настя усердно читала. Теперь и она могла собрать простые зёрна — зёрна одноэтажного и двухэтажного домов, зёрна мостиков. Но она понимала, что этого недостаточно. И потому занималась ещё больше.

Только Магистр, казалось, совсем перестал работать. Часами он сидел на лавочке в саду и думал. И чем больше он думал, тем тревожнее становилось у него на душе.

Лишь появление Насти разглаживало его

морщины. Когда её синее платье мелькало в саду, лицо Магистра на минуту становилось светлее.

Магистр часто уходил за город на холмы. Он бродил там, пытаясь разглядеть в бескрайних просторах своей страны, что ей уготовано в будущем. И после каждого такого похода усталость и тревожные мысли сгибали его всё больше и больше.

4. *Близится опасность*

В стране Городов каждый город проводил у себя состязания на звание лучшего специалиста. Репортажи об этом передавались по всей стране, все горячо приветствовали победителя, который по законам страны становился на целый год мэром города.

В этот день состязания проводил город Рыболовов.

В дом Магистра пришли Ул и Смеян, чтобы вместе следить за событиями. Ведь следующее соревнование было у них: издавна город Учёных состязался после Рыболовов.

И вот раздался голос комментатора:

— Дорогие зрители и слушатели! Мы ведём наш репортаж из города Рыболовов. Наши микрофоны установлены на знаменитой Рыбацкой набережной. Прямо передо мной — памятник Рыболову, а за два дома отсюда — Рыбный музей, вдали виднеется

наша школа, окна которой расположены прямо над рекой, чтобы ученики могли закидывать удочки, не выходя из классов. Естественно, что мэром такого города может стать только самый лучший рыбак. Поэтому раз в году все жители нашего города и желающие из других городов собираются на эти состязания. Даже мальчишки спешат сейчас сюда со своими удочками-прутиками.

Вот пришёл неоднократный победитель состязаний — толстяк Рымс. Его кабинет в ратуше выходит прямо на реку. Так что когда нет посетителей, мэр может удить рыбу прямо из окна. Бывает, что и несколько удочек выглядывает из окон его кабинета — значит, идёт тёплый приём.

Рымс подходит к судейскому столику и получает свой номер — он, конечно, первый. По традиции победитель прошлогодних состязаний всегда получает первый номер.

Рыбаки начинают рассаживаться вдоль реки: ведь на сегодняшние состязания записалось почти триста участников. Внимание, наступает ответственный момент! Я смотрю на часы на городской ратуше. Стрелки этих знаменитых часов сделаны в виде рыб, а каждый час — это час определённой породы рыб. Время приближается к заветному часу Щуки. Итак, все триста участников поплевали на своих триста червяков и... Выстрел! Соревнования начались.

Взметнулись в небо и скрылись в воде

триста крючков. Кто же будет победителем? Ведь он ровно на один год станет хранителем ключа от города. Он будет решать все городские дела.

Кажется, появилась первая рыба. Конечно, это удалось Рымсу! «Ура!» — проносится по всей набережной.

Вот уже около десяти человек вытащили по первой рыбёшке. А Рымс? Как обстоят дела у него? Судья держит цифру три. Три рыбы на счёту у Рымса!

Четыре! Пять! Вряд ли кто-то сможет обогнать Рымса. Он уже начинает принимать поздравления. Ой, не рано ли?..

Подходит к концу первый тур соревнований. Близится час Сома. Те двое участников, которые поймают больше всех, продолжат соревнования во втором туре.

Рыбаки выстраиваются в очередь к судейскому столику. Идёт подсчёт рыбёшек Рымса. Три, тридцать, сорок, сорок две, сорок три! Вот улов, достойный чемпиона!

— У кого больше? — кричит главный судья. — Подходите!

Но после слов судьи очередь почему-то распадается. Все поняли, что с Рымсом им нечего тягаться.

Но кто это? Какая-то неприметная женщина подходит к судье. Я плохо вижу отсюда её номер. Ага, двести сорок седьмой. Под этим номером в официальном списке участников зарегистрирована некто Меробиана.

Судьи считают её рыбу. Её цифра — тридцать три. На десять рыб отстаёт Меробиана! Это, несомненно, второй результат. Он говорит о предстоящей трудной борьбе.

И Рымс, и Меробиана займут теперь места в лодках. Второй тур, как известно, проходит с лодок.

Итак, Рымс против Меробианы. Чемпион против новичка. Я смею так думать, потому что мне совершенно ничего не говорит это имя.

Лодки отошли от берега под приветственные крики болельщиков. Они размахивают флагами с гербом нашего города, на котором красуется гордый крючок среди поплавок и девиз «Рыбак рыбака видит издалека».

Соревнования продолжаются. Вот Рымс привстал, следит за поплавком, потихоньку ведёт удочкой. Ах, подсекает! Каким королевским движением он это делает! Это знаменитый рымсовский рывок правой. И, конечно, рыба. Ры-ба!! Как и следовало ожидать. Я надеюсь, вы слышите меня сквозь звуки ликования толпы.

Как чувствует себя Меробиана после такого успеха противника? Вот заволновался и её поплавок. И — у Меробианы тоже рыба. Видно, противники достойны друг друга.

Что происходит! Посмотрите! Меробиана не успевает снимать рыбу с крючка. Вторая, третья, четвёртая... Я едва успеваю считать. Давайте лучше смотреть на табло на судей-

ском катере. Пятнадцать... двадцать семь... тридцать три... Как известно, в этом туре побеждает тот, кто первый достигнет пятидесяти. Что же Рымс? У Меробианы сорок один, сорок пять... сорок восемь, сорок девять. Победа! Победа!! В толпе болельщиков растерянность.

Меробиану доставляет к берегу судейский катер. Она поднимается к столику. Протягивает руку за ключом.

Разрешите, я подойду поближе... Разрешите взять интервью у чемпиона!..

Добрый день! Пожалуйста, несколько слов для наших слушателей.

— Я очень рада получить ключ от города Рыболовов.

Услышав эти слова, Магистр и его друзья вздрогнули. Они сразу узнали скрипучий голос незнакомки. Ул нервно выключил приёмник, потому что все вспомнили её покрытые изморозью следы, а перепуганный Менелай даже взвился в воздух.

— Соревнования идут уже давно, наш город последний. Кто же победил в остальных? Неужели... — заволновался Смеян.

— Я думаю, что ты прав. — со вздохом ответил Магистр. — Ул, постарайся поскорее узнать.

Через час в комнату вбежал красный от волнения Ул. По одному его виду всё стало ясно. В руках у Меробианы оказались ключи от всех городов. Кроме города Учёных. Они

давали ей власть над всеми обитателями страны Городов. Ясно было и то, что она непременно примет участие в соревнованиях в городе Учёных.

5. Состязание в городе Учёных

Все были встревожены. Ведь если Меробиана завладеет ключом от города Учёных, она станет полновластной хозяйкой страны Городов на целый год. А как победить её колдовство?

По традиции состязания в городе Учёных были последними. Именно после них приступали к своей работе новые мэры. Поэтому вся страна Городов с нетерпением ждала этого дня.

Состязания обычно включали в себя две задачи для соревнующихся. Надò было сделать что-то сложное своими руками. Что именно — определяли наугад, открыв страницу словаря. В прошлом году, например, книга открылась на сто пятьдесят седьмой странице на слове «ветряная мельница». И Магистру пришлось хорошо поработать, чтобы сделать её модель. Ведь мельницу нужно было смастерить тут, на площади: зерно мельницы не проросло бы так быстро.

И вот настал день соревнований. С утра город Учёных запрудили толпы болельщиков.

Приезжать заранее нельзя было, чтобы не мешать подготовке: таков неписанный закон. Поэтому, лишь только птицы возвестили о начале нового дня, в город Учёных потянулись машины и автобусы, мотоциклы и повозки.

На улицах продавали воду и воздушные шары, шныряли мальчишки, вздымая за собой тучи пыли, под зонтиками важно прохаживались солидные экскурсанты. В городе был праздник.

— Сегодня мы начинаем последние состязания! — объявил с помоста главный судья (как вы сами понимаете, он был, конечно, из города Судей). — В славном городе Учёных обычно бывает немного соревнующихся: не каждый решится состязаться с нашим Магистром. Но всё же я назову условия борьбы. Всем соревнующимся предстоит решить две задачи. Вот передо мною словарь со всеми словами нашей великой страны Городов. Я наугад открою его, и наши кандидаты на звание главного учёного должны будут сделать то, что выпадет им по словарю.

Все захлопали в ладоши, а мальчишки запрыгали повыше, чтобы лучше рассмотреть Магистра, о котором так много слышали.

Седой Магистр не спеша приблизился к помосту, и судья прикрепил к его мантии первый номер. Магистр надел на счастье свою старую мантию, в которой много лет назад защищал диссертацию.

— Кто ещё? — спросил судья.

По толпе пробежал смешок.

— Никого? — растерялся судья. — Что же нам — просто так присудить Магистру звание? Неужели никто не хочет получить ключ от города Учёных?

— Я хочу, — послышался скрипучий голос и, расталкивая толпу, к судье подошла Меробиана. Люди отшатывались, увидев её горящие глаза.

Зло улыбаясь, Меробиана уставилась на Магистра.

— Начнём, — нахмурил седые брови Магистр.

— Если вам так не терпится... — засмеялась Меробиана. — Начинайте, — кивнула она судье.

— Итак... — Судья запнулся. — Все мы знаем...

— Скорее, — приказала Меробиана.

— Пожалуйста, пожалуйста, — заспешил судья, и книга вывалилась из его дрожащих рук. Он поднял её из пыли и быстро открыл страницу. — Во-до-пад. Странно. Как же они будут делать водопад?

— А вот как! — И Меробиана взмахнула своим чёрным плащом. И сразу посреди городской площади заструилась с возникшей в воздухе скалы вода. Брызги обдавали всех, но никто не шелохнулся, чтобы укрыться от них. Это было красиво и страшно.

— А вы? — обратился главный судья к Магистру. — Что будете делать вы?

В толпе прокатился шум недовольства. Соревнование получалось не совсем обычное. Зрители чувствовали, что против их любимого Магистра замышляется что-то злое. И в то же время всё, казалось бы, шло по правилам.

— Ха-ха-ха, — засмеялась Меробиана, когда вода стала заливать ноги зрителей. — Я думаю, хватит. — И она снова взмахнула плащом. Водопад исчез.

Все взгляды обратились к Магистру. Чем сможет он ответить?

— Я проиграл, — с горечью проговорил Магистр. — Даже если я попытаюсь, я всё равно не смогу так сделать.

— Хе-хе, ты поумнел! — злорадно прошептала Меробиана и схватила со столика бокал с лимонадом. — Может, сразу откажешься и от второго задания? Ты ведь понимаешь, что состязаться со мной бессмысленно. Я обещаю тебе хорошую должность. Только скажи: «Я отказываюсь от соревнований».

— Нет! — твёрдо сказал Магистр.

— Нет, — гордо повторила Настя. И исподтишка показала Меробиане язык.

Услышав ответ Магистра, Меробиана раздавила в своей руке бокал, и осколки со звоном посыпались на мостовую. Но ни капельки крови не оказалось на её ладони.

— Судья! Давай вторую задачу! Мне некогда! — И она кинула хищный взгляд на ключ от города, золотом горевший в руках судьи.

— Хорошо-хорошо! — испуганно про-
бормотал судья. В этой незнакомке он вдруг с удивлением начал узнавать победительницу соревнований судей. Повара узнавали в ней своего будущего мэра, рыболовы — тоже. Да, Меробиана уже имела ключи от всех городов, кроме города Учёных.

Судья распахнул книгу:

— Д... Добро. Кто из вас скорее сделает доброе дело?

— Что?! — закрутилась, словно от боли, Меробиана.

Толпа застыла в недоумении. Трудно было придумать более лёгкое задание. Но, судя по всему, Меробиане оно было не по плечу. Она побелела, глаза её глубоко запали, а губы дрожали, не в состоянии произнести ни слова.

Магистр под ликующие крики толпы подхватил на руки какого-то малыша и несколько раз подбросил его в воздух. Благодарный детский смех зазвенел над площадью.

— Ничья, — подвёл итог судья. — А раз так, то ключ остаётся у прошлогоднего победителя.

— Победа! Победа!! — закричали все от радости. — Магистр победил. Слава Магистру!

— Ты поняла? — кричал радостно Ул. —

Колдунья не может сделать даже самого маленького доброго дела! Тогда она навсегда потеряет свое умение колдовать!

— Ура! — прыгала вместе со всеми Настя. — Мы победили!

Она бросилась целовать Ула, Смеяна, а до Магистра ей было сегодня не добраться.

— Стойте! — подняла вверх руку Меробиана. — Вы все рано радуетесь! Я... именно я победила во всех остальных городах. Я ваш мэр, глупцы. И с завтрашнего дня!

С этими словами она завернулась в плащ и исчезла.

6. Несчастья в стране Городов

Со следующего дня начались в стране Городов беды и несчастья. Город Колдунов требовал, чтобы рыболовы отдавали ему всю свою добычу, музыканты услаждали колдунов музыкой, а судьи судили по новым колдовским законам.

Сначала жители страны Городов пытались сохранить свои старые добрые обычаи.

— Не нужны нам чужаки, — говорили те, кто посмелее. Но большинство отмалчивалось и выжидало.

Только один город решился открыто выступить против Меробианы. Это был город Автомобилистов. Там, как известно, люди

смелые и привыкшие к риску. Поэтому они вернули старого мэра — Лукомира. На соревнованиях Лукомир несколько раз обогнал Меробиану в гонке, пока та от злости, что не может победить его даже на машине, мотор которой в два раза мощнее, колдовством не испарила у Лукомира весь бензин. Ему пришлось сойти с дистанции...

— Надо отстоять наш город,— призвал земляков Лукомир.

На все дороги были высланы патрули на машинах, чтобы Меробиана не застала автомобилистов врасплох. Машины они спешно переоборудовали в броневики, ввели в городе пропуска и пароли.

Разгневанная Меробиана отомстила городу.

Утром пошёл дождь. Никто его не боялся — на дворе стояла тёплая летняя погода. Но вскоре все, кто попал под дождь, начали чихать, поднялась температура. А потом произошло самое ужасное — все они постарели на двадцать лет, когда выздоровели.

Дети сразу стали взрослыми. Играли в футбол под дождём шестеро двенадцатилетних мальчишек из одного двора, а назавтра они превратились в шестерых усатых дяденек. Взрослые поседели и постарели. Некоторых даже нельзя было узнать: так они изменились. Брат не мог узнать брата, сын — отца. А некоторые старики вскоре даже поумирали. Видно, постареть на двадцать лет было для них слишком много.

Молодой Лукомир стал совсем лысым. Он посерел от несчастий: у него умер отец, а сестра, не успев выйти замуж, состарилась.

— Что ж,— сказал Лукомир,— моё правление не принесло городу счастья. А подчиняться Меробиане я всё равно не хочу.

Он завёл свою машину и уехал куда глаза глядят. За окном мелькали деревья и овраги, а по лицу Лукомира струились слёзы. Ему было больно покидать свой родной город.

А в самом городе Автомобилистов царил неразбериха. Взрослые бегали за машинами и свистели, словно мальчишки. А ведь они и были мальчишками, только внезапно выросшими после дождя, и ещё не могли к этому привыкнуть.

В другом месте солидные тётеньки играли в песочнице. Ведь они не умели ещё даже читать.

Все, кто попал под дождь, ходили с огромными бородами и усами, которые вдруг у них отросли.

Не было слышно весёлого детского крика и смеха. Никто не гонял на велосипедах, пустые и поломанные стояли детские карусели. В первые дни повзрослевшие дети бросились на свои любимые карусели, но те, не выдержав чрезмерной нагрузки, поломались.

Боясь ещё больших наказаний, город признал власть Меробианы. Только каким неуютным он стал!

Страх заполз в сердца горожан. А если сердца полны страха, в них не остаётся места для других чувств: для любви и дружбы, для доброты и уважения.

На улицах тут и там вспыхивали ссоры. Умирали цветы, которые никому не хотелось поливать, засыхали деревья, и даже часы на городской ратуше — и те остановились. Знаменитые городские часы в виде автомобильной шины просто некому было заводить. Перестал теперь раздаваться звук автомобильного гудка, прежде возвещавший всему городу, который час: три гудка — три часа.

Остальные города, узнав о несчастьях автомобилистов, сразу подчинились Меробиане.

Гонцы Меробианы развозили приказы, и никто не смел их ослушаться. Город Рыболовов должен был поставлять ей рыбу, из города Цветоводов ехали грузовики с цветами, повара из города Поваров обслуживали её в замке. Всем нашлась работа для Меробианы.

Своими заместителями в городах она сделала самых завистливых людей — тех, кто никогда не мог победить на соревнованиях честно. И потому злился, завидуя победителям.

В городе Рыболовов теперь правил Калош, в городе Автомобилистов — Трах, в городе Поваров — Горелка.

Ни у кого не было таких чёрных, как

уголь, подгорелых пирогов, как у Горелки. А теперь, пожалуйста, он учил всех, как печь пироги. И остальным приходилось изобретать особый чёрный крем, чтобы их пирожные, оставаясь вкусными, всё же ничем не отличались от пирожных самого Горелки.

Калош не мог выловить в речке даже лягушку, а теперь важно читал лекции о ловле сомов и щук. Раньше его никто бы не слушал, теперь же все приходили в ратушу с тетрадками, чтобы старательно записывать мудрые мысли своего учителя.

Трах разбил в своё время не одну машину. Не было в городе столба, который не хранил бы на него обиды. Если он выезжал на улицу, ему то и дело грозили кулаками за плохую езду. Но теперь всё это осталось в прошлом. Теперь, когда он ехал, все встречные машины, как бы из почтительности, прижимались к тротуару и останавливались. Даже в местный кинотеатр, где фильмы можно было смотреть, не выходя из машины, специально для Траха проложили отдельную дорогу и выделили отдельную площадку, потому что в скоплении машин он обязательно на кого-нибудь наскочил бы.

Все они, конечно, превозносили Меробиану до небес.

7. Экспедиция

Машина Лукомира привезла его в город Учёных.

Магистр внимательно выслушал рассказ о том, что случилось в городе Автомобилистов.

Внезапно вокруг потемнело. Чёрные тучи со всех сторон обложили город.

— Может, спрятаться? — встревожился Лукомир. — Как бы и тут не полил дождь старости.

— Нет, — успокоил его Магистр. — Наш город не подвластен Меробиане. Здесь она не сможет причинить нам вреда.

Вдруг одна из туч приняла форму громкоговорителя, и из неё послышался голос Меробианы:

— Эй вы, слышите меня? Отныне ваш город будет именоваться городом Глупцов. Ха-ха-ха! До тех пор, пока вы сами не отдадите ключ, я объявляю ваш город закрытым. Всей стране запрещается доставлять в город Глупцов продукты под страхом смертной казни.

И сразу же вокруг города Учёных возникли сторожевые башни, на которых засветились глазки телекамер. Теперь никто не мог проникнуть в город незамеченным, и всё, что происходило в нём, сразу же становилось известным в городе Колдунов.

— Спрячься! — Магистр быстро втолк-

нул Лукомира в дом, как только на околице выросла первая сторожевая башня. — Незачем им знать, что ты здесь.

Под покровом темноты учёные собрались на совет. Они не зажигали свет в комнате, чтобы казалось, будто в городе все уже спят.

Начал совет Магистр.

— Мы можем говорить спокойно. Меробиана к нам не зайдёт. Вокруг дома расставлены лампы антиколдовства. Простой человек пройдёт невредимым сквозь их невидимые лучи, а для колдуна — это непреодолимое препятствие, о котором можно расшибить голову.

— Мы готовы обороняться! — решительно сказал Смеян.

Лукомир заволновался:

— Мало. Надо пойти забрать обратно ключ от города Колдунов. Тогда Меробиана потеряет всю власть, она уже не будет жительницей нашей страны. Она нарушила добрые законы страны Городов и потеряла право владеть ключом.

— Но как это сделать? — задумался Смеян. — Меробиана не пропустит нас в свой город.

— Я... я туда проберусь, — выпалила Настя. — Я ведь уже не маленькая.

Все повернули к ней головы. И тут за окнами вдруг раздался резкий скрежет, грохот и нечеловеческий крик.

Все сжались в своих креслах, а Лукомир быстрым прыжком бросился к окну.

— Ну, учёные, вы за это поплатитесь! — услышали они голос, который, казалось, шёл прямо с неба. — Моя нога!..

— Теперь она ещё больше нас возненавидит, — сказал Магистр, когда все пришли в себя. — Поэтому единственно правильное решение — это наступление.

— А она не может вернуться? — дрожащим голосом спросила Настя.

За дверью послышался шорох: кто-то пытался нащупать в темноте ручку. Все в страхе втянули головы в плечи.

Дверь потихоньку отворилась.

— Есть тут кто?

Незнакомец потоптался на пороге и постучал уже в открытую дверь:

— Отвечайте, пожалуйста, не бойтесь. А то мне страшно.

Тут все вспомнили, что перед дверью стоит антиколдовская лампа и поэтому бояться нечего. Магистр пригласил знакомого в комнату. Вошел Рымс. Все обрадовались.

— Как тебе удалось добраться сюда? — заинтересовался Лукомир.

— На лодке. Раз человек рыбак, то как же ему ещё ехать? Дороги перекрыты, а берега нашей реки высокие, крутые, вот река с вышек и не просматривается. Добрался, как видите, и не с пустыми руками.

— С чем же?

— С гостинцами. Бегите к лодке и несите сюда.

Вскоре в домике оказались ящики с рыбой из города Рыболовов, овощи из города Огородников и даже торты и пирожные из города Поваров.

Настя потихоньку схватила пирожное.

— Да оно же горелое, — удивилась она, повертев его на лунном свету.

— Нет-нет, — успокоил её Рымс. — Теперь у них мода такая.

— Значит, теперь у вас будет мода на хромых, — весело сказал Ул и поведал Рымсу о ночном визите Меробианы.

— Может, на этой лодке и отправиться? — вдруг предложил Лукомир, и все разом примолкли. Каждый задумался: ехать в город Колдунов было опасно.

— Нам надо спешить, — разрешил все сомнения Магистр. — Я пошёл собираться.

— Нет-нет, — остановил его Лукомир. — Так может провалиться вся наша затея. Меробиане завтра же донесут, что Магистра нет в городе, и она усилит посты. Тогда мы все попадёмся. Ехать надо мне и Рымсу. Это вернее всего.

— И мне, и мне! — закричала Настя. — Про меня вряд ли доложат Меробиане.

— Ты маленькая, а поездка опасна даже для взрослых.

— Поэтому я и должна ехать. На меня никто не обратит внимания.

— Она же тебя тут видела. Тогда, на состязаниях, — возразил Ул.

— А я снова оденусь мальчиком. Мальчишка из города Драчунов, помните?

И все занялись сборами. Магистр дал им маленького пластмассового голубя, чтобы в трудную минуту можно было послать весточку, и пульверизатор с антиколдовской жидкостью.

Лукомир и Рымс приклеили большущие бороды: Рымс — рыжую, Лукомир — чёрную. Они старались не показывать, что волнуются. Пускай ни у кого не будет страха за свою жизнь. Только так они смогут укротить злую силу. Только так можно будет пересилить коварство колдунов. Их любовь к родной стране должна победить любое колдовство.

8. Дорога

Бесшумно скользила лодка по чёрной воде, скрываясь за высокими берегами. Она удачно прошмыгнула опасный участок, где берега были пологими и лодку могли заметить. Путники выждали, пока луну закрыли тучи, и быстро прошли это место.

Через час Рымс включил мотор, и лодка пошла веселее. К утру они были уже в городе Рыболовов.

Выйдя из лодки, они быстро зашагали к дому Рымса, выбирая самые тихие переулки.

Впереди на перекрёстке замаячили фи-

гуры двух полицейских. Поворачивать было поздно, пришлось продолжать путь.

— Стойте, голубчики! — окликнули их полицейские. Оба они, как ни странно, хромали.

Путники с недоумением переглянулись.

— Вы что, не знаете? С сегодняшнего дня все жители великой страны Меробиании должны хромать.

— Ещё чего?! А если я не хромой! — возмутился Лукомир.

— Так будешь! — доверительно шепнул ему на ухо полицейский.

— А что это за Меробиания такая? Ведь мы живём в стране Городов! — с вызовом сказала Настя.

Рымс укоризненно покачал головой. В городе Учёных ещё не научились повиноваться, а он забыл их предупредить.

— Вы не обращайтесь на него внимания, дорогие наши стражи порядка, — начал успокаивать он полицейских. — Это ребёнок...

— Сдаётся мне, тут пахнет бунтом, — насторожился старший полицейский.

— Какой бунт? Откуда? — воскликнул Рымс. — Мы просто ещё не знали этого нового приказа. Мы ведь с рыбалки. Вот моя удочка. Да и ноги ещё мокрые.

— Может, правда? — взглянул на старшего добрый полицейский. — Отпустим? Ведь люди с рыбалки...

— А где их рыба? — допытывался стар-

ший.— И чего это они ловили утром, если Калош учит ловить днём. Почему на троих только одна удочка? Тут заговор! Надо отвести их к Калошу.

И путешественников повели. Проходя по людным улицам, они увидели, что все жители города хромают. Все без исключения. И когда уставала хромать левая нога, начинала хромать правая.

— Нам нельзя к Калошу,— зашептал Рымс.— Он меня может узнать. Даже с бородой. За тем углом будет сад, в него ведёт калитка. Бежим по моей команде.

По сигналу Рымса все бросились бежать. Полицейские кинулись в погоню, но хромой человек не может бежать так же быстро, как здоровый.

В саду Лукомир и Рымс не стали прятаться, а затаились по бокам калитки.

Едва один полицейский сунул голову, его сразу повалил Рымс. Второму заткнул рот Лукомир.

Друзья вышли из калитки и зашагали дальше. Теперь, наученные горьким опытом, они тоже хромали.

Посреди центральной площади стоял сбитый из досок помост, откуда полицейский под музыку разбрасывал листовки. Настя подобрала одну из них.

Всем приказываю хромать, чтобы идти медленнее и успеть о многом подумать.

Тот, кто отказывается хромать по приказу, станет хромым навсегда.

Меробиана

На помост выскочил хромающий Калош. Он яростно закричал в микрофон:

— Любимые мои рыболовы! Великая доставила нам ещё одну радость: идти и думать. Пока я шёл к вам, я успел обо всём подумать и решить многие сегодняшние дела. Ура! Мы станем мудрее, если будем исправно хромать. И победим этих недоумков из города Глупцов. А сейчас выступит наш ансамбль хромающих рыбаков...

Путешественники выбрались из толпы и зашагали дальше. На углу полицейские приклеивали к стене огромное объявление:

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!
СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ В ГОРОДСКОМ ПАРКЕ
СОСТОИТСЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ
МОДНЫХ СПОСОБОВ ХРОМАНИЯ.
СПЕШИТЕ!

Вскоре они добрались до дома Рымса. Лукомир сел за руль его машины, и они выехали на дорогу.

— Зачем ей это нужно? — вдруг спросила Настя.

— Что?

— Чтобы все хромали.

— Значит, она ещё не вылечила ногу и не хочет выделяться. Ведь в кого бы она сейчас ни превратилась, она всё равно останется хромой. А когда хромают все, её хромота будет незаметна.

За окнами машины бежали деревья, столбики, ручьи и речки. Здесь нигде не чувствовалось присутствие Меробианы, и путники повеселели. Родная страна Городов была тут такой же прекрасной, как и прежде. Ни листья, ни бабочки, ни муравьи не испытали ещё злого колдовства.

Они выехали на пригорок. Внизу раскинулся родной город Лукомира. Если в любом другом городе жилые дома образовали улицы, а гаражи стояли на задворках, то здесь всё было наоборот. Разноцветные, разноэтажные гаражи радовали взгляд, выстроившись вдоль улиц. Тротуаров почти не было, зато мостовые были широкие-преширокие, так как пешком здесь почти не ходили. Бензоколонки и магазины запчастей встречались здесь столь же часто, как в обычном городе гастрономы. Всё для машин!

Путники въезжали в город и удивлялись: вокруг стояла абсолютная тишина.

И вдруг весь город словно взорвался. Сотни автомобильных гудков и сирен разом заполнили его.

— А! — хлопнул себя по лбу Лукомир. —

Сегодня же день семейных гонок. Это старт с площади Карданного Вала. Я всегда участвовал в этих гонках. Послушайте, и нам ведь надо двигаться в том же направлении. А что, если...

— Не надо, — сказал Рымс. — Как бы опять не нарваться.

— Зато в толпе мы будем незаметнее, — настаивал Лукомир. — Мы будем мчаться, как все.

— Эх, была не была... — согласился Рымс.

— Ура! — запрыгала на сиденье Настя.

И они влились в колонну автомобилей, мчавшихся с площади Карданного Вала. Тут и там раздавался грохот столкновений и звон разбитого стекла. Все хотели вырваться вперёд.

Машина Лукомира постепенно обгоняла остальных. Их провожали удивлённые взгляды. В семейных гонках рядом с водителем могут сидеть дети, бабушки и даже кошки и собаки. Поэтому шум, крик и лай стоит всегда невообразимый. Ведь победителей ждёт семейный приз. И представьте огорчение, если вас обгоняет какой-то бородатый неумейка-рыболов с номером РЫБ!

— Отправляйся за рыбой! — кричали они вслед машине Лукомира, глотая пыль от её колёс.

Вот впереди осталась самая главная машина, в которой важно восседал Трах. Он потихоньку выехал на пять минут раньше

и уже радовался победе. И вдруг в зеркале позади себя он увидел какую-то машину. Трах заволновался. Как он ни выжимал скорость из своей гоночной машины, Лукомир на своей обычной не отставал. А тут ещё Трах заметил и номер РЫБ-47.

— Проклятый рыбак! Я тебе покажу, только попробуй обогнать.

Но Лукомир лихо повернул влево и обошёл машину Траха. Великий водитель — наместник мэра — весь посинел от негодования.

Наконец за поворотом показался финиш. Завизжав тормозами, машина Лукомира замерла на месте. Их «семейный экипаж» оказался первым.

Зрители, к своему удивлению, вместо Траха заметили за рулем чернобородого незнакомца. В воздух полетели кожаные кепки и мотоциклетные шлемы.

— Ура! — ликовала площадь.

Судьи нахмурились. Что делать? Ведь приз ждал именно Траха. Он сам себе его выбрал. На площадь, поднимая клубы пыли, въезжали остальные машины. Пахло бензином и пылью.

Судьи собрались в кружок и стали перешёптываться.

Толпа заволновалась. Победителей явно хотели лишить награды.

— Приз! Давайте семейный приз! — заревела толпа. Загудели сирены всех авто-

мобилей. Хотя было неприятно, что победили какие-то рыбаки, зато все радовались, что Трах остался без приза.

Главный судья откашлялся и объявил победителями экипаж из города Рыболовов. Он тут же вручил им белый конверт, в котором лежала семейная путёвка в город Колдунов. Осталось только вписать в неё номер машины.

Кипя злобой, Трах хлопнул дверцей и укатил. За ним поспешно потянулись его помощники. А площадь весело гудела, приветствуя победителей. Мотоциклисты, обгоняя друг друга, проводили их до выезда из города — до последней бензоколонки.

Дальше начинался лес, за которым и находился город Колдунов.

9. Лес

О здешнем лесе ходило много страшных рассказов ещё до появления города Колдунов. Водились там то ли разбойники, то ли лесные чудища, и люди боялись проезжать через него и раньше. Теперь же этот лес стал страшнее вдвойне.

И действительно, лес этот совсем не подходил на добрые леса страны Городов. Не слышалось в нём пения птиц, густые ветви деревьев не пропускали на дорогу ни одного солнечного лучика.

За поворотом показался пост. Полицейские пристально изучили семейную путёвку, не забыв сверить её с номером автомобиля.

— Вроде всё в порядке, — удовлетворённо хмыкнул один из них. — Захватите с собой пассажира до столицы.

— А где же он? — удивлённо оглянулся Лукомир.

— Открывай дверцу и меньше разговаривай! — зло гаркнул полицейский.

В приоткрытую дверцу бодро влезла важная чёрная крыса с красным портфельчиком в лапах. Она уселась на заднем сиденье между Рымсом и Настей, предварительно обнюхав каждого из них. При этом золотые очки её от любопытства чуть не упали с носа.

— Может, вы хотите сесть впереди? — услужливо спросил её полицейский.

— Нет-нет, тут гораздо безопасней, — глянула на него бусинками глаз крыса. — Трогай, шофёр! — властно приказала она и нетерпеливо забила хвостом.

— Смотри, езжай поаккуратней, — предупредил Лукомира полицейский.

И машина тронулась с места. Минут пять они ехали в тягостном молчании. Наконец крыса заговорила.

— Куда едем? — спросила она. — По какому делу в столицу?

— По путёвке, — изобразил из себя беззаботного толстяка Рымс. Но крысу это, наоборот, встревожило.

— А можно взглянуть на вашу бумажку? — Она внимательно обнюхала печать города Автомобилистов и лишь тогда успокоилась. — Мы должны быть настороже. Город Глупцов не так глуп.

— Мы впервые едем в столицу, — обратился к спутнице Рымс. — Что бы мы могли там посмотреть?

— Всё! — воскликнула крыса. — Начните с проспекта Справедливости. У нас там прекрасная, хе-хе, тюрьма. Шучу. Чего там рассказывать! Вы же на экскурсии, вам и так покажут всё, что можно показывать.

— И замок? — простодушно спросила Настя.

— За... — крыса от негодования даже потеряла дар речи. Потом, привстав и поправив очки, она продолжала: — Как ты мог подумать такое, негодный мальчишка? Там живёт сама! Экскурсантов туда не пускают. Только по делам. Стой, шофёр, я выйду тут. Зайдите, когда приедете, ко мне.

И она, протянув Рымсу свою визитную карточку, напечатанную на чёрной бумаге, юркнула в дупло большого дуба, стоящего при дороге. На визитной карточке было написано:

*Ягиня,
заведующая Музеем колдовства,
проспект Кикиморы, 7.*

Дальше путники ехали молча, постепенно приходя в себя. Вскоре перед ними вырос указатель:

ДО ГОРОДА КОЛДУНОВ 5 КМ, или
0,1 КОЛДОМЕТРА

Через несколько минут они остановились перед шлагбаумом.

10. Город Колдунов

Машины одна за другой въезжали в город. Полицейские указывали каждой точный маршрут, нарушать который строго воспрещалось.

— Вы должны ехать прямо к экскурсионному бюро. Площадь Нечистой Силы, 8,— сказал им полицейский, проверив путёвку.

Когда они подъехали к экскурсионному бюро, навстречу им сразу выбежала крыса в синей кепочке и затараторила:

— Экскурсия — один час. До вечера ходите по городу сами. Только по центральным улицам. Потом переночуете — и всё. На большее не рассчитывайте. У вас однодневная путёвка.

— Нет, у нас трёхдневная. Смотрите, здесь написано — три дня.

— Но вас же трое. Три разделить на три будет один. Поехали поскорее, вы у меня не одни.

И они вместе с экскурсоводом двинулись по городу. Простых людей на улицах не было, ходили в основном полицейские. Время от времени пробегали крысы, многие в чёрных очках. Видно, они плохо переносили дневной свет.

— Говорили — замок, а я что-то не вижу у вас никакого замка,— решила спросить Настя.

— Замок там,— крыса ткнула лапкой в сторону холмов.

— Но там же нет ничего! — удивились все.

— Вы, люди, строите замки вверх, а мы вниз,— объяснила крыса.

— Подземный он, что ли? — допытывался Лукомир.

— Ага,— кивнула крыса и забеспокоилась: — А чего это вы спрашиваете? Я не могу не ответить, потому что люблю поговорить. Великая одной каплей колдовской жидкости дарует нам речь. И теперь от радости мы, крысы, всё говорим и говорим. Но ничего, скоро мы научимся так же молчать, как и вы. Эй, тут поверните направо. И можно выходить.

Все вышли и, хромая, пошли по аллее. Крыса по дороге продолжала тараторить:

— Это наша аллея памятников. Вот видите — памятник Бабе-Яге. Первая женщина-колдунья высшей квалификации. За ней — Леший. Это — Кикимора. В фонтане — Водяной. Это — разные домовые вы-

глядывают из окон, труб и дверей домов. Избушка на курьих ножках. Хоть памятник, а действующая. Избушка, избушка, стань к гастроному задом, а к нам передом.

При этих словах избушка действительно отвернулась от видневшегося вдали гастронома и повернулась к экскурсантам. Крыса удовлетворённо хихикнула.

— Вообще-то ей полагается что-нибудь дать, но ничего, и так пускай поработает.

Избушка, не дождавшись подачи, зло заскрипела дверьми и переваливаясь опять повернулась окнами к гастроному.

— А почему мы не едем в музей? — спросила Настя.

— Музей учебный. В него так просто не пускают.

— А у нас есть вот это.— И Рымс протянул крысе визитную карточку.

— О! — сразу прониклась к ним уважением крыса.— Тогда конечно. Я не знала, что вы знакомы с самой Ягиной. Она — любимая ученица великой. Может ходить к ней, когда захочет. А я была там только один раз. Это такое счастье — видеть Меробиану, когда тебе только захочется!

— Думаю, что вы ошибаетесь. Вряд ли она ходит к Меробиане, когда ей вздумается,— подзадорил крысу Лукомир, так как знал, что если кого-то упрекнуть в незнании, он из кожи вон вылезет, чтобы доказать обратное.

— Как это? Как это я ошибаюсь! Я же

экскурсовод! У Ягины,— тут крыса опасно посмотрела по сторонам,— у неё даже есть свой отдельный ход к Меробиане. Вот как её уважают!

Крыса показала им, как ехать к музею, махнула на прощание лапкой и юркнула в ближайшую нору.

Путники подъехали к огромному чёрному зданию с гладкими стенами. Они обошли его вокруг, но нигде не увидели ни окон, ни дверей. Что же делать?

В отчаянии Рымс ударил по стене рукой, и рука просто провалилась внутрь. Тогда Рымс вслед за рукой просунул и голову, а затем исчез полностью. Вскоре показалась его сияющая физиономия.

— Стена пропускает, поэтому и двери не нужны. Пошли!

И все трое вошли в вестибюль Музея колдовства. Стояла кладбищенская тишина. То тут, то там из стен вырывалось пламя.

Навстречу им выбежала крыса Ягина. На её мордочке забегало подобие улыбки.

Она повела экскурсантов в зал, в котором, однако, ничего не оказалось. Кругом на стенах мерцали какие-то надписи на непонятном языке. Они то гасли, то зажигались вновь, наполняя зал полусветом.

— Но здесь же ничего нет,— удивилась Настя.

— Всё появится, как только я вслух прочту эти надписи.

— Но они же непонятные!

— Для тебя. Но не для моих очков.—

И она повертела своими очками в золотой оправе.— Это очки-переводчики. Они сразу переводят надпись с колдовского языка на простой. Вот тут, например, написано: «*Шляпа-невидимка безразмерная*».

При этих словах кусок стены высветился и появился стенд со шляпой. Над ним висел плакат «*Шляпа-невидимка в разрезе*», рассказывающий о её устройстве.

— Ой, как интересно! — захлопала в ладоши Настя, от души удивляясь.— А можно мне попробовать хоть разик?

Но Ягиня отрицательно покачала головой. Тогда на помощь пришёл Лукомир.

— Вы такая умная,— почтительно наклонился он к крысе.— А ребёнку хочется хоть чуточку быть похожей на вас. Неужели нельзя хоть на миг примерить очки?

— Хоть капельку,— попросила Настя.

Крыса расцвела от удовольствия и дала ей поглядеть в одно стёклышко, не выпуская очки из своих лапок. Настя глянула на стену и легко прочла: «*Ступа летающая, турбовинтовая*».

И действительно, сразу же появилась ступа с турбинами, за ней высветились правила вождения из пяти пунктов. Пункт первый разъяснял, как заводить ступу. Пункт пятый — как тормозить её. А над всем этим яркими красными буквами было написано:

«*Пользуйтесь ремнями безопасности!*»

— Ой, как чудесно! А можно ещё?

— Нет! — на этот раз крыса была непреклонна. Никакие уговоры не действовали на неё. Дальше она продолжала рассказ сама. Следующими были сундуки-невывезайки, куда можно было засадить кого угодно. Скажи только нужные слова — и готово! Сундуков было два: один для простых людей, у другого стенки имели антиколдовское покрытие. Оттуда нельзя было вылезти, даже зная освобождающее заклинание.

Был там и подводный велосипед для водяных, на котором можно было гонять глубоко под водой.

Все стены этого зала были забиты колдовской техникой — начиная от микроскопа, который по отпечаткам пальцев предсказывал будущее, и кончая розами, лепестки которых запоминали и передавали хозяину все разговоры, которые слышали. И возле каждого экспоната — инструкция. Ведь музей был не простой, а учебный.

На прощание Ягиня высветила стену с портретами выдающейся нечистой силы: от Бабы-Яги до Коцея Бессмертного.

— Вот и всё,— Ягиня галантно поклонилась.— Больше нельзя. Да и спешу я. У нас сегодня большая колдовская ассамблея. Так что — прощайте.

Экскурсанты затаптались в нерешительности. Что-то надо было предпринимать.

Ягиня по-своему поняла их:

— Не знаете, куда идти? Стены вас выпустят в любую сторону. А мне сюда. Тут моя комната...

— Тогда, — остановил её Рымс, — подарок от нас. Вы так много нам показали...

Он сунул руку в мешок и достал оттуда пульверизатор.

— Какая прелесть! — захлопала лапками Ягиня. — Как блестит! Это, наверное, золото?

Рымс плавно нажал на грушу. В воздухе повисли мельчайшие капельки.

— Что это такое? Это не духи! — забеспокоилась крыса.

— Конечно, нет, — согласился Рымс и быстро схватил Ягиню за шиворот. Он тут же стащил с неё колдовские очки и протянул Лукомиру. — Это жидкость от колдовства, и твои заклинания тебе не помогут.

— Э-э-э! — завизжала крыса. — На помощь! У нас учёные!

Но Лукомир, пользуясь очками, быстро открыл сундук с антиколдовским покрытием и сунул туда Ягиню. Она зацарапалась внутри, но потом затихла: очевидно, поняла, что оттуда ей всё равно не выбраться.

Рымс распахнул дверь в комнату Ягини.

11. Заседание

Они принялись искать крысиную нору, которая вела в покои Меробианы. Заглядывали повсюду, но нигде не видели хода. Тогда Настя присмотрелась к маленькому узору в углу, который очень походил на колдовские надписи в зале. С помощью очков-переводчиков разобрали, что это написано: «ВХОД». Но никакой дверцы здесь не было. «Надо прочесть надпись вслух», — догадалась Настя. И только она произнесла это слово, как в стене распахнулась маленькая дверца. Оттуда повеяло холодом.

Рымс стал на колени и с трудом заглянул внутрь.

— Да, проблема, — почесал он затылок. — Она такая маленькая, что никто из нас туда не пролезет.

— Что же делать? — чуть не расплакалась Настя.

— Подождите, подождите, — успокоил их Лукомир. — Кажется, среди их колдовских инструментов есть что-то подходящее.

Они бросились обратно в зал и с помощью очков высветили стенд с роликовыми коньками, которые уменьшали ровно в три раза. Если же проехать на них не вперёд, а назад, то рост снова станет нормальным.

Они забрали их со стенда и вернулись в комнату.

— Стойте, — заволновался Лукомир. —

Ведь нам каждому нужны такие коньки. Они же могут уменьшить только одного человека!

— Меня! — закричала Настя.

— Меня! — настаивал Рымс.

— Давайте начнём с меня, — предложил Лукомир. — Я всё же спортсмен.

Он разогнался на роликах, постепенно уменьшаясь, и совсем маленьким подъехал к норе. Но пролезть в неё ему не удалось: всё же он оставался слишком большим.

Вторым разогнался Рымс. Но и он не смог протиснуть своё уменьшённое тело в нору. Пришлось и ему снова стать большим.

И только Настя стала такая маленькая, что легко прошла внутрь. Лукомир вернулся в зал за шляпой-невидимкой. Настя примерила её и исчезла.

— Сними, доченька, шляпу на секунду, — попросил на прощание Рымс.

Лукомир протянул Насте золотые очки. Ведь она отправлялась в чужой мир, и там хорошо иметь такого молчаливого переводчика. Теперь Ягинины очки пришлись ей как раз впору.

— Возвращайся поскорее, доченька, — сказал Рымс. А Лукомир притянул к себе маленькую невидимую девочку и поцеловал.

Дверца закрылась. Вроде сама собой. Ведь Настю теперь нельзя было увидеть.

Она бежала по норе. Сердечко её дрожало от страха. Но она ни на секунду не останавливалась, надо было спешить.

Вскоре Настя очутилась перед новой дверцей. Она быстро схватилась за ручку, но тут сквозь колдовские очки прочла:

СЮДА НЕ ВХОДИТЬ! СМЕРТЬ!
ИЩИ СЛЕДУЮЩУЮ ДВЕРЬ

Настя с благодарностью вспомнила Лукомира, который не забыл передать ей очки.

За углом Настя натолкнулась на дверь с уже знакомым узором: точно такой же был на дверце в комнате Ягини. Теперь даже без очков она легко прочла колдовскую надпись:

ВХОД

В глаза ударил неяркий свет. За дверцей начиналась открытая галерея, которая шла вокруг огромного зала. Как и в Музее колдовства, всё освещалось пламенем, вырывавшимся прямо из стен. Посредине стоял огромный дубовый стол. Вдали виднелись часы, украшенные непонятными колдовскими знаками, а вместо гирь на цепочке под часами висели два черепа. Вокруг стояли стулья с лесенками. Настя догадалась, что они сделаны специально для крыс.

Хлопнула дверь, и Настя прижалась к колонне. В страхе она забыла, что была в шляпе-невидимке.

В зал начали входить крысы. Они лихо взбирались каждая по своей лесенке и усаживались на стулья. На стол перед собой они укладывали чёрные портфели с золотыми застёжками. Доставали оттуда кипы бумаг

и покрывали их своими подписями. Крысы не теряли ни минуты, они работали.

Забили часы. Двое слуг в расшитых золотом ливреях внесли подушку с хорошо знакомым Насте ключом и положили её перед самым высоким креслом, стоящим во главе стола.

С последним ударом часов раздалось воронье карканье. Вместо кукушки из часов вылетела чёрная ворона, которая сделала круг по залу и вернулась обратно.

Над самым высоким креслом за клубился дым. Когда он рассеялся, все увидели Меробиану.

— Ура! Ура великой! — закричали со всех сторон крысы.

Меробиана переводила взгляд с крысы на крысу.

— Почему я не вижу Ягини? — спросила она своим скрипучим голосом. — Неужели ещё не вернулась из лесу?

— Наверное, нет, — наперебой закричали крысы, так как каждая хотела ответить первой. — Ягиня, конечно, прибежала бы тебя приветствовать, о великая!

Меробиана на секунду задумалась. Настя при этом ещё сильнее прижалась к своей колонне.

— Хорошо, начнём без неё, — Меробиана взяла с подушки ключ и постучала по столу. — Я собрала вас, чтобы обсудить новый план. Мы не можем называться столицей,

пока у нас есть город Глупцов. Мы должны немедленно с ними расправиться. Но как? Они поставили там опасные для колдунов ловушки, поэтому нам придётся отправить туда... людей. Да, да, простых людей! Ведь среди них есть такие, которые злее любого колдуна. Пускай они сами убьют Магистра и его друзей. Смерть!

И все с радостью подхватили этот клич. Их вопли леденили кровь. Но Настя ничем не должна была себя выдать. Она ещё сильнее, до боли в руках, вцепилась в колонну.

— Я думаю, — продолжала Меробиана, — послать к глупцам делегацию моих наместников. Если они захотят остаться у власти, то не оставят Магистра в живых.

— А можно нам? — завопили крысы. — Мы первыми хотим погрызть его косточки.

— К сожалению, нет, — вздохнула Меробиана. — Ведь моя власть не распространяется на город Глупцов, поэтому там вы будете бессильны. На этом наше заседание объявляю закрытым! — Меробиана трижды постучала ключом по столу и растаяла в воздухе.

Все, сбивая друг друга, устремились к дверям. Одна крыса даже забыла в спешке свой чёрный портфель и метнулась за ним. А вскоре исчезла и она. Настала минутная тишина.

Настя побежала к столу. Ключ! Здесь ключ! Она попыталась дотянуться до бархатной подушки, но теперешний её маленький

рост не позволил ей это сделать. Тогда она быстро забралась по ближайшей крысиной лесенке наверх, побежала по столу к подушке и схватила ключ.

В ту же секунду отворились боковые двери и вошли двое слуг в ливреях. Настя в испуге присела и зажмурилась.

— Странно, — сказал один из слуг. — Где же ключ? Куда он мог деться?

«Они меня не видят! Я же в шляпе-невидимке! — вспомнила Настя. — И ключ не виден поэтому».

— Может, его захватила с собой великая?

Слуги повернулись и ушли. А Настя спустилась вниз и побежала по крысиной норе.

12. Погоня

Настя стремглав побежала по норе вверх. Сейчас доро́га была каждая секунда, поэтому она ни разу не присела отдохнуть. Хотя для неё, такой маленькой, ключ был очень тяжёл.

Наконец она добралась до комнаты, но друзья почему-то даже не посмотрели в её сторону. Ага, всё понятно! Настя сбросила с головы шляпу-невидимку. Теперь беспокойство на их лицах сменилось радостью.

Она прокатилась на роликах обратно, и все побежали к выходу. Выбежали из музея и только в машине перевели дух.

— Жаль, что ничего не успели захватить оттуда, — сказал Рымс.

Но сейчас было не до разговоров. Машина взревела и помчалась по улицам. На выезде из города Лукомир нахально включил фары и двинулся напролом, непрерывно сигналив. Полицейские вытянулись по стойке смирно, решив, что это выезжает машина с каким-то секретным заданием. Они затормозили весь поток автомобилей и почтительно выпустили путников из города.

— Надо куда-то спрятаться, — беспокоился Лукомир. — Ключ скоро начнут искать.

Тут позади, в городе Колдунов, во всю мощь взвыли сирены. Значит, уже хватились. И сообщат на все посты. Лукомир резко свернул в сторону на просёлочную дорогу.

Теперь они ехали, выжимая из машины невозможную скорость.

— Смотрите! — испуганно выкрикнула Настя.

Все обернулись. Над городом Колдунов что-то одно за другим взлетало в небо.

— Это реактивные ступы! Погоня, — догадался Рымс. — Надо прятаться.

Они свернули к холму и стали рвать ветки, чтобы прикрыть машину. Но поблизости рвать было нельзя, поэтому приходилось уходить всё дальше и дальше. И тут внезапно послышался Настин крик.

Лукомир и Рымс бросились к ней. Настя была цела. Оказывается, сорвав ветку, она

обнаружила в середине холма вход в огромную пещеру.

Они устроились в тёмном углу и притаились.

— Подождите, — вдруг сказал Рымс. — Нам надо отправить ключ. Мы можем погибнуть, но ключ должен попасть к Магистру.

Тогда Настя достала из кармана маленького пластмассового голубя — подарок Магистра. Включили его батарейки, и голубь заблестел умными глазками.

Ключ прикрутили к его лапкам, и белоснежное пятнышко растаяло в небесах.

Путники заторопились в глубь пещеры. Они шли и шли берегом подземной реки, надеясь скрыться. Им казалось, что даже дыхание может выдать их преследователям.

Через десять минут они слышали позади неясный гул. Видно, преследователи достигли пещеры.

— Стой! Держи! Лови! — слышался сзади визг.

Беглецы прибавили шагу.

Им удалось пройти под огромной нависшей скалой, когда далеко позади послышался знакомый скрипучий голос. В пещеру вступила Меробиана.

— Они здесь! Они не могли далеко уйти! — кричала она. — Они в наших лапах!

И этот голос мешал им идти, обволакивал их ноги и руки невидимыми путами. Это был колдовской голос.

— Стойте, дорогие, — ласково приказывала Меробиана, играя с ними, точно кошка с мышкой, и ноги послушно останавливались. Но кому-то одному удавалось преодолеть это оцепенение, он помогал остальным скинуть с себя колдовские путы, и они бежали дальше.

— Стойте! — закричала нечеловечески громко выведенная из себя Меробиана. Голос этот был так силен, что нависающая над ними скала вдруг затрещала и начала рушиться.

Грохот и пыль накрыли путников. Потом наступила тишина.

— Ты жива, Настя? Где ты? — услышала девочка голоса.

Она поднялась на ноги. Значит, и Рымс, и Лукомир тоже остались живы. Надо бежать дальше.

— Подождите, — остановил их Рымс. — Почему так тихо? Неужели скала закрыла нас от погони?

Они прислушались. Едва-едва слышны были чужие голоса. Значит, скала преградила путь преследователям.

Но куда идти дальше? Только вперёд, сзади выхода теперь не было. Они зажгли фонарик и заторопились. Ведь фонарик не мог гореть вечно, рано или поздно он потухнет.

Тут и там нависали скалы. В свете фонаря они казались страшными чудовищами. Но, присмотревшись, Настя успокаивалась. Под землёй было не так страшно, как в городе Колдунов.

Через несколько часов фонарь начал мигать.

— Этого только нам не хватало, — забеспокоился Лукомир. — Без света мы погибнем.

Они заторопились. Но свет фонаря становился всё слабее и слабее. Вскоре путники оказались в сплошной тьме.

Крепко держась за руки, они на ощупь двинулись вперёд. И вдруг за поворотом что-то мелькнуло. Как будто едва-едва видимый свет. И воздух, казалось, посвежел.

Путники, обгоняя друг друга, бросились вперёд. Их сердца наполнялись радостью. Становилось всё светлее и светлее.

Кажется, спасены!

И вот они вышли на поверхность. Свет резал глаза.

— Где мы?

С пригорка вдали был виден город. Что за город — неизвестно. Но всё равно любой из них, кроме города Колдунов, был для них спасением. Только бы долетел голубь. Эта мысль не давала им покоя в пещере, но ещё больше она беспокоила их сейчас.

13. Город Парикмахеров

Это оказался город Парикмахеров. От главного городского фонтана веяло благоуханиями — в нём журчал одеколон, а не вода. И, конечно, часы на городской ратуше тоже

были особенными. Их стрелки напоминали ножницы. Поэтому чинить такие часы в случае поломки или переводить их очень опасно: ведь можно порезаться.

А что происходило в местной школе! Мальчик мог прибежать домой в странном виде: одна половина головы сострижена, другая — лохматая.

— Это у нас была контрольная, и Вовка не успел.

— Ага, — радуется папа. — Давай-ка я тебя достригу.

— Что ты, папа! — отмахнётся мальчик. — Это учитель Вовке на дом задал. Если ты меня дострижешь, Вовка и мне не оставит домашнего задания.

Бородачу появляться в таком городе было просто опасно. На первом же перекрёстке путников окружила толпа парикмахеров. Они со всех сторон тянули к ним свои машинки, бритвы, пульверизаторы.

Но что такое? Под бритвой мастера борода Рымса сама отскочила целиком. «Ура!» — закричал весь квартал. Вот это искусство! А мастеру, который брил Лукомира, тоже удалось всех поразить: начал брить одну щеку, а со второй борода сползла сама. В суматохе никто не заметил, что бороды наклеенные.

Досталось и Насте. Ведь мальчику не следует иметь такие длинные волосы, как у девочки.

А Настя была одета, как мальчик.

Так что постригли и её.

Промокшие от одеколона, путники двинулись дальше.

Теперь уже они без боязни проходили мимо парикмахерских.

Только что это за толпа перед объявлением? Лукомир протиснулся поближе.

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

ТОМУ, КТО ОБНАРУЖИТ ТРЕХ БАНДИТОВ,—

ОДНОГО ДЛИННОГО С ЧЕРНОЙ БОРОДОЙ,

ДРУГОГО ТОЛСТОГО С РЫЖЕЙ БОРОДОЙ,

ТРЕТЬЕГО МАЛЬЧИШКУ,—

НАША ВЕЛИКАЯ МЕРОВИАНА

ОБЕЩАЕТ КРЕСЛО М И Н И С Т Р А.

НАЧАЛЬНИК КОЛДОВСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Я Г И Н Я

Лукомир почувствовал, как на плечо ему легла тяжёлая рука.

Он резко обернулся и увидел трёх полицейских.

— Интересуешься? — кивнул один из них на объявление. — К чему бы это?

Лукомир краешком глаза посмотрел в сторону Рымса и Насти. Рядом с ними тоже стояли трое полицейских.

— Не вы ли это? — прищурил глаза старший полицейский.

— А бороды? — начал было сомневаться другой.

— Понюхай, чем они пахнут! — настаивает

вал старший.— Они только что из парикмахерской. Нас этим хитрецам не провести.

И всех троих отправили в городскую ратушу.

Каждого сопровождали по двое полицейских, так что о побеге нечего было и думать.

По своему кабинету, оборудованному под огромный зал парикмахерской с зеркалами, рукомойниками и фенами, бегал наместник Меробианы Деколон, поминутно освежая себя из пульверизатора.

При виде арестованных он уселся в кресло и радостно потёр руки:

— Ага... Наконец стали попадаться первые клиенты.

И он забегал вокруг них, принюхиваясь к запаху одеколона, присматриваясь к их стрижке. Затем схватил в руки объявление с приметами.

— Трое... И этих тоже трое. И они не из нашего города. Дальше: длинный, толстый и мальчишка. Ха-ха, всё совпадает. Прямо удивительно, как мне повезло. Теперь я министр. Такой молодой — и уже министр. Вот жена обрадуется!

Старший полицейский подошёл и зашептал ему что-то на ухо. Деколон удивлённо посмотрел в объявление.

— Бороды? Да-да, бороды надо сейчас же приклеить.

Он захлопал в ладоши, и ему сразу же принесли мешок бород. Усадив арестантов

в кресла, он принялся приклеивать бороды. Те отпадали, топорщились: видно, мастер он был не из лучших.

Но клей в конце концов победил: все трое арестантов стали бородатыми.

Деколон удовлетворённо покрутил на пальце ножницы.

И опять старший полицейский зашептал ему что-то на ухо.

— А? — удивился Деколон и пробежал глазами объявление снова. — У кого-то из вас лишняя борода. Признавайтесь.

Старший полицейский подошёл и сорвал бороду с Насти.

Теперь радостный Деколон снова освежился из пульверизатора и позвонил по телефону в город Колдунов.

— Я министр! — поминутно напоминал он своим полицейским. — Имейте в виду, вы разговариваете с министром.

Вскоре перед ратушей завизжали тормоза и по каменной лестнице зацокали коготки. В комнату вбежала Ягиня.

— Вот, извольте, — расшаркался перед ней Деколон.

Но Ягиня, не слушая его, бросилась к пленникам.

— Они! Бородачи проклятые! — В злобе она подбежала к Лукомиру и укусила его за ногу. Потом быстро затараторила по телефону: — Они. Я уверена. Ключ? Не знаю.

Ягиня отрывисто приказала:

— Обыскать бандитов. Во что бы то ни стало найти ключ!

Полицейские принялись за дело. Они рассматривали каждую складку на одежде пленников, отрывали подошвы башмаков, но ключа не было. Ягиня не выдержала и принялась шарить сама.

«Эх, жалко, раньше я не знал, что нужен ключ, — сокрушался Деколон. — Я бы его нашёл, как и бороды».

Тут в зале прямо из ничего выросла фигура Меробианы. Все, кроме пленных и Ягини, попадали на пол.

Настя ужаснулась, увидев Меробиану. Её невозможно было узнать. Как будто тяжкая болезнь грызла её изнутри.

— Где они? — прошептала Меробиана и бессильно опустилась в кресло.

Ягиня вытолкнула к ней пленников.

— Ключ... Отдайте ключ, — протянула к ним трясущуюся руку Меробиана. И все с удивлением заметили, что на этот раз она не приказывала, а просила.

— Сейчас найдём, сейчас, сейчас, — услужливо, словно комнатная собачка, забегал Деколон. — А ну вытряхивайте все ключи, которые припрятали! — приказал он своим полицейским, подозревая, что это они успели украсть драгоценный ключ у пленников.

Вскоре груды ключей заблестела на полу перед Меробианой. Она небрежно отбросила их ногой.

— Ключ!

Пленники молчали.

— Что ж, тогда применим более сильные средства, чтобы заставить вас заговорить. Деколон! — приказала Ягиня. — Немедленно доставьте сюда самые большие ножницы, которые есть в вашем городе.

— Ножницы! — ужаснулась Настя и закрыла лицо руками.

Она не хотела, чтобы её испуг кто-нибудь заметил. Но от Ягини не ускользнуло, что она испугалась.

— С тебя и начнём, мальчишка, — подбежала она к Насте. — Именно с тебя. Тогда и те скорее заговорят.

Сердце Насти бешено забилося.

14. Последний поединок

Учёные в своём городе волновались.

Шло время, а никаких известий от посланцев не поступало.

Магистр отправился в сад — единственное место, где он мог сидеть спокойно. Любимые цветы Магистра — и те чувствовали его печаль. Они почти увяли.

— Сейчас я вам помогу. Моя жизнь кончается, зачем же погибать и вам? — И Магистр отправился к колодцу.

Он стал поливать цветы и вдруг с удивлением обнаружил среди листьев что-то белое.

— Странно, — забормотал Магистр и на-

клонился, чтобы лучше рассмотреть. Это был белый пластмассовый голубь. Видно, ему не хватило сил долететь до дома, и он упал в кусты. Прижимая его к груди, Магистр что было сил побежал к дому.

Скорее! Скорее!

Не было даже времени, чтобы позвать на помощь друзей.

Магистр бросился в мастерскую и быстро развёл под тиглем огонь, чтобы немедленно расплавить ключ.

Меробиана своим колдовством нарушила законы страны Городов, и поэтому ключ подлежал уничтожению.

Магистр напоследок полюбовался ключом в отблесках пламени, но тут неожиданно из глубины подвала на него бросилась громадная крыса.

— Отдай ключ. Сейчас же отдай, — шипела она знакомым скрипучим голосом.

Крыса вцепилась зубами в руку Магистра. От боли он разомкнул пальцы, и ключ со звоном покатился по полу.

Крыса бросилась к норе, сжимая в зубах драгоценный ключ.

Магистр пытался отрезать ей путь, но крыса не отступила: ключ оказывался то у неё, то у Магистра. Последним усилием воли Магистр выхватил у неё ключ и бросил в тигель. Крыса с воем метнулась за ним в огонь. Запахло паленым. Магистр обессиленно опустился в кресло.

А в это время в кабинете мэра в городе Парикмахеров раздался душераздирающий крик.

— Я горю, я сгораю, — кричала Меробиана, катаясь по полу.

Её было не узнать, и от этого становилось страшно. Ведь в памяти ещё хранился облик злой и коварной правительницы. Теперь же страх у пленников исчезал с каждой минутой. Никто ещё не понимал этого. Но видно было, как меняется всё вокруг. И крики эти заставляли дрожать и съёживаться слуг колдуньи.

Все изумлённо смотрели, как Меробиана то превращалась в какую-то обгоревшую крысу, то снова становилась сама собой. В конце концов она поднялась с пола и, шатаясь, зашагала прочь.

Она натыкалась на столы и кресла, но шла и шла, растворяясь в воздухе. Постепенно исчезали руки, ноги, голова. И вскоре она исчезла совсем.

Тотчас словно стал другим воздух, так всё внезапно осветилось и засверкало. Молчание и бездействие слуг затягивалось. Исчезнувшая правительница как бы утащила с собой всю их храбрость.

Первым тишину нарушил Деколон.

— Что же делать с арестованными? — заволашевал он и стал искать поддержки у стоящих рядом. Но они молчали, боясь проронить хотя бы слово, проклиная и себя, и мэра, и то, что они ввязались в это дело.

Тогда Деколон захотел спрятаться за начальницу колдовской канцелярии. Почему он? Пускай решает сама Ягиня. Ведь сейчас в комнате не было никого ближе к правительнице, чем она.

— Как вы считаете? А? — почтительно наклонился он к некогда важной крысе.

Ягиня пропищала в ответ что-то невразумительное, потом забегала по комнате в поисках укрытия.

Не найдя его, она прыгнула в раскрытое окно, и писк её затих.

Теперь задрожал Деколон и побежал к двери. Полицейские, срывая мундиры, устремились за ним.

Около ратуши собралась недоумевающая толпа.

Лукомир распахнул пошире окно. Свежий ветер ворвался в кабинет, выметая из него все бумаги колдовской канцелярии.

— Друзья! — крикнул из окна Лукомир. — Кончилось крысиное царство Меробианы! Мы снова свободны! Да здравствует свободная страна Городов!

И площадь в ответ загремела радостным «ура!». В страну Городов пришла долгожданная победа. Снова главными в стране становились мастера своего дела, а неумейки прятались по домам, сгорая от стыда и страха.

Не сама по себе пришла эта победа. Просто так победы не приходят. Только достойные побеждают. Только храбрые выигрывают.

Только справедливые вознаграждаются по праву.

Страна Городов смогла постепенно расправить свои плечи. Словно опустошённая бурей, она теперь могла честно жить, честно любить и честно хвалить, если было нужно. Лучшие действительно были лучшими. И никто не думал, что они стали такими по знакомству.

Справедливые на самом деле были справедливыми, храбрые — храбрыми, а добрые — добрыми. Не только по бумагам да документам, как это бывало раньше. И от этого даже дышалось по-другому. И свободнее. И веселее. И радостнее. Ведь самое главное в жизни — это правда. Когда ты веришь словам своего соседа, а он верит тебе. И если ты знаешь, что завтра тебе не придётся кривить душой, ты и сегодня будешь таким. Таким, каким должен быть всегда. И страна Городов это заслужила.

1. Письмо

Прошло несколько лет после попытки Меробианы воцариться в стране Городов. К счастью, всё кончилось благополучно, жители страны Городов победили. Жизнь в стране пошла своим чередом. Ребята подрастали. И Настя, конечно, стала постарше. И что самое интересное — на карте страны появился новый город — Волшебников. И никто против этого не возражал: ведь волшебники — это не злые колдуны.

Город Волшебников утопал в зелени. Причудливые дома веселили взор. Один был похож на розу и, как сотни роз, благоухал. Другой напоминал паровоз: у него даже дым шёл из трубы.

Городской фонтан в центре города внезапно мог начать извергать не воду, а огонь. У голубей, кружившихся над площадью, в клювиках появлялись цветы, и на прохожих вдруг сыпался дождь лепестков. Облака иногда превращались в мирно пасущихся на небе овечек. Задует ветер — и зазвенят колокольчики на шеях у овечек.

Хорошо жилось в городе Волшебников. Можно было зайти в любой магазин, что

бы там ни продавалось, и попросить всё, что душе угодно, например, стакан воды с сиропом в магазине «Пуговицы». И продавец тут же прямо из воздуха доставал стакан, вежливо спрашивая: «Вам с двойным?» И вот уже на прилавке искрится и пенится прекрасная газированная вода.

Однажды по улицам этого города шёл почтальон. Он нёс очень важное письмо в городскую газету «Волшебные известия», обращённое ко всем жителям города Волшебников. Чтобы попасть в редакцию газеты, почтальон должен был пересечь две весьма опасные улицы. Как только он свернул на улицу, где жили волшебники, любившие превращать предметы в птиц и зверей, важное письмо превратилось в воробышка. Это какой-то волшебник, который брился на своём балконе, невзначай глянул на сумку почтальона. Воробей расправил крылышки и, весело чирикал, улетел.

Почтальон, схватившись за голову, бросился его ловить. Но не так-то легко поймать летающее и чирикающее письмо. Конечно, в конце концов почтальон настиг бы его и отнёс в редакцию. Но воробей полетел на улицу, где жили волшебники, которые умели превращать птиц и животных в людей.

Воробышек, ничего не подозревая, весело чирикал. Один волшебник выглянул в окно и страшно обрадовался. Он сразу превратил птичку в мальчика. Воробей, перестав чири-

кать, стал насвистывать песенку и побежал дальше по своим мальчишечьим делам.

Почтальон же, который не успевал за воробьём, не заметил этого превращения. Столкнувшись нос к носу с мальчишкой, он не догадался, что это и есть его улетевшее письмо. И мальчишка побежал играть в футбол. Так и не попало важное письмо в городскую газету «Волшебные известия».

2. Волшебная школа

Если жители других городов страны проживали вместе постоянно, то волшебники находились в своём городе временно.

Они здесь учились, получали дипломы, напечатанные на невидимой бумаге, и разъезжались в разные страны. Поэтому здесь встречались волшебники и с чёрным, и с жёлтым цветом кожи, скуластые и длиннолицые. Ведь волшебники нужны повсюду — и в Африке, и в Австралии, и даже в Антарктиде.

По окончании волшебной школы они, как и положено, получали диплом по специальности и направление на работу.

— Вы будете работать в лесу, — говорил директор волшебной школы и выдавал диплом лешего.

— Вы — в воде, — и выдавал диплом водяного.

— А вы — в шестнадцатиэтажных домах, — и выдавал диплом шестнадцатиэтажного домового.

И, конечно, имея диплом водяного, никто не станет выращивать грибы, потому что у такого специалиста они получатся водянистые-преводянистые. А леший никогда не возьмётся за подводную работу, потому что он и плавать-то не умеет.

Волшебники радостно танцевали на своём прощальном балу, а потом разлетались на работу. Лешие следили, чтобы в лесу не переводились ягоды и грибы, водяные разводили рыбу, а домовые, которые обслуживали шестнадцатиэтажные дома, и вовсе не знали покоя: то лифт выйдет из строя, то какой-то малолетний хулиган на лестнице намусорит.

Волшебники кружились в танцах на выпускном балу и вспоминали свою учёбу. Они навсегда прощались со школой, а это бывает грустно. И минувшие школьные дни казались им самыми счастливыми.

В первом классе все волшебники учились самым простым и мелким чудесам: как стать невидимкой, как заговорить с птицей на птичьем языке. Те, кого птицы лучше всего понимали, потом работали лешими. Кто любил технику — становились домовыми. А кому по душе было плавание — тот выбирал специальность водяного.

Во втором классе изучали чудеса посложнее: как бесшумно сдвинуть с места гору,

как перелететь из одного города в другой, не натываясь на самолёты, как предугадывать злые замыслы.

В третьем классе начинали основательно изучать свою будущую работу: водяные учились нырять поглубже и, даже выбираясь на сушу, оставляли за собой лужицы. Некоторые уроки для водяных проводились под водой.

Будущие лешие изучали деревья, травы, цветы. Закрыв глаза, по одному лишь запаху они могли определить, какое перед ними растение. А домовые бегали вниз-вверх по этажам, чтобы вовремя поспеть на все шестнадцать.

— Дорогие мои, — чуть не плача, говорил выпускникам директор волшебной школы, — мы для вас сделали всё! Скоро у нас появится новая специальность — ракетная. Будем готовить волшебников для космоса — не отставать же нам от людей! А на космических ракетах волшебных дел невпроворот!

Услышав о ракетных волшебниках, ученики закричали «ура!» и стали взлетать к потолку. Но директор продолжал ровным голосом.

— Учтите, отбор будет очень строгим, — обратился он к ученикам первого класса, у которых радостно заблестели глаза. — Не каждый может стать ракетным волшебником. Сами понимаете. Но это наше будущее. А сегодняшние наши выпускники отправятся в самые разные уголки Земли...

Директор волшебной школы захлопал в ладоши, и домовые, водяные и лешие стали разлетаться — каждый туда, куда ему было выписано направление на работу.

Пропавшее письмо, превращённое в мальчика, никого не беспокоило именно потому, что был праздничный день — день бала, день прощания со школой.

3. Приезжий

Поэтому жители города так и не узнали, о чём их хотел предупредить волшебник Альмагель. Когда создавали город Волшебников, Альмагель не захотел жить в шумном городе, а поселился отдельно, высоко-высоко в горах, где никто не мешал ему заниматься волшебными делами. Заглядывая в будущее, он узнал, что в город Волшебников должна прийти беда под личиной простого человека в соломенной шляпе. Если бы письмо попало в газету, волшебники, несомненно, стали бы повнимательнее присматриваться к приезжим. Ведь волшебники — беспечный народ. Они думают, что любую беду смогут устранить своим волшебством, и поэтому ничего не боятся.

Однако на этот раз им следовало быть поосмотрительнее. Но об этом говорить поздно, потому что письмо всё равно пропало и со-

бытия развернулись не так, как хотелось бы Альмагелю.

Ранним утром следующего дня в городе появился человек в соломенной шляпе. Он внимательно смотрел по сторонам. Но волшебники, ничего не замечая, продолжали резвиться, как малые дети. Вот дом, похожий на розу, превратился в гвоздику. Видно, живущему там волшебнику надоел аромат роз. Вот одна из туч в небе превратилась в кофейник, который устремился к волшебнику, сидящему на подоконнике с пустой чашкой в руке. Ароматный кофе полился в чашку, а тучка вернулась на небо.

Незнакомец прошёл по всем улицам, но с ним ничего не случилось. Никто его ни во что не превратил. Тут бы волшебникам следовало задуматься — почему так? Если бы волшебники задумались над этим, то сразу бы поняли, что соломенная шляпа у человека на голове не такая уж простая: взгляды волшебников разбиваются об эту шляпу, как об экран или шлем.

Совершенно невредимым незнакомец дошёл до городской гостиницы. Это было самое высокое здание в городе, его построили чуть ли не до небес. Крыша гостиницы терялась где-то среди облаков. Такую большую гостиницу построили на всякий случай: а вдруг в город понаедет видимо-невидимо гостей! Но гостей, как правило, было мало, и поэтому огромную гостиницу обслуживали

всего три человека: толстый и усатый директор, высокая и стройная горничная и маленькая толстенная уборщица.

Незнакомцу охотно отвели самый большой трёхкомнатный номер на самом последнем этаже, как он и просил. Не снимая с головы шляпы, незнакомец принял ванну, сказав после купанья странные слова:

— Теперь мне ванна будет нужна для других целей, — и занялся переустройством своего номера.

Если бы кто-нибудь заглянул сюда через несколько часов, он бы очень удивился. Трёхкомнатный шикарный номер стал похож на шахту. По рельсам ездил вагонетка, что-то высыпала в ванну и снова уезжала куда-то вверх, в дыру в потолке. Присмотревшись к грузу, можно было заподозрить, что это раздробленные кусочки неба, среди которых попадались мягкие лохмотья облаков. Вроде бы незнакомец рыл ход, но только не вниз, а вверх — поднебный ход. А чтобы никто ему не мешал, незнакомец натянул в номере невидимую нитку, которая легко превращала человека в какое-нибудь животное, стоило только к ней прикоснуться.

Скоро незнакомец устал. Он остановил вагонетку и прилёг отдохнуть. И надо же так случиться, что именно в это время в номер заглянула уборщица, чтобы прибрать комнаты. В руке она держала пылесос. Увидев, что натворил незнакомец, она обмерла от

ужаса. В потолке зияла огромная дыра, сквозь которую напрямик в небо шли рельсы. Женщина сделала шаг в ванную и тут же превратилась в маленькую серую мышку, которая испуганно спряталась в углу за шкафом.

Проснувшись, незнакомец стал снова гонять вагонетку. Рыть ход в небе очень трудно. Незнакомец осторожно вырезал куски неба и в вагонетке отправлял их вниз. В ванне кусочки неба постепенно таяли и превращались в тучки, которые улетали через форточку.

Через некоторое время пришла горничная поменять полотенца. В ванной она тоже прикоснулась к невидимой нити, протянутой незнакомцем, и сразу стала лягушкой. Лягушка заквакала от возмущения и забилась под ванну, чтобы никто на неё случайно не наступил.

Вскоре директор заволновался: пропал весь его персонал. Он поднялся в единственный занятый номер, надеясь найти всех своих подчинённых там и хорошенько отругать. Наткнувшись на невидимую нить, от тут же превратился в усатую крысу.

Так исчезли все свидетели, которые могли предупредить город о надвигающейся беде. Ведь поднебный ход никто зря не роет. Значит, кто-то хочет тайно протащить в город что-то.

Когда ход был вырыт, незнакомец спокой-

но заснул. Из-под шкафа выглядывали глазки серой мышки. Из ванной слышалось приглушенное кваканье лягушки. Усатая крыса сердито скреблась в ящиках шкафа. Но незнакомца их судьба мало волновала, он сделал своё дело. Прекрасный поднебный ход одним концом упирался в крышу гостиницы города Волшебников, а другим...

4. Жизнь в городе Волшебников

Тем временем жизнь в городе Волшебников шла своим чередом. Ничего не подозревающие жители занимались своими делами: показывали друг другу чародейское искусство, дружили, а иногда и ссорились. Ведь волшебники — те же люди. Тем более, что в городе жили не только преподаватели и ученики волшебной школы, но и те, кто просто обладал каким-то необычным даром.

Всевидька, например, мог видеть сквозь стены. Если стена была толщиной до полуметра, то он видел даже в цвете, а сквозь очень толстую стену — только чёрно-белое изображение. Волшебникам это не очень нравилось, и, заметив его гуляющим по улицам, они грозно потрясали кулаками и кричали со своих балконов:

— Опять подглядываешь!

Но Всевидька был не виноват, что любой дом видел насквозь. Не ходить же ему с за-

крытыми глазами. Чтобы меньше волновать волшебников, Всевидька целыми днями неподвижно сидел напротив кинотеатра и смотрел подряд все фильмы. Ведь ему не нужно было покупать билет и заходить в зал. Он видел экран со скамеечки на бульваре. Он мог, конечно, посмотреть, чем занимается директор, сидя в кабинете, но Всевидька приучил себя не отвлекаться на посторонние дела.

Так что Всевидьку нельзя было назвать настоящим волшебником, но он жил именно в этом городе, потому что из любого другого его изгнали бы разгневанные жители. А в городе Волшебников таких людей со странностями было предостаточно.

Вот хотя бы два друга — Каникуля и Очередька. Каникуля, уже старый, даже седой, совсем не умел ни писать, ни читать. И думаете — не хотел учиться? Просто в любом классе любой школы, куда бы он ни приходил, сразу же начинались каникулы. Даже посреди учебного года! В середине четверти! Только в класс приводили этого необычного ученика, как вслед за ним заходил директор и, удивляясь сам себе, объявлял в школе каникулы. Поэтому бедняге Каникуле учиться не приходилось. Родители сразу же переводили сына в другую школу, но там повторялось то же самое. Зато в предыдущей школе, как только уходил Каникуля, директор снова объявлял начало учебного

года. Поэтому Каникуле так и не удалось окончить школу. Да что там окончить! Переходя из одной школы в другую, он успел состариться. Бедняга не мог подняться выше первого класса, так как ни одного дня не просидел за школьной партой до конца. Поэтому он и не научился ни читать, ни писать.

Очередька, к счастью, обладал даром не таким печальным. Стоило ему где-нибудь занять очередь, как продавщица сразу же кричала:

— Вот этот с усами — и всё! Больше не занимайте!

Очередька, конечно, от этого не страдал, зато другие покупатели обижались, потому что не могли ничего купить: начинались перерывы, переучёты, санитарные дни.

Поэтому его не подпускали к очереди в кинотеатр, и для него билет вынужден был брать Каникуля.

А ещё был в городе житель по прозвищу Жиرافка. Какое у него было настоящее имя, все уже давно забыли.

Стоило бедному Жиرافке прийти в гости, сесть за праздничный стол, как сразу же, откуда ни возмись, появлялся огромный жираф, самый настоящий, и всё, что было приготовлено для гостей, слизывал своим длинным языком: и торты, и пирожные, и яблоки, и мандарины. Всё съев, жираф исчезал. Куда — никто не знал. Поэтому Жиرافку перестали приглашать в гости.

Делали вид, что забывают позвать. Кому приятно, когда всё угощение исчезает в утробе незваного животного? Бедный Жирафка не мог зайти даже в ресторан. За его столиком сразу же возникала огромная жирафья голова и съедала всё, что он заказывал. А платить приходилось ему. Хорошо ещё, что с него не успевали потребовать штраф за животное... Жираф исчезал так же быстро, как и появлялся.

Бедный Жирафка ходил совершенно голодный. Он питался только пирожками, которые, крадучись, покупал на улице. Купит один пирожок, сразу же затолкает его в рот, оглянется по сторонам — и покупает второй. От такого питания был он тощий и длинный, так что прозвище Жирафка ему очень подходило. Из-за своего роста он вынужден был брать билет в самый последний ряд, чтобы никому не заслонять экран.

5. Что и почему случилось в кинотеатре?

Зрители ждали начала фильма. Удобно устроились рядышком братья-волшебники Голубые Очки. Они повторяли в точности движения друг друга, потому что были близнецами. Когда один из них решил учиться на волшебника, другому тоже пришлось заняться этим нелёгким делом.

Кстати, никто из волшебников не появлялся в зале без билета, хотя легко мог это сделать. Такой поступок считался неприличным. Как видите, у волшебников свои представления о приличиях. Безбилетников в городе не было ни в кинотеатре, ни в троллейбусах.

Волшебники надеялись посмеяться и с нетерпением ждали начала кинокомедии «Ха-ха: первая серия». Но первые же кадры заставили их содрогнуться. Вместо весёлых лиц на экране появилось омерзительное чудище. Оно не сводило глаз со зрительного зала. Волшебники застыли в своих креслах, боясь пошевелиться.

Чудище было лохматое, со щетинистыми свиными ушками. И всё время чавкало — целых полтора часа.

Первым опомнился Всевидька.

— Хороша комедия! — заорал он на весь бульвар.

Но потом успокоился: ведь он смотрел фильм без билета.

Зрители в кинотеатре совершенно потеряли голову, когда фильм кончился. Вид чудища был настолько ужасен, что вспыхнула драка.

Первыми набросились друг на друга близнецы: так как один делал то же, что второй, то стоило кому-то из них замахнуться, как брат отвечал тем же. Их прекрасные голубые очки сразу же были разбиты, и теперь они уже не видели весь мир в красивом голубом

свете, как под водой. Они оставили друг дружке на память много отметин, которые хоть называются синяками, но отнюдь не могут заменить голубые очки.

Вечные друзья Очередька и Каникуля поссорились навсегда.

Жиравку били все в отместку за то, что его бессловесное и незваное животное съедало именинные пироги.

Другие волшебники в большом волнении превращали стулья в разных диковинных животных, которые разбегались кто куда.

Всевидька, узрев сквозь стену всё это безобразие, вызвал дежурного волшебника, который с трудом утихомирил кинозрителей и отправил по домам. Сначала возбуждённые зрители хотели и его как следует отколотить, но они забыли, что у дежурного волшебника есть волшебный фонарь, против которого хулиганы бессильны.

Вот как действовало на волшебников чудище, ползущее по экрану. Дежурному волшебнику пришлось ещё отлавливать тех чудовищных животных, которых наделали из стульев озлоблённые волшебники. Самое интересное, что все эти маленькие чудовища напоминали зелёное чудище с экрана. Только все они были голубые, так как волшебники сделали их из кресел, обтянутых голубым бархатом. Дежурный волшебник поднял над головой волшебный фонарь, и все чудища замерли. Они никуда больше не располза-

лись, а застыли там, где их настиг свет фонаря. С помощью Всевидьки дежурный волшебник всех их собрал и превратил опять в кресла зрительного зала.

Всё закончилось благополучно только благодаря тому, что Всевидька сидел далеко и на него слабо действовали глаза чудища. Так что все в городе благодарили Всевидьку за помощь.

6. Жить стало тяжелее

Волшебники не придали происшествию особого значения, и жизнь потекла своим чередом. Но необъяснимая тяжесть повисла над городом.

А надо вам сказать, что волшебники могут совершать чудеса, лишь находясь в прекрасном расположении духа. Поэтому в кинотеатрах города Волшебников показывали только комедии. На футбольное поле выходили двадцать два клоуна, каждый со своим мячом, а зрители выбирали, кому за какого клоуна болеть. Каждый болельщик сам вёл счёт забитым мячам. И, следовательно, каждый покидал стадион со своим счётом: у одного пять — ноль, у другого тридцать пять — ноль, а бывало, что кому-то крупно повезёт, счёт поднимался до ста — ноль. Это случилось иногда, когда волшебник болел сразу за трёх клоунов. А ноль в счёте был всегда га-

рантирован, потому что клоуны забивали мячи в пустые ворота, каждый за себя. Довольные волшебники расходились по домам, бодрые и весёлые.

После того страшного киносеанса у волшебников всё стало валиться из рук.

Один волшебник хотел сделать себе холодильник, а наслал на город снежную метель среди лета. Конечно, огромные сугробы быстро растаяли на солнце, но некоторые горожане, которые попали в снежный буран в лёгких рубашках и сандалиях, простудились.

Стали появляться и другие несуразности, так что дежурный волшебник просто не успевал их устранять.

То из крана вместо воды лилось молоко, то покупатель, купив в молочном магазине бидон молока, дома неожиданно обнаруживали в нём воду.

Все подписчики вдруг начали вместо свежих получать прошлогодние номера газеты «Волшебные известия»: числа те же, а год минувший. Бедный Жирафка, купив на улице пирожок, не успевал его съесть: сразу из воздуха возникали аж две жирафьи головы и сжевывали не только пирожок, но и кусок Жирафкиной рубашки. Таинственное появление второго жирафа никого не насторожило, а задуматься следовало бы. Почему это беды стали удваиваться?

Всевидька теперь повсюду, как нарочно, видел всё в дурном свете, словно на глазах

у него были чёрные очки. Ему пришлось учиться ходить по улицам с закрытыми глазами, так неприятно было смотреть по сторонам.

Волшебники приуныли и могли теперь заниматься лишь простыми человеческими делами: для чудес не хватало полёта души. А ведь это тоже опасно — не заниматься любимым делом. Волшебники могли разучиться совершать чудеса.

Теперь спокойно можно было ходить по всем улицам города: никто никого ни во что не превращал. Жизнь стала пресной и скучной. А ведь стоит завестись скуке в каком-нибудь укромном уголке, как, глядишь, она, точно паутина, затянет весь дом от пола до потолка, весь город от мостовых до крыш.

Вот такой и стала жизнь в городе Волшебников.

7. Гостиница

А тем временем человек в соломенной шляпе делал своё дело. Ведь он не зря явился в город Волшебников. Когда нет волшебства, лучше удаётся колдовство.

Он превратил мышь, жабу и крысу снова в людей. Вы думаете — он был таким добрым? Ошибаетесь! Он превратил их в малюсеньких людей, не больше башмака. Просто ему нужны были слуги.

— Хе-хе,— посмеивался он, разглядывая работников гостиницы с высоты своего роста.— Теперь вы поняли, с кем имеете дело?

— Нет,— задрожали несчастные, прижимаясь друг к другу.

— Я Карколам,— прогремел его голос.— Учёные посмели обидеть мою несравненную дочь Меробиану. Поэтому я поклялся отомстить стране Городов, и я сдержу свою клятву. Но сперва я должен расправиться с городом Волшебников, чтобы никто не смог помочь этим мерзким людишкам.

Он схватил с ночного столика золотую корону, украшенную змеями, нахлобучил её на себя, и корона тут же превратилась в простую соломенную шляпу. Карколам вышел, заперев свой номер на ключ. А бедные директор, горничная и уборщица были так малы, что не могли дотянуться даже до дверной ручки. Бедняги сели рядышком на домашней тапочке колдуна и горько зарыдали. Плакали они так сильно ещё и потому, что сквозь поднебный ход в город Волшебников проливались уныние, скука и лень, которыми богато королевство Колдунов. Ведь Карколам прорыл ход сквозь небо напрямик в своё королевство, которым правил уже не одну тысячу лет.

Его дочь, несравненная принцесса Меробиана, была в его глазах совсем ещё крошкой. Ей даже не исполнилось тысячи лет. А учёные посмели обидеть ребёнка. Он не мог им этого простить.

8. Бедствие

Волшебники совсем разленились. Некоторые не вставали со своих кроватей вовсе: так глубоко проникла в них лень. Другие в унынии сидели по углам своих квартир, подперев головы кулаками. На улицах почти не было прохожих. Уже не работали многие магазины.

Лишь Карколам прохаживался по городу, потирая руки. Город Волшебников погибал.

— Кажется, пора! — наконец решил Карколам.

Осторожно, втянув голову в плечи, он прошёл через весь город к одному неприметному домику на окраине. Только самые старые волшебники города знали, что в нём хранится.

Карколам поколдовал над дверью и открыл её. Над городом пронесся печальный звук, как будто на всех скрипках мира лопнули струны. Но теперь никто в городе не обратил на это внимания.

Карколам двинулся вниз по лестнице. Там, глубоко под землей, находился огромный магнит. У него были два полюса — добра и зла. Полюс добрых дел был большой и сильный. Он помогал волшебникам делать добрые дела, благодаря ему такие дела выходили быстро и удачно.

Карколам повернул рукоятку магнита в сторону зла, и он переменялся: теперь маг-

нит стал склонять всех жителей города к злым поступкам.

Передвинув рукоятку, Карколам облегчённо вздохнул: чары магнита перестали и на него действовать. Он почувствовал, что его злые силы освободились.

Карколам вышел из домика и гордо зашагал по городу, посматривая, как теперь действует магнит. Полюс зла должен был перестроить всю жизнь в городе.

Первыми встретились ему Каникуля с Очередькой, два названных брата.

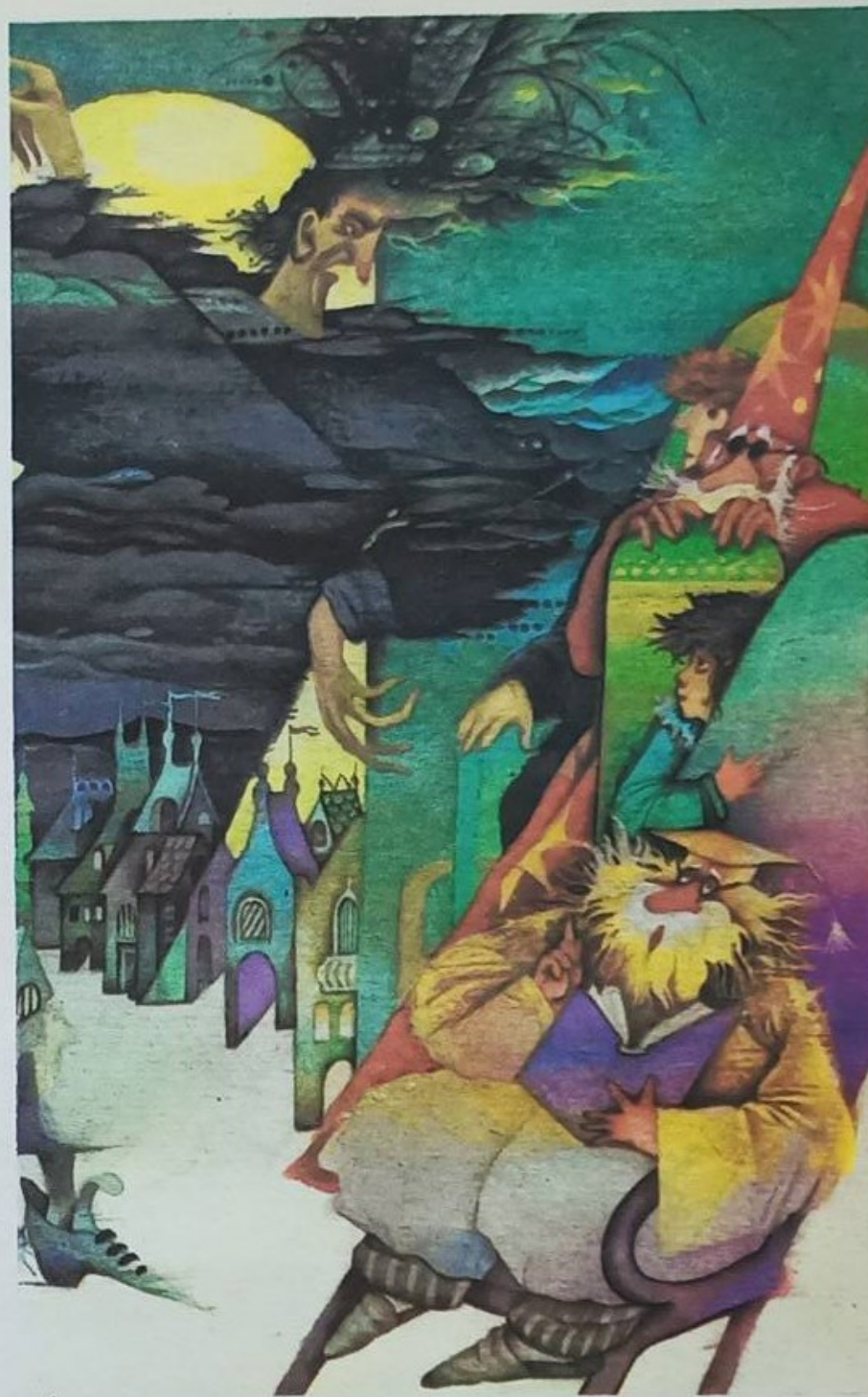
Каникуля и Очередька с заливчатским свистом катили по городу на бульдозере. Бульдозер надрывно урчал, выворачивая деревья, растущие на бульваре. Вековые липы, которыми славился город, со стоном валились на тротуар.

Из окон за безобразниками наблюдали волшебники и одобрительно кивали, глядя на работу бульдозера.

Волшебник, любивший кошек, теперь науськивал на них собак.

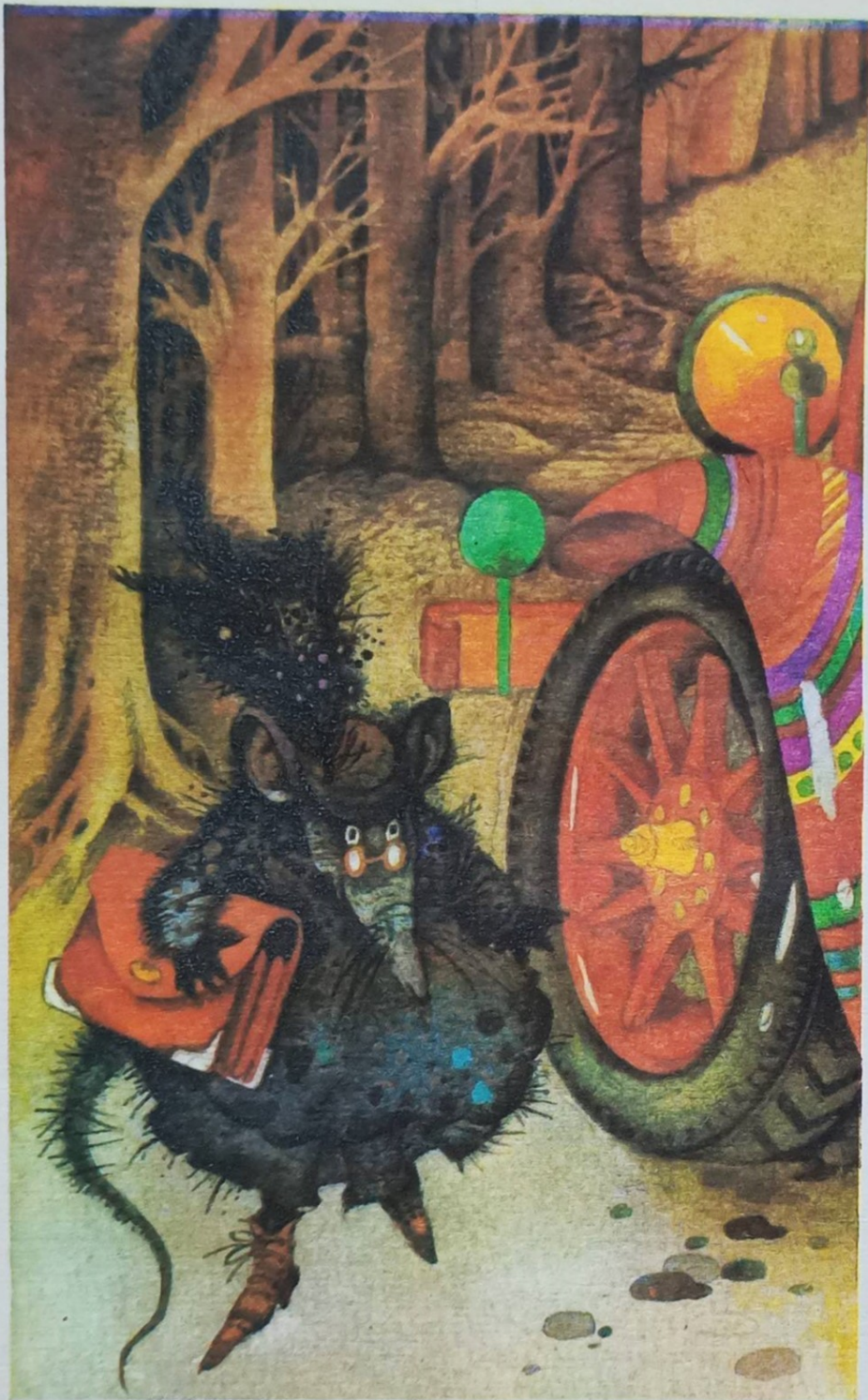
Волшебник, который раньше плёл из солнечных лучиков солнечных зайчиков, теперь стал делать из них салфетки на продажу.

Всевидька теперь ходил и за всеми подсматривал, радостно хихикая, если ему удавалось увидеть что-нибудь недозволенное.

— Эй вы, слышите меня? Отныне ваш город будет именоваться городом Глупцов. («Ключ от города Колдунов», с. 34)

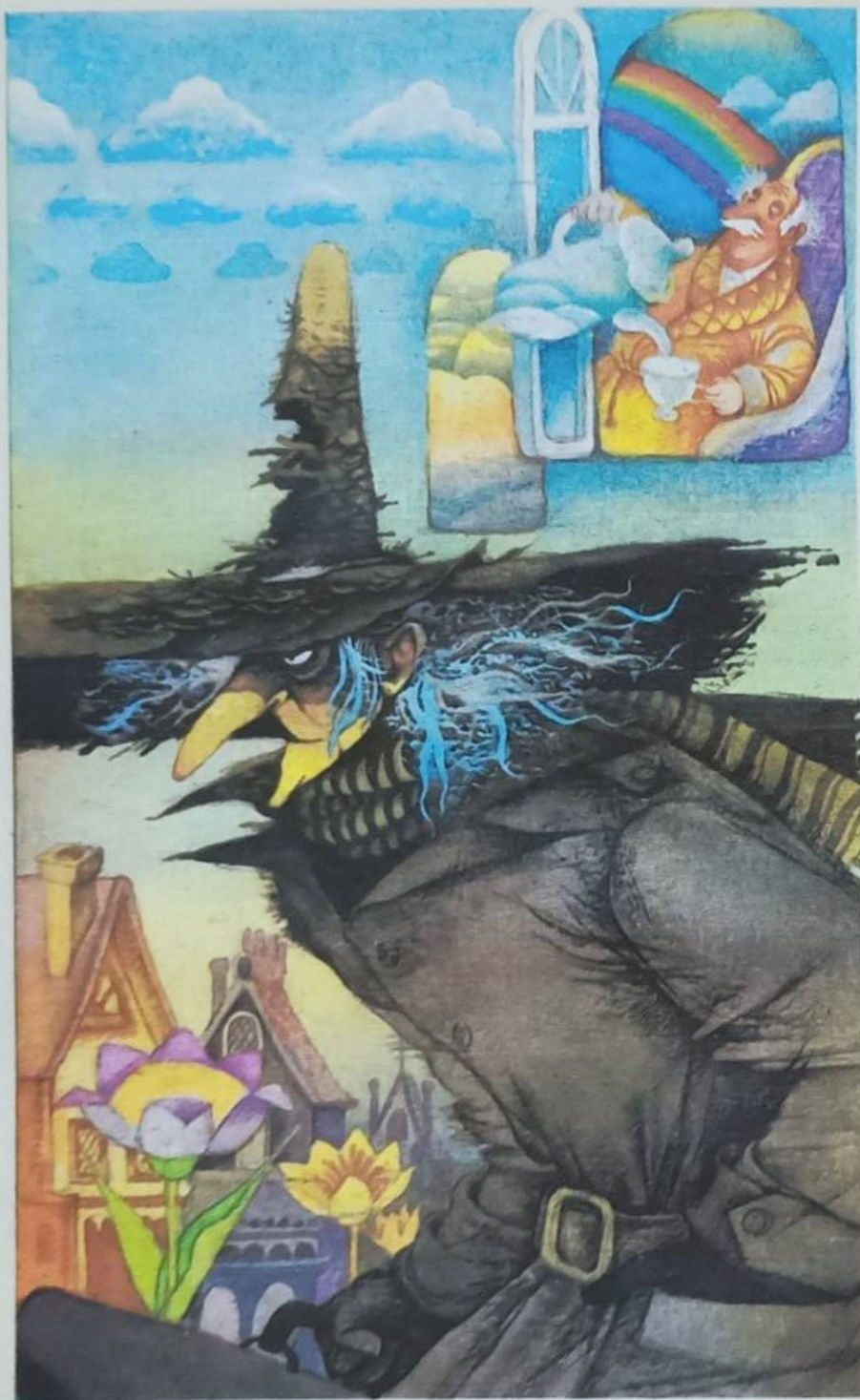

В приоткрытую дверцу бодро влезла важная чёрная крыса...
(«Ключ от города Колдунов», с. 46)

Крысы не теряли ни минуты, они работали.
(«Ключ от города Колдунов», с. 58)

Ранним утром... в городе появился человек в соломенной шляпе.
(«Тайна города Волшебников», с. 82)

9. Побег

Бедные директор, горничная и уборщица спали на полу, умываться перестали вовсе. Они с утра до вечера готовили завтраки, обеды и ужины для Карколама и мечтали о том, как бы убежать.

Хотя они теперь были меньше зубной щётки, но мысли у них остались большие! Но как они могли убежать? Дверь всегда была заперта на ключ.

Однажды днём, прогуливаясь под столом (они свободно могли прогуливаться и под стульями, и под кроватью), директор гостиницы обнаружил сморщенный воздушный шарик. Раньше он бы хорошенько выбрал горничную и уборщицу за то, что они так плохо убрали комнату. Но сейчас воздушный шарик мог для них стать воздушным шаром.

Осмотрев шарик, директор поманил к себе горничную и уборщицу.

— Кажется, мы спасены, — радостно сообщил он. — Сейчас мы придумаем к этому воздушному шару старую коробку из-под рафинада. Там в тумбочке есть моток чёрных ниток.

Втроем они сплели из ниток большую сетку.

— А что делать с сахаром? — спросила горничная, освобождая коробку. — Может, он нам понадобится, чтобы питаться в пути?

— Понадобится, но не для этого, — сказал директор, прикидывая вес кусочка, — Сахар послужит нам вместо мешков с песком.

Шар наполнили горячим воздухом и, дождавшись, когда очередная вагонетка закрыла вход в поднебную дыру, взлетели. Покружившись по комнате, шар вылетел в раскрытую форточку.

Он взвился над городом и вскоре исчез, уносимый ветром.

10. На площади

Карколам ничего не заметил, так он был занят своими колдовскими делами. Ведь теперь, когда город Волшебников был в его власти, у него появилось много хлопот.

Посреди городской площади Карколам поставил для себя огромный трон. Он решил созвать сюда всех жителей города Волшебников, чтобы они присягнули ему на верность.

Хмурые, столпились волшебники на краю площади. Они ничего не могли понять. Кто это? И что ему здесь надо?

— Вы слишком долго томились без дела, — сказал Карколам, оглядывая волшебников. — Без настоящего дела, — добавил он со злой усмешкой.

Глухой ропот пробежал по толпе. Но Кар-

колам не обратил на него никакого внимания.

— Сейчас мы посмотрим, кто чего стоит.

Непреодолимая сила заставила толпу задвигаться.

Слева от трона оказались волшебники, которые могли превращать всех кого угодно в зверей. Справа — волшебники, которые могли превращать зверей в людей. Посредине кучкой стояли волшебники, которые когда-то что-то умели, а сейчас обо всем забыли. За их спинами прятались чудаки вроде Всевидьки.

— Вот теперь порядок, — прогремел над площадью голос Карколама. — Но порядка станет ещё больше, если вы все присягнёте мне на верность. Иначе пожалеете! — добавил он с угрозой.

Одни волшебники утаивались в землю, другие качали головами. Хотя они теперь плохо соображали, всё-таки понимали, что Карколам хочет чего-то нехорошего.

— Повторяйте за мной... — приказал Карколам.

— Нет, — бормотали волшебники в ответ.

— Я уничтожу вас!

— Всё равно, — упрямылись волшебники.

Карколам побелел от злости и захлопал в ладоши. Тотчас из поднебного хода на площадь устремились сотни летучих мышей, таких огромных, что их скорее можно было назвать летучими крысами. Большие, зелё-

ные, они колючими крыльями били волшебников по лицу, превращая их в зелёных солдат.

Карколам довольно ухмыльнулся. Теперь перед ним стояло зелёное войско.

— Смирно! — гаркнул Карколам. При его словах крысы стали постепенно уменьшаться. Сначала они превратились в летучих мышей, а потом и вовсе исчезли. А солдаты от этого грозного окрика вытянули руки по швам. Зелёные колдовские мундиры заставили всех повиноваться. Даже самому непокорному рукава мундира вытянули руки.

— Вот это другое дело! — оскалился Карколам. — Я вижу, вы поумнели. Вольно! Теперь вы мои.

Он выпрямился во весь рост. Его гигантская тень упала на новоявленное воинство.

— Напра-во! Марш! — скомандовал он.

И бывшие волшебники зашагали к казармам. Вместо причудливых домов, которыми так славился город Волшебников, теперь стояли в ряд три серые казармы, где и пришлось им всем жить.

Конечно, жизнь волшебников круто изменилась. Ходить по улицам, гуляя, теперь не мог никто. Надо было чётко чеканить шаг, и непрерывный топот гулко отдавался в переулках. Руки то и дело дёргались, чтобы отдать честь. Гордо выпятив грудь, шагали волшебники, которые старались выслужиться. Им позволялось щеголять в фуражках, все же

остальные ходили и спали только в касках. Железная заколдованная каска больно сжимала голову, вытесняя из неё все лишние мысли. В голове оставались только команды: «Налево!», «Направо!», «Кругом — марш!»

С утра до вечера волшебники маршировали по городской площади, то и дело отдавая честь сидящему на троне Карколаму. Ничто так не радовало старого колдуна, как повиновение волшебников-солдат.

11. Лазутчик

У всех волшебников теперь были одинаковые лица. «Солдат не должен выделяться, имя ему не нужно», — считал Карколам. И действительно. Перед ним проходили солдаты, а не волшебники: они утратили искусство волшебства. Не по своей воле, конечно. Но потерянное вернуть бывает очень трудно.

Выстроившись у трона, они горланили солдатские песни, которые очень любил Карколам.

Они теперь красиво козыряли, умело тянули носок, молодецки ели глазами начальство.

Чудесам места не было, а всё ненужное быстро забывается.

В глубине души волшебники чувствовали неладное. Но железные каски не давали мы-

слям развернуться, изгоняя их прочь. На душе царил мрак.

Всем этим переменам был рад только Жирафка. Ненасытная голова исчезла, и солдатская каша доставалась только ему одному. Он теперь наконец наедался и даже раздался вширь. За это он всей душой полюбил Карколама. Колдун разрешил ему стоять рядом с тронем, потому что даже грозным повелителям иногда хочется с кем-нибудь поболтать.

Перед ними с утра до вечера маршировали солдаты-волшебники. Они изо всех сил топали ботинками по мостовой, бездумно выполняя команды. От изнеможения и усталости многие падали на землю, их тут же оттаскивали в сторону, а строй продолжал маршировать.

Если бы сознание солдат хоть на минуту прояснилось, они бросились бы на ненавистный трон и разнесли его в щепки. Но каски больно сжимали головы, едва лишь мелькала мысль дать отпор злодею.

Но Карколаму нужно было также знать, что происходит в других городах, и он решил отправить Жирафку на разведку.

— Ты мои глаза и уши! — напутствовал Карколам Жирафку. — Мозги есть только у меня, тебе они не нужны. А глаза и уши твои пусть будут вдвое острее. Разведай всё.

Он похлопал Жирафку по плечу, и тот, гор-

дый вниманием начальства, выпятил грудь колесом.

— Но не вздумай продать меня! — угрожающе процедил Карколам и щёлкнул большим пальцем по каске. Железный гул пронёсся не только по голове, но и по всему телу Жирафки.

В общем, Жирафка был готов отправиться в разведку. Ноги сами понесли его выполнять задание.

Жирафка шагал по широким дорогам страны Городов, радуясь предусмотрительности и мудрости Карколама. Зелёный солдатский мундир, как оказалось, всё время менял цвет и облик. В городе Парикмахеров он превращался в белый халат, благоухающий одеколоном, в городе Автомобилистов становился кожаной курточкой и пах бензином, в городе Портфелей он превратился в строгий костюм, а в руках Жирафки, как и положено в этом городе, появился портфель. Короче говоря, колдовской мундир позволил Жирафке незаметно побывать во многих городах страны, нигде не вызывая подозрений.

Насвистывая победный марш, приближался Жирафка к городу Учёных. Но едва вдали показались первые дома, как Жирафка приостановился. Он вспомнил, что сказал ему напоследок Карколам:

— Все города обойти нетрудно; мундир поможет. Ты самое главное разведай — что

знают о нас учёные. Только смотри не попадись. А не то... — потряс он перед носом дрожащего Жирафки кулаком, — нашла на тебя не жирафа, а тигра. Он вместо твоего жаркого тебя самого сожрёт. — Карколам что есть силы пнул Жирафку ногой, и тот кубарем перелетел через городские стены. Марширующие солдаты на мгновение открыли рты, а затем с тупой покорностью продолжали шагать вокруг трона.

Поэтому Жирафка остановился, как только заметил на улицах города фигурки учёных. «Чего от них ждать? — со страхом думал Жирафка, втянув голову в плечи. — Может, хоть каску снять, чтобы не вызвать подозрений?» Едва он об этом подумал, как страшная боль стиснула виски. Каска не разрешила думать о себе пренебрежительно.

— Оставайся, оставайся, родная, — погладил её Жирафка. — Что я без тебя?

12. В городе Учёных

В город Учёных входил молодой человек с огромной огненной шевелюрой, которая ослепительно блестела на солнце. Одет он был скромно и просто, как одеваются умные образованные люди. Лишь стройность его фигуры и чёткость движений могли свидетельствовать, что в недалёком прошлом этот человек был военным.

Так в город Учёных вошёл Жирафка. Каска осталась на нём и контролировала все его мысли. Только теперь она имела вид огромной копны волос.

Жирафка, поглядывая по сторонам, принялся расхаживать по улицам. На него никто не обратил внимания, зато Жирафка присматривался ко всему. Что за прибор стоит во дворе? Неужели тот, в который видны звёзды? А если учёные направят его в сторону города Волшебников и увидят, что там происходит?

Жирафка чувствовал себя беспокойно. То ли его так напугал Карколам, то ли и вправду учёные что-то пронюхали, но жизнь именно в этом городе показалась ему не такой безоблачной, как в остальных.

Учёные что-то мастерили, чем-то были озабочены. Они явно что-то замышляли, но проникнуть в их вражеские мысли Жирафка был не в состоянии. Его пугало даже то, что они так приветливо ему улыбались, приглашали заходить в лаборатории. Это совершенно путало Жирафкины планы, выводило его из себя. Если бы учёные таились, прятались за рядами колючей проволоки, Жирафка пытался бы раскрыть все тайны города Учёных. Он прополз бы в любую щель, разрезал бы колючую проволоку, но добрался бы туда, где хранилась опасная военная тайна. А тут — заходи куда хочешь, смотри, что тебе заблагорассудится.

Пришлось менять тактику. Всё, чему обучил его Карколам, здесь было неприменимо. Жирафка нигде не видел часовых, значит, некого было снимать. А каждое наставление Карколама начиналось со слов: «Снять часового!»

Жирафка прислонился к дереву и задумался. И решил, что, пока учёные думают каждый в отдельности, они не опасны. Они наверняка думают каждый о своём: о далёких звёздах или о подземных глубинах. И пускай себе думают. Надо только проследить, не собираются ли учёные по двое или по трое. Вот здесь и подслушать, о чём они говорят: не упоминают ли они в своих разговорах город Волшебников?

Завидев двух-трёх учёных вместе, он нахально втирался в компанию.

— Простите, разрешите, я тут пуговицу потерял, — говорил он, становясь на четвереньки и пролезая в круг собеседников. Учёные не обращали на него внимания.

Но он всё равно ничего не узнал. Учёные разговаривали совершенно непонятно, употребляли какие-то незнакомые Жирафке слова: логарифм, тангенс, котангенс и даже кварк, что напоминало Жирафке какое-то мифическое чудовище вроде коровы с головой дракона.

Жирафка забеспокоился: а не ведут ли учёные у него под носом секретные разговоры? Может, логарифм — это город Волшебников, а котангенс — сам Карколам?

Подумав, он решил, что надо это проверить. Возможно, учёные произносят слова наоборот. Он записал веточкой на песке все новые слова, которые услышал. Затем, пыхтя от натуги, попытался прочесть их в обратную сторону.

Логарифм превратился в мфифагола.

Тангенс — в снегната.

Кварк — в совершенно кровожадное слово «кравк».

В задумчивости Жирафка почесал затылок. Слова опять получились незнакомые.

Жирафка покачал головой. Зачем учёным знать так много лишнего? Вот он ничего этого не знает не ведаёт, а какой розовощёкий и здоровый. А учёные — смотреть жалко: сутулые, в очках, бледные, зелёные. Видно, тяжёлая у них жизнь. Ничего, скоро Карколам вернёт им молодость и румянец.

Жирафка совершенно успокоился, увидев, как двое учёных начали ссориться из-за какой-то линии на рисунке.

«Глупые они, эти учёные, — решил Жирафка, вздохнув с облегчением. — У них под носом целый город захватили, а они из-за бумажек ссорятся. Чего их бояться?»

Гордясь своим открытием, он направился к выходу из города, чтобы поскорее доложить о результатах разведки своему повелителю.

Руки и ноги его двигались в строевом марше, а губы напевали солдатскую песню.

13. Встреча

Жирафка уже выходил из города, когда столкнулся с незнакомцем, который нёс под мышкой огромную коробку. Жирафка сразу понял, что он не местный: и одет не так, как учёные, и лицо загорелое, а учёные все бледные да очкастые. И эта странная коробка вместо рюкзака или чемодана. Приезжий нёс её с такой осторожностью, словно в ней были драгоценности, которые он только что забрал из банка.

Жирафка решил молча пройти мимо: уже пора было спешить домой. Но приезжий сам приостановился.

— Вы не скажете?...— спросил он и замаялся.

У Жирафки на счету была каждая минутка.

— Чего тебе? — недовольно пробурчал он. — Говори скорее!

— Мне нужно вот что...— Незнакомец осторожно опустил коробку на землю.

— Да говори наконец!..

— Если не ошибаюсь, это город Учёных?

— Ну!

— Вы тоже, наверное, учёный?

— Я? А как же! — кивнул польщённый Жирафка.

— Тогда вы, конечно, сможете мне подсказать... Где тут живёт самый главный учёный?

Жирафка заволновался. Неплохо бы выведать, зачем этому мямле главный учёный. Но вокруг были люди: в городе Учёных тоже много прохожих. И Жирафка решил отвести незнакомца в сторону и поподробнее расспросить его.

— Иди за мной,— оглядевшись по сторонам, сказал он.— Я тебя отведу. Так и быть.

И Жирафка пошёл обратно в город. Ничего, что он потеряет полчаса. А вдруг в его руках окажется какой-то секрет города Учёных? Вот это будет удача! Незнакомец покорно семенил следом, всё так же бережно неся свою коробку. Жирафка, снедаемый любопытством, то и дело бросал на коробку алчные взгляды.

— Пожалуйста, иди помедленнее,— попросил незнакомец.— У меня тут такое...— И он кивнул на коробку.

Жирафка чуть не поперхнулся. Таща за собой незнакомца, он рыскал по городу, чтобы найти местечко, где бы ему никто не помешал выведать тайну.

Найдя укромный уголок в городском саду, Жирафка протянул руку к коробке.

— Что там у тебя? А ну-ка давай — и побыстрей!

Незнакомец попятился, обхватил коробку руками и прижал к груди. Но Жирафка не отступал.

И вдруг случилось нечто совершенно непонятное.

— Спасите! Помогите! — раздались тоненькие голоса.

Жирафка испуганно оглянулся. Поблизости никого не было, никто не мог кричать.

Воспользовавшись его минутным замешательством, незнакомец заорал во всю глотку:

— Помогите! Помогите нам!

Почему это н а м? Жирафка снова оторопело посмотрел по сторонам и опять потерял драгоценные секунды.

В ближайшем доме захлопали окна, стали выглядывать люди. Жирафка начал отступать, но спиной натолкнулся на троих прохожих, прибежавших в сад.

Жирафка завертелся, пытаясь убежать, но куда бы он ни бросился, отовсюду спешили люди.

И вот уже Жирафку цепко держат за руки. Толпа окружила и его, и незнакомца со всех сторон.

Набежало столько людей, как будто это был не город Учёных, а город Зевак, где, как известно, стоит мяукнуть кошке — и сразу сбегается весь город.

Незнакомец стал рассказывать, что произошло.

Жирафка зло сплюнул. Из-за такого попасться!..

— А что там в коробке? — спросил кто-то из толпы.

Незнакомец раскрыл коробку.

— Как? — оторопели те, кому удалось

заглянуть в неё. — Он хотел их забрать! — неодобрительно оглядывались люди на Жирафку.

— Да не знаю я, что там! — стал оправдываться Жирафка.

Его подтолкнули к коробке. Жирафка заглянул и тотчас отпрыгнул как ошпаренный.

14. К Магистру!

Увидев его испуг, толпа примолкла. Но только на минуту.

— К Магистру! К Магистру! — раздались голоса.

Толпа направилась к домику Магистра. Жирафка тяжело вздыхал, но вынужден был тоже идти. По дороге к толпе присоединялись всё новые и новые прохожие.

Это была многолюдная и живописная процессия. Впереди вели незнакомца. За ним бережно несли коробку. Потом бежали самые нетерпеливые. И лишь за ними в спину толкали Жирафку.

Магистр ждал толпу на крыльце. Казалось, возраст его не менялся. Он всегда был седой, всегда задумчивый, очень внимательный, когда дело касалось чужой беды.

Он вопросительно посмотрел на сограждан.

— Вот этот! Он хотел украсть! — кричал народ, показывая на Жирафку. Тот втянул

голову в плечи: никогда ещё его не обвиняли в воровстве.

— А что там в коробке? — спросил Магистр. И все сразу поняли, что забыли рассказать ему самое главное. Но было уже поздно. Магистр раскрыл коробку и удивлённо посмотрел вокруг. Потом он осторожно поставил её на крыльцо, и из коробки выбрались трое маленьких человечков — директор гостиницы, горничная и уборщица.

Директор немного похудел, но остальные выглядели неплохо: видно, воздушное путешествие пошло им на пользу.

Незнакомец, размахивая руками, стал рассказывать:

— Они прилетели на воздушном шаре. Прямо ко мне, в мой сад. Я живу на окраине города Портфелей: мне там земля приглянулась. А их воздушный шар запутался в ветвях моей яблони, и я... В общем — вот они. Целёхонькие. Они попросили отнести их к самому главному учёному. Раз такое дело, я их и привёз.

— А что ты здесь делаешь? — спросил Магистр у Жирафки.

— Он хотел украсть живых людей! — опять заволновалась толпа. — Пускай они маленькие, но всё равно люди.

— Ты можешь что-то сказать в своё оправдание? — снова обратился Магистр к Жирафке.

— Да врут они! Хотел сделать доброе дело — отвести их к главному учёному. А тут такое поднялось!..

— Это он врёт! Он врёт! — запищали маленькие человечки.

Толпа становилась на цыпочки, чтобы получше их рассмотреть.

На крыльце стояли совершенно нормальные люди, только маленькие, конечно.

— Да я их знать не знаю! Вот привязались!.. — пожимал плечами Жирафка. Он действительно их не узнал. Ему и в голову не могло прийти, что это его сограждане, только маленького роста.

— Это Жирафка из города Волшебников, — пропищал директор.

— Это правда? — спросил у Жирафки Магистр.

— А что? Разве это преступление — быть жителем города Волшебников?

— Сейчас — да! — сказал директор. — Город Волшебников порабощён. Его захватил гнусный Карколам. Это он превратил нас в малышей.

— Все волшебники превращены в солдат, — затараторили маленькие женщины. — Мы видели, как они маршируют, когда кружились над городом. Жирафка — тоже солдат. Он шпион!

Самое страшное слово было произнесено. Раскрылась Жирафкина тайна. Под внимательными взглядами сотен людей Жирафки-

но одеяние преобразилось и снова стало солдатским. На голове появилась каска.

Да и сам Жирафка изменился: грудь выпятилась колесом, глаза враждебно засверкали.

— Неужели ты стал служить Карколаму? — спросил его Магистр, не обращая внимания ни на форму, ни на каску. — Я не могу этому поверить.

— Я... Я... — замялся Жирафка. Ему на миг показалось, что это действительно не очень хорошо. Но каска так сдавила ему виски, что он утратил способность думать и лишь заулыбался: — А что ж тут такого? Мы с Карколамом даже друзья.

Толпа возмущённо загудела. Жирафка распрямил спину и хищно оскалился.

— Это правда? — не поверил Магистр. Ему не хотелось видеть в людях плохое.

В толпе зароптали.

Магистр поднял руку, призывая к тишине.

— Этот человек околдован, — сказал он. — Нам надо его спасти.

— К доктору его! К доктору! Пускай сделает антиколдовской укольчик, тогда посмотрим.

Жирафку потащили в больницу.

И только тут он заволновался. Чего-чего, а уколов Жирафка никогда не любил. Как же выпутаться? Да ведь на нём мундир!

Жирафка напряг мускулы и почувствовал, что сможет вырваться. Мундир делал

его в десять раз сильнее обычных людей. Он рванулся и побежал по алее к выходу из города.

И бежал он тоже во много раз быстрее преследователей, которым так и не удалось его догнать.

Жирафка вырвался на свободу. Город Учёных остался позади.

15. Когда приходит время

Вся страна Городов пришла в волнение. В любую минуту из города Волшебников могли двинуться воинственные отряды. Солдаты Карколама были опасны тем, что каски не давали им думать. Солдаты тупо выполняли приказы колдуна, от которого никто не ждал ничего хорошего.

Всё так же всходило и заходило солнце. Но теперь жители страны Городов боялись ложиться спать, так как им чудился топот солдатских сапог.

Все начали срочно учиться военному делу. В стране Городов запахло порохом. И, конечно, все обратили свои взоры к Магистру. В трудную минуту обычно ждали его слова. А он, всем на удивление, спокойно сказал:

— Я должен кончить одно своё дело, и тогда я буду готов.

И заперся у себя в лаборатории.

В стране Городов начался ропот. Если Магистр ничего не хочет решать, то чего же ждать от остальных?

Но Магистр за глухими дверьми своей лаборатории спокойно продолжал работу.

А потом он снова всех удивил. Ранним утром Магистр выехал на своей машине из города Учёных и направился в сторону города Волшебников. Сам, ни с кем не посоветовавшись, ехал он в логово врага. Причём несказанно удивил всех ещё и тем, что ни с кем из встречных не поздоровался. А ведь люди знали, что Магистр всегда, как бы ни был озабочен, здоровался первым.

Жители города Учёных страшно обиделись.

— Он смотрел на нас так, будто видел впервые. А ведь мы много лет живём в одном городе.

Но теперь люди менялись очень быстро. Взять, к примеру, Жирафку. Он был разжалован, снова стал простым рядовым и в пыли маршировал по улицам, горланя военные песни.

Вот в это логово врага, готовящегося к войне, машина и везла Магистра. Седого, величавого, но далеко не военного. Что он собирается предпринять?

16. Поединок

Магистр отправился в путешествие вовремя. Подъезжая к городу Волшебников, он увидел колонны солдат, которые расходились из него в разных направлениях. Это были непобедимые солдаты, потому что мундиры защищали их от пуль. Это были недумающие солдаты, потому что каски лишали их способности мыслить. Страшнее этих солдат ещё ничего не бывало в стране Городов.

— Стой! — преградили они путь машине. Но, узнав Магистра, отступили. Они не подумали, что для великого колдуна может представлять опасность какой-то учёный.

Машина Магистра беспрепятственно въехала в город.

Она проехала на городскую площадь и замерла поблизости от трона. Вдали затихали солдатские песни. Это уходили отряды. Карколам на троне наслаждался звуками, доносившимися издали.

Шум машины отвлек его от сладких мечтаний. Карколам встревоженно поднял голову, потом весь напрягся, словно готовясь к прыжку.

— Что такое? Кто пропустил? — закричал он, хотя это прозвучало бессмысленно: в городе никого уже не было, все ушли на войну.

Магистр медленно выбрался из машины и направился к трону. С каждым его шагом

к Карколаму возвращалась уверенность. Кого он испугался? Какого-то учёного, который пришёл на поклон?

Магистр подходил. На его лице не было ни тени страха. Он подошёл совсем близко: никто не осмеливался настолько приближаться к Карколаму. Колдун хотел одернуть нагльца, но не успел.

— Вы Карколам? — твёрдым голосом спросил Магистр.

Карколам не ответил. Он решил сразу показать свою силу, чтобы унижить посетителя.

Намереваясь испепелить автомобиль Магистра, Карколам поднял руку. Это напугает врага.

Но Магистр быстрым движением схватил его за руку. У этого старика оказалась железная хватка!

Удивлённый Карколам поднял вторую руку, но и её перехватил Магистр. Подёргавшись, Карколам понял, что он в железных тисках.

— Ты что! Да я тебя! — заскрежетал он зубами.

Но Магистр в упор, не мигая смотрел на него.

— Отпускай, а не то превращу тебя в камень. Для этого мне руки не нужны, достаточно заклинания, — яростно выкрикнул колдун.

— Прошу не волноваться, — ровным го-

лосом отвечал Магистр. — На мне антиколдовское покрытие, заклинания на меня не действуют.

Карколам завыл от бессилия. Он не мог превратить своего противника ни в камень, ни в железо, ни во льва, ни в муху. Он ничего не мог. Только браниться.

И тут, к его удивлению, у Магистра появилась третья, а потом и четвёртая рука, которые быстро связали колдуна.

Связанный Карколам замычал сквозь кляп, торчащий во рту. Его злобные мысли теперь никому не были страшны.

Но на этом чудеса не кончились. Из багажника автомобиля вышел ещё один Магистр и направился к связанному колдуну.

Карколам бешено завращал глазами. Как он мог так просчитаться? Почему два Магистра? Какой из них настоящий? Он напряг зрение и увидел, что внутри первого Магистра не было ничего человеческого, а только механизмы и проводки. Его схватил не человек.

— Я надеюсь, ты всё понял, Карколам? — спросил подошедший Магистр. — Это робот. Я мудрил над ним десять лет. Ты лишь заставил меня быстрее завершить работу и придать ему собственный вид. Похож?

— Ваше приказание выполнено, — твёрдым голосом отрапортовал робот-Магистр.

— Молодец, а теперь отправляйся к магниту. Нам надо успеть вернуть его в прежнее

положение до того, как солдаты подойдут к нашим городам.

И робот отправился выполнять приказание.

Карколам закатался по площади.

Он готов был провалиться сквозь землю — так позорно кончилось его наступление.

17. Победа

Магистр-робот добрался до магнита и переключил его на добро. Тотчас в городе посветлело, воздух сделался чище, легче стало дышать.

И сразу же будто лопнули невидимые нити, соединявшие Карколама с солдатами.

Мундиры на них стали рассыпаться, солдаты остановились. Каски посыпались на землю и раскатились, превращаясь в серых крыс. А тупые солдаты снова стали добрыми волшебниками.

Они смотрели друг на друга и ничего не могли понять.

Как они очутились так далеко от родного города? И почему отрядами?

Волшебники срочно повернули обратно. И так как очень спешили, то попросту превратились в птиц: на то они и волшебники. Легко и быстро все полетели домой.

Над городской площадью закружилась стая. Заметив связанного колдуна, птицы как

будто что-то вспомнили. И с лёта бросились на злодея.

Колдун запищал. Потом закричал. Завыл нечеловеческим голосом. Птицы клевали его, били, царапали когтями. Колдун извивался змеёй, пытаясь увернуться от их гнева. Наконец лопнули верёвки, и он взвился в небо чёрной вороной.

Стая бросилась следом. Ворона заметалась между домами, ища укрытия, но нигде не могла спрятаться: повсюду её настигали и гнали дальше. Сквозь форточку ворона ворвалась в гостиничный номер и исчезла в поднебной дыре. И сразу же этот ход разрушился.

Наступал вечер. Солнце красным шаром покачивалось вдаль. Вот и оно исчезло совсем. Над городом вспыхнул фейерверк и рассыпался мириадами разноцветных огней. Откуда они взялись? Не задавайте таких вопросов, ведь это же город Волшебников. А никто так не любит веселиться, как добрые волшебники.

Они даже зажгли над городом своё собственное солнце, так им не хотелось, чтобы этот радостный день кончался. Солнце, не забывая ни о ком, каждым своим лучиком освещало дома и улицы, скамейки и деревья. И волшебники, наполненные радостью, поднимались вверх, словно воздушные шары. Они цеплялись друг за дружку и летели всё выше и выше. К своему солнцу, которое совер-

шенно не было страшным, а наоборот, манило и притягивало. Когда волшебники приземлились на солнце, они поняли, почему их так тянуло сюда. Солнце оказалось огромным-преогромным тортом. Наевшись, волшебники потяжелели и принялись спускаться вниз. Когда солнце было съедено всё без остатка, конечно, наступила ночь. Но это была хорошая ночь. Потому что за ней следом шёл самый обычный день, по которому все уже так соскучились.

Дорог Каратей

1. Жители

В этом городе мог поселиться не всякий. Нужно было иметь родословную, где бы перечислялись именитые предки.

Сначала в городе поселился один король. Величественный, он расхаживал по улицам в мантии до пят, отвечая на поклоны воображаемых придворных. Почему воображаемых? Дело в том, что король попал в этот город не от хорошей жизни.

Теперь то в одной, то в другой стране подданные выгоняют королей.

— Не хотим, чтобы нами правил король! — заявляют они. — Хотим быть свободными.

Услышав такие слова, короли дрожат в своих дворцах. И длинными бессонными ночами водят пальцем по карте, разыскивая, куда же податься. И тут они натываются на город Королей.

— Не может быть! — радостно восклицают они. — Где же это?

И тёмной ночью, забрав свои сокровища, они исчезают из родной страны.

Покинув пределы своей страны, короли преображаются.

В город Королей они приезжают с гордо поднятой головой и целой кучей чемоданов. Выгрузившись возле гостиницы, они подозрительно оглядывают прохожих, пока кто-нибудь не внушит им доверие.

— Эй, любезный! — говорит тогда прибывший очередной король. — Снеси-ка мои чемоданы.

К его удивлению, прохожий краснеет, багровеет и покрывается пятнами. Решив, что его не расслышали, прибывший король повторяет приказание.

— Это вы мне?! — слышит он возмущённый возглас.

— А кому же ещё! — теряет терпение вновь прибывший король. — Не самому же мне нести свои чемоданы!

— Какой нахал! — с гневом отвечает старожил.

— Ты разговариваешь с королём, невежа!

— А кто, по-вашему, я? — высокомерно отвечает житель города Королей и удаляется гордой походкой.

Тогда приехавший король пытается остановить следующего прохожего, выбирая по-проще. И снова его подстерегает неудача. Поэтому в конце концов ему приходится тащить свои чемоданы самому.

— Однако! — вздыхает он под их тяжестью. — Мне не следовало брать с собой столько вещей. А вдруг мои глупые подданные уже образумились?

Но никогда ещё ни один народ в мире не просил своего короля вернуться обратно.

Короли тащили свои чемоданы в гостиницу, где поселялись в очередном номере. И так

как у королей бывают очень заковыристые имена, вроде Пионрасцветающийнарассвете, то их стали именовать король Первый, король Двадцать Второй, король Триста Двадцать Седьмой — просто по номеру комнаты, которую король занимал в гостинице.

От обилия царственных особ в городе невозможно было избрать мэра. Короли никого не хотели признать главным над собой. В этом городе главными были все.

Королей поселилось в городе много — и все разные. Различались они не только по росту или упитанности, но и по характерам.

Самым вежливым был король Тридцать Третий. Он ходил по улицам, нахлобучив на голову корону, и приветливо здоровался с каждым встречным, если, конечно, он тоже был в короне. Прохожих, разгуливающих в шляпах, он не замечал. Так что вежливым он был только с коронованными особами, а остальным мог наступить на ногу или оторвать ненароком пуговицу.

Самым злым был король из сорок седьмого номера. Он то и дело орал:

— Казнить! Немедленно к палачу!

Окружающие вздрагивали, хотя и понимали, что никакого палача у Сорок Седьмого давно уже нет. Не очень-то приятно, если тебя, к примеру, за обедом, внезапно грозятся отправить к палачу. Так и подавиться недолго. Тем более, что этот король повсюду таскал

за собой чёрный чемодан. Какие там у него были драгоценности, не знал никто, зато строили догадки все.

Был король-охотник из сто тридцать седьмого номера. Он с утра до вечера палил из своих ружей, разгоняя галок и голубей. Услышав выстрелы, к нему спешил король — любитель природы. Когда-то в его королевском зоопарке были роскошные олени с ветвистыми рогами, огромные слоны с золотыми бивнями... Теперь же он довольствовался банкой-аквариумом с четырьмя рыбками. Но зато он мешал королю Сто Тридцать Седьмому стрелять по птицам. Король-охотник вынужден был стрелять в городе только холостыми патронами.

Король-музыкант когда-то содержал два оперных театра и четыре симфонических оркестра, хотя сам не умел играть. Лишившись своих оркестров, он теперь садился вечерами на балконе и дудел на губной гармошке. Это нехитрое дело давалось ему с трудом, корона всё время сползала на нос.

Корон в этом городе было предостаточно. Даже единственный магазин головных уборов торговал не шляпами, а именно коронами.

Короли, гуляя, часто заглядывали в этот магазин. Зайдёт, например, король и просит:

— Дайте мне пятьдесят девятого размера.

Продавец клал на прилавок роскошное сооружение из золота, бриллиантов и изумрудов.

— Это парадная? — интересовался покупатель.

— Конечно, — клялся продавец. — Тут одних изумрудов пятьдесят девять штук, как и положено при вашем размере.

— А что есть от дождя? — требовал покупатель, которому не по карману была парадная корона.

— У нас самый полный в мире набор корон от дождя. Вот корона с зонтиком. Вот корона с крышей. Есть крыши черепичные, а есть золотые — на любой вкус.

— А что там в углу? Что-то я никогда раньше не видел у вас таких.

— О, это особые короны. Только для любителей.

— А ну давайте, давайте!

— Корона со встроенным вентилятором, как видите. Сами понимаете — на случай жаркой погоды. Все задыхаются, а над вами прохладно. Кстати, это помогает быстро решать многие государственные проблемы. Очень удобно: охлаждает горячие головы.

— А та?

— Это корона со встроенной полицейской сиреной. На случай необходимости срочно покинуть подданных.

— О, мне это не надо! — вздыхал король. — Уже поздно.

И посетитель уходил в своей незаметной походной короне, которой не видно издали, потому что её изумруды на всякий случай замазаны зелёной масляной краской.

Погуляв, короли возвращались в гостиницу, которая называлась «Королевской» и стояла на самой главной городской площади, конечно, тоже Королевской. В центре площади возвышался монумент. Надпись на медной табличке гласила: «Король на лошади». Однако на постаменте стояла только лошадь. Посадить на неё скульптурное изображение какого-нибудь короля было невозможно: такую статую короли немедленно повалили бы на землю. Поэтому лошадь стояла одна, без короля. Зато любой король, проживавший в гостинице, мог взобраться в седло и оглядывать с высоты монумента гуляющих. Чтобы это легче было сделать, к седлу вела лесенка. Ведь короли, как правило, люди пожилые.

С лошади король мог увидеть весь город. Ведь город Королей был маленький, и, чтобы его обойти, хватало и получаса. И это хорошо. Потому что, окажись он большим, пришлось бы завести на его улицах троллейбусы или автобусы. И если бы в автобус набилось штук тридцать королей, которые теснили бы друг друга, началась бы драка. Ведь короли очень себя любят. А когда кто-то любит именно себя, других он старается потеснить.

2. Что же произошло дальше?

Каждый король приезжал в город с целой грудой чемоданов: в одном были чистые рубашки, в другом — свежие носки, в третьем — белоснежные майки. Самый внушительный чемодан предназначался для корон, которые короли тряпочками протирали каждый вечер. В зависимости от погоды могла понадобиться или дождевая корона-зонтик, или корона с меховыми ушками на случай мороза. Заботу о коронах короли не могли доверить никому: ведь они, как-никак, были настоящими королями.

Остальные же заботы они охотно перекладывали на слуг. С некоторыми королями приезжали старые слуги, которые помнили королев ещё детьми: сначала вытирали им носы, потом завязывали галстуки и, наконец, помогали надевать корону. Прожив всю жизнь с королём, старый слуга, как правило, готов был отправиться с ним хоть на край света, потому что не мог себе представить жизни без короля.

И здесь, в гостинице, старые слуги взбивали королям подушки и перины, подавали на ночь микстуры, брили, нежно прижимая щёки пальцем. Королям в такие минуты казалось, что они никуда не уезжали из родной страны, а продолжают жить в своих старых владениях. И стоит выйти на балкон, как толпы придворных восторженно закричат

«виват!». Но, к их глубокому сожалению, это прекрасное время давным-давно миновало и разгуливающие под балконом старички вовсе не подданные, а такие же изгнанные с позором короли.

Размеренная жизнь королев текла без особых происшествий, пока в городе не появился очередной король — Триста Тридцать Третий.

Этого короля совсем недавно свергли с престола на островах Банановых Листьев, поэтому он был самым что ни на есть свеженьким.

В его ушах ещё звучали приветственные крики недавних подданных. Он живо помнил свою только что угасшую славу.

Голова его была украшена золотой короной огромных размеров. Своим видом он выделялся среди королев, давно живущих в городе, которые сменили короны на шляпы и кепки, да и вообще поизносились. Ведь теперь денешки текли не в их карманы, а наоборот, вытекали из карманов. Поэтому и пиджаки у королев стали попроще, и рукава протирались.

А свежий Триста Тридцать Третий король был одет по самой последней королевской моде, в расшитый золотом камзол. И прибыл он с чемоданами, полными рубинов и изумрудов, жемчуга и бриллиантов.

Нацепив на грудь огромную золотую цепь, он вышел прогуляться. Королей посмотреть и себя показать.

Навстречу ему король-собаковод вёл своих собачек. Собаки были самой королевской породы — доги. Поэтому Триста Тридцать Третий вежливо поклонился королю-собаководу. Тот в ответ также приподнял свою корону.

Далее король Триста Тридцать Третий поприветствовал группу королей, играющих в парке в домино. Они стучали костяшками, сидя под деревом. Некоторые, чтобы не мешали игре, положили свои короны рядышком на скамейки и обмахивали лысины платочками. На такое разгильдяйство вновь прибывший король посмотрел весьма неодобрительно.

Он подошёл поближе и выбранил игроков самым серьёзным тоном:

— Король должен всегда оставаться королём. Понятно?

Удивлённые короли-доминошники мигом нахлобучили короны, чтобы придира оставил их в покое, и продолжили игру.

Увидев такое послушание в королевских рядах, Триста Тридцать Третий возгордился. Он на всякий случай обернулся: не воспользовались ли игроки тем, что он ушёл, не сняли короны? Но под его взглядом короли встрепенулись, поправили короны и стали играть дальше.

Далее Триста Тридцать Третий подошёл к монументу. Он покачал головой, глядя, как очередной гордец взбирается в седло, но ничего не сказал, так как этот король был в короне.

Услышав над головой пиликанье на губ-

ной гармошке, король снизу погрозил пальцем королю-музыканту. Но тот был так увлечён игрой, что не заметил его жестов. А кричать снизу король счёл неприличным для себя. Пришлось ему пройти мимо.

В шляпном магазине король наконец отвёл душу, рассматривая новинки. Сразу купил себе корону со встроенными в неё электронными часами, даже не задумавшись, а как же он посмотрит на циферблат. Ведь, чтобы посмотреть, который час, придётся снимать с головы корону. Покупку ему завернули в прекрасную муаровую бумагу, и король отправился домой, то есть в гостиницу.

В узком переулке он столкнулся с человеком в кепке, который вынырнул из-за угла.

Король Триста Тридцать Третий смело шагнул вперёд, уверенный, что ему все должны уступать дорогу.

Но вперёд шагнул и незнакомец в кепке.

А так как оба были королями и шагнули весьма решительно, то сильно стукнулись лбами. Королевскими.

От удара оба грохнулись на мостовую. Корона Триста Тридцать Третьего слетела с головы и покатилась, словно обруч. Новая, только что купленная в магазине корона от удара о камни уменьшилась в размере с пятьдесят девятого до пятьдесят третьего — за счёт огромной вмятины — и электронным часам пришёл конец.

Триста Тридцать Третий король, сидя на

мостовой, от гнева по-рыбьи открывал и закрывал рот.

Точно так же, к его удивлению, вёл себя и противник.

Они оба так покраснели, что на них впору было жарить яичницу.

Когда же оба опомнились, то одновременно выкрикнули:

— Нахал! Я же король!!

И удивлённо вытаращили глаза.

— Какой-такой король? — спросили они друг у друга.

Каждый назвал своё королевство. Бывшее владение короля в кепке оказалось втрое больше островов Банановых Листьев, и посрамлённый Триста Тридцать Третий вынужден был уступить дорогу.

Король в кепке гордо встал и ушёл, потирая ушибленный лоб. А Триста Тридцать Третий, подобрав обе короны, печальный отправился домой.

Оказывается, здесь легко ошибиться, приняв за простого человека какого-нибудь важного короля.

Теперь Триста Тридцать Третий бродил по городу с опаской, наблюдая за королями в коронах и прикидывая, кто есть кто. Ведь у королей короны — что погоны у военных. По короне сразу видно, кто кому должен уступить дорогу.

Но как быть, если король сменил корону на шляпу или кепку?

Поэтому Триста Тридцать Третий решил на всякий случай первым уступить дорогу. Чтобы с ним не произошло то, что и с Людовиком Тринадцатым. Его за неуважение побил тоже Людовик, но только Двенадцатый. Он вздул его так сильно, что Тринадцатый вовсе исчез из истории. А для короля самое главное — сохраниться в истории.

3. Человек в коричневой шляпе

И вот однажды Триста Тридцать Третий король столкнулся у входа в лифт с незнакомцем в шикарной коричневой шляпе. Такой бархатной шляпе мог позавидовать любой король. Поэтому Триста Тридцать Третий решил пропустить его вперёд, помня о своём недавнем конфузе.

— Прошу вас, — с трудом выдавил он из себя вежливые слова, не отводя глаз от шляпы, которую мог носить только король, бывшие владения которого раз в пять превышали королевство островов Банановых Листьев.

Но незнакомец вежливо уступил дорогу Триста Тридцать Третьему. Только в последнюю минуту, когда дверь лифта уже начала закрываться, он проскочил в кабину и уехал, а Триста Тридцать Третий остался стоять на площадке.

К нему подбежал король-ябеда и громко зашептал на ухо:

— Кого вы пропустили? Кого! Это же кучер-садовник-парикмахер короля Сорок Девятого!

— А как же шляпа? — удивился Триста Тридцать Третий.

— Шляпу король дал ему поносить. Насовсем. Потому что в ней дырка.

И тут до Триста Тридцать Третьего дошло, что он пропустил не самого Сорок Девятого, а всего лишь его кучера, который из-за королевской бедности был одновременно и садовником, и парикмахером, и кучером.

— Стой! — не своим голосом заорал король. — Как посмел! Слуга!

Он схватился за дверь лифта и принялся её дергать, пытаясь открыть. А потом, тяжело дыша, плюхнулся в кресло под пальмой.

А злобный король-ябеда продолжал нащёптывать ему на ухо:

— Какой же это город Королей? Деревня, а не город. Тут половина жителей и вовсе не короли. Они только позорят королей своими обносками. К тому же дурно влияют на коронованных особ. Представьте себе, теперь даже короли иногда позволяют себе носить кепки.

— Долой простолюдинов! — закричал Триста Тридцать Третий.

— Вон! — поддержал его король-ябеда. Только, конечно, шёпотом: ябеды никогда не говорят громко.

И оба короля стали бороться за то, чтобы изгнать из города Королей всех некоронованных особ.

С одними королями они беседовали, намекая на общие королевские чувства, других запугивали, но в конце концов им удалось убедить всех.

На улицах запестрели объявления:

СЕГОДНЯ СОСТОИТСЯ
ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ КОРОЛЕЙ
И ПРИНЦЕВ КОРОЛЕВСКОЙ КРОВИ.
ЯВКА ВСЕХ КОРОЛЕЙ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Короли собрались в зале гостиницы. Они шумели, возмущались, но, услышав, о чём будет разговор, смолкали. Отношения королей и некоролей волновали всех.

Триста Тридцать Третий говорил без передышки целых пять часов. Он так всех утомил, что собрание единогласно проголосовало за его предложение: «Простолюдинам не место в городе Королей!»

Все жители некоролевского происхождения вынуждены были покинуть город. Даже продавцу шляпного магазина не дали продать ни одного экземпляра его последней новинки — короны с пропеллером для небольших воздушных перелётов. Кожаным ремнём корона крепко-накрепко застегивалась под подбородком, и можно было летать под сводами дворца, поглядывая сверху вниз на придворных. На эту модель короли даже

заранее записывались в очередь, а теперь не могли её приобрести.

Зато город стал воистину королевским. Триста Тридцать Третий кричал вслед уезжающим:

— Подданные прогнали нас. А мы прогоняем вас. Долг платежом красен! — А потом добавил, вспомнив, что именно бывшие подданные кричали ему вслед: — Попробуйте обойдитесь без нас. Ха-ха!

4. К чему это привело

Короли остались одни. Некому было чесать пятки, зажигать ночники, взбивать подушки.

Гордо расхаживали они по улицам. Теперь вокруг были только короли — в шляпе ли, в кепке или короне.

Прошёл день, второй, третий...

Город постепенно начал преобразаться.

В коридорах гостиницы мелькали небритые физиономии в коронах. Украдкой короли вытирали носы рукавами.

Одну за другой вскрывали они консервные банки, закупленные напоследок в магазине, хотя консервированное мясо не подходило для их нежных желудков.

Всеобщее уныние охватило город. Король-музыкант играл на своём балконе печальные

мелодии и вздыхал, вспоминая минувшие дни.

Короли пользовались грязными носовыми платками, ходили в нечищенных ботинках, в пиджаках с оторванными пуговицами, так как пришить пуговицы было некому. Короли ничего не умели делать. Они только протирали короны на ночь. Вот короны и продолжали блестеть.

А поскольку короны на их головах блестели, то короли крепились и никому не жаловались на трудности.

И даже пытались найти выход из положения. Раз некому их брить, то в моду сразу вошли бороды.

Но, к сожалению, ни оторванные пуговицы, ни грязные носки в моду войти не могут. Поэтому короли потихоньку вздыхали. Даже в домино они играли уже без прежнего азарта, а скорее для того, чтобы как-то провести время и уйти спать.

Постепенно короли начинали понимать цену некоторым вещам, которых раньше вовсе не замечали.

— Ваше королевское величество, — говорил один король другому, — не хотите ли поменять вот этот прекрасный бриллиант на два носовых платка. Чистых. Ну хотя бы на один...

— Ишь чего захотел, — отмахивался второй король. — У меня самого этих бриллиантов полный чемодан, а чистых платков только

три. А нельзя ли порезать на платки новую ночную рубашку? Из неё может получиться не меньше десяти.

Третий король тащил на городскую площадь, которая теперь служила местом обмена, портрет своей тётушки в золотой раме.

— Портрет вдовствующей королевы! За одну майку!

Короли собирались кучками, раскладывали на земле свои сокровища: меч, украшенный сапфирами, огромное золотое блюдо, книгу в роскошной золотой оправе с изумрудами. За них короли хотели получить самые простые вещи: кто рубашку, кто пару носков, кто носовой платок.

Королевская жизнь усложнилась.

5. Король — королю

Город превратился в большую мусорную свалку. На улицах валялись консервные банки, газеты, обёрточная бумага.

Король-ябеда растерялся и не знал уже, о чём ему нащёптывать. Все короли теперь занимались не достойными их делами. Да ещё подглядывали друг за другом: не завалялась ли у кого чистая тарелка или ложка.

Король мог выйти на улицу в одном зелёном ботинке, в другом — жёлтом: просто ботинки из разных пар оказались у него целыми.

Самым состоятельным теперь стал неприличный король из Трикитака. Он так умело наладил обмен, что все короли были ему что-то должны: кто носок, кто майку. Золото и бриллианты этот король не брал, потому что никакой цены они в городе не имели.

Множество мелких происшествий отравляли жизнь. Один голодный король съел всех рыбок у короля — любителя природы. У кого-то пропало королевское полотенце с вензелями. Всем было несладко.

Жизнь стала тягучей и тягостной. Короли пораньше забирались в постели, чтобы поскорее погрузиться в сны.

Снились им чистые улицы, чистые рубашки, чистые полотенца. Слуги всё это подавали и всё убирали.

Но сны не длились вечно, и наступало утро.

Первыми по лестнице спускались короли Пятьдесят Седьмой и Двадцать Девятый: они шли ловить рыбу, чтобы не умереть с голоду. Их горбатые палки-удилища цеплялись за двери и за пальмы в вестибюле гостиницы.

Король-музыкант, заметив их с балкона, бежал следом. Пока они пытались что-то поймать, он пиликал им на своей гармошке. Все трое считали, что музыка привлечёт рыбу к удочкам. Но, к сожалению, рыбы не было. Пристыжённые, они тихонько возвращались домой, и король-музыкант уже ничего не играл, чтобы не привлекать внимания.

Два короля — Сорок Пятый и Сорок Шестой — решили объединиться и жить в одной комнате, чтобы поменьше убирать.

Король Семьдесят Седьмой, захватив с собой «Учебник королевской охоты», ходил в близлежащий лес. За ним следовали десяток королев. Они бегали по лесу кто с мечом, украшенным изумрудами, кто с копьём своего прадедушки и кричали.

— Вдруг нам попадётся вепрь! Ох и наедемся!

Но никто им не попадался. Ведь короли обычно охотятся на тех зверей, которых им загоняют егери. Теперь же загонщиков не было.

Злой король, который прежде орал на всех: «К палачу!», теперь стал кричать:

— Съем! — И рычал, как зверь, бешено вращая глазами. От этого становилось ещё страшнее.

Голодные, ободранные, бородатые личности шарили по всему городу в поисках выброшенной когда-то корочки хлеба.

Триста Тридцать Третий король, который потребовал изгнания слуг, спрятался в лесу: после того, как его два раза изрядно поколотили, он не решался возвращаться в город. Заслышав рык: «Съем!», доносившийся из-за городских стен, король прятался в угол заброшенной лесной хижины и трясся там, боясь выдать себя каким-нибудь звуком.

Пора было переименовывать город Королей...

6. Появление Дормидонта

Но однажды ранним утром город Королей проснулся от громкого блеяния. Короли продрали глаза и выбежали на балконы. На городской площади перед гостиницей стояла, задрав голову, коза. На шее у неё болталась верёвка.

Кто в чём, не позабыв надеть короны, бросились короли вниз. Они окружили зверя, им не очень знакомого, но явно домашнего, о чём свидетельствовала верёвка.

Первым с опаской приблизился к козе король-музыкант.

— Иди сюда! Иди! — с надеждой в голосе позвал он. — Кис-Кис! Кис-кис!

Коза не обратила на него внимания.

— Ты что! — зашипела толпа. — Надо подружому: цып-цып-цып!

— Цып-цып! — повторил король-музыкант и погрозил козе кулаком.

Коза в упор его не видела.

— Пустите меня! Я с ней быстро покончу! — заорал злой король.

Широко расставив руки, он двинулся к животному.

Коза посмотрела на него шальными жёлтыми глазами, потом наставила рога и бросилась в атаку.

— А-я-а-а! — закричали короли, спасаясь бегством. Они, толкаясь, протиснулись в гос-

тиницу и выглядывали оттуда сквозь стеклянные двери.

Злого короля сбили с ног, и он ползком догонял остальных. Подняв голову, король увидел перед собой пожилого человека, явно некоронованного. Старик, опершись на палку, удивлённо его разглядывал.

Король сделал вид, что искал на земле пуговицу, и сразу вскочил на ноги, игриво поправив на голове корону. Увидев, что старик ведёт на верёвке козу, король бросился бежать к дверям гостиницы.

Старик, широко раскрыв глаза, изумлённо посмотрел ему вслед.

Двое дрожащих королей, которые не успели протиснуться в дверь, прижались к стенке. Старик прошёл мимо них, но вдруг остановился и обернулся.

— Я прошу прощения, — сказал он одному из королей. — У вас каблук скоро отвалится. Вы бы прибили для верности.

Король испуганно посмотрел на него.

— Я не умею, — развёл он руками.

— Давайте я, чего уж там! — Старик сел под стенку, достал из котомки молоток, гвозди и приколотил каблук.

Второму королю он пришил все пуговицы, потом залатал обоим все дыры на пиджаках.

Короли величественно смотрели по сторонам. Гордость не позволяла им благодарить тарика.

— Я теперь всегда через ваш город ходить буду, — сказал старик на прощание. — Наш мост через реку снесло, а мне козу на пастбище водить надо.

Когда старик ушёл, короли высыпали из гостиницы.

— О чём это вы с ним говорили? — бросились они расспрашивать счастливых.

— Да так — мы учили старика хорошим манерам.

— Стойте, стойте, — вдруг закричал один из королей. — Посмотрите! У них дыры заштопаны и все пуговицы пришиты!

Толпа онемела.

7. Очередь

Чуть свет все короли уже поджидали старика с неизвестным домашним животным. Каждый старался выйти пораньше, чтобы опередить остальных. Тихонько поскрипывали двери. Короли выходили по одному, чтобы никто не догадался об их намерениях. Столкнувшись на лестнице, они сразу делали незаинтересованные лица.

— Вы куда это, ваше королевское величество?

— Да вот, собрался прогуляться. А куда вы так рано?

— Да я... Да я... Я тоже гуляю. Моцион, знаете...

Когда на улице появился старик, радостный вздох вознёсся к небесам.

Вдоль тротуаров выстроились потрёпанные короли, делая вид, что они не замечают ни старика, ни друг друга. Зато каждый выставил напоказ то, что требовало немедленного ремонта.

У одного болтался карман, другой держал в вытянутой руке горстку оторванных пуговиц, третий стоял босиком с подошвами от ботинок в руках.

Старик, вздыхая, молча шёл посреди улицы, за ним, проворно перебирая ножками, бежала коза. А вслед им раздавались вздохи отчаяния.

— Ладно! — крикнул наконец старик и сел посреди площади у фонтана. — Кому смогу — помогу.

Короли плотной толпой окружили старика. Каждый старался протиснуться поближе.

Старик уже бодро засучил рукава, как вдруг раздалось блеяние козы.

— Пойдите-пойдите, — вдруг спохватился он. — А как же моя коза?

Короли в недоумении уставились на него.

Старик жестом подозвал тех двух королей, которым помог вчера.

— Пусть вот эти двое козу мою попасут, пока я тут вами займусь.

— Мы? — удивились оба короля. — Мы даже не знаем, что такое пасти, и знать не

хотим. Вы забываете о нашей королевской чести!

Они думали, что все короли их поддержат и выгонят нахального старика вшаей.

Но короли, к их удивлению, нахмурили брови. И отправили их пасти козу.

Едва оба короля скрылись за поворотом, как толпа с криками: «Мне первому!» — набросилась на старика.

Короли чуть не затоптали его. Но старик быстро навёл порядок.

— А ну-ка в очередь! — крикнул он повелительно. Для королей это было так неожиданно, что они сразу притихли и образумились. И понуро выстроились один за другим.

Отгнав любопытных, чтобы не заслоняли свет, старик принялся за работу.

Тишина воцарилась на площади. Старик работал. Он ловко пришивал, прибивал, клеил. И вещи из его рук выходили хоть с заплатами, но чистенькие и аккуратные.

В число первых счастливых попал и король-музыкант, и теперь над площадью раздавался радостный звук его губной гармошки.

8. Помощники

Но старик успел помочь далеко не всем. Ведь королей было много, а он один.

На следующий день с рассвета все уже были начеку.

— Идёт! Идёт! — прокатилось по городу. Показался старик, за ним плелась неразлучная коза. На этот раз старик тащил ещё и полную корзину.

Накануне вечером короли устроили общее собрание. Ведь появление в городе старика нарушало законы, установленные королями: он был особой некоронованной. Проспорив целый вечер, короли, казалось, нашли решение.

Когда старик приблизился, навстречу ему вышел король Сорок Девятый.

— По закону, старик, тебе нельзя находиться в нашем городе. Потому мы решили дать тебе звание короля.

Старик обиженно засопел носом.

— Если ты сомневаешься насчёт короны, то мы её приготовили, — вытащил король из-за спины немножко потрёпанную, но всё же настоящую походную корону.

Но старик обвёл королей насмешливым взглядом и сказал:

— Раз нельзя, тогда до свидания.

И заковылял прочь с козой на верёвке.

Короли закричали, загалдели все разом. Кто в пылу спора бросал наземь корону, кто лез драться. Но все поняли, что так дело не пойдёт. Они догнали старика и привели обратно.

— Ладно, — сказали короли. — Мы отменяем наши старые законы, только приведи ты нас в порядок.

Отправив новую пару королей пасти козу, старик сел у раскрытой корзины.

— Я тут инструмент всякий принёс.

Короли, сгорая от любопытства, столпились за его спиной.

Старик достал из корзины иголки, нитки, ножницы, дратву, сапожный нож, молоток и гвозди.

— Ты! Ты и ты! — ткнул он пальцем в самых глазастых королей, которые от счастья засияли ярче собственных корон, — будете моими помощниками.

Гордые от такой чести, короли до поздней ночи учились мастерству.

Нашлась работа и остальным. И когда к вечеру двое королей-пастухов в походных коронах привели козу, они не узнали родного города.

Улицы были аккуратно подметены, почищенный фонтан бил высокими струями. Весь мусор, сложенный в кучи, потихоньку догорал. Короли-умельцы гордо демонстрировали побитые и поколотые пальцы.

На их одежде красовались вкривь и вкось притороченные заплаты. Но зато эти заплаты были пришиты королевскими руками.

Самое удивительное, что над площадью плыл умопомрачительный запах ухи. Пятеро королей во главе со стариком сплели из гардин рыбацкие сети, и теперь жители города ждали ужина.

9. Встреча

Далеко разнёсшийся запах заставил взглянуть из лесной хижины и Триста Тридцать Третьего короля. Исхудавший, хромой, он опасливо вышел на городскую площадь. Как ни велик был страх, но голод сильнее.

Но то, что король увидел, ужаснуло его ещё больше. На лавочках возле гостиницы сидели короли и споро работали, чтобы успеть в последних лучах заходящего солнца пришить пуговицу или прибить каблук. В городском фонтане всюду шла стирка. Короли, радостно гикая, выкручивали майки. Короны падали с их голов в воду! Кто-то брился прямо на улице перед роскошным зеркалом в золотой оправе с вензелями.

— Вы позорите свои короны! — хриплым голосом крикнул Триста Тридцать Третий. — Посмотрите, на кого вы похожи!

Короли подняли головы от работы. Перед ними стоял грязный, оборванный человек с короной на голове. В короне запутались куски мха и соломинки.

— Посмотри лучше, на кого похож ты, — бросил кто-то ему, и дружный смех прокатился над площадью.

Триста Тридцать Третий потрянул бородой и ушёл куда глаза глядят. А короли, почистившись и умывшись, затаили народную королевскую песню о том, как погибла

целая армия и король в придачу из-за одной плохо прибитой подковы. Ибо дело мастера боится, а не короля.

10. Триста Тридцать Третий

Бездомный король бродил по дорогам страны Городов. Питался, чем придётся, спал, где попало, и молчал, потому что одному говорить не с кем. А собеседника королевского ранга найти не так просто.

Первые дни предметом его гордости всё ещё оставалась корона. Чем больше дыр появлялось на его одежде, тем ярче казалась ему его прошлая жизнь, олицетворённая в короне.

Он часто протирает корону, вечерами тщательно счищал листом лопуха дорожную пыль.

Он ставил корону рядом с собой на пенёк, и заходящее солнце играло в её изумрудах, и каждый отразившийся лучик будил воспоминания. Но когда солнце садилось, король печально сопел носом. Корона уже не блестела, и жизнь представляла перед королём во всей своей обнажённой правде. Надо было где-то спать, но не в роскошной кровати с балдахинном, а зарываться в солому, как лесное животное. Король засыпал, и во сне его руки и ноги дёргались. Это он ходил по дворцу и отвечал на приветствия своих гвардейцев.

А утром он прятал корону в котомку и шёл куда глаза глядят.

Однажды в солнечный день, когда Триста Тридцать Третий брёл по дороге, проклиная свою судьбу, неожиданно послышался свист. Триста Тридцать Третий остановился и прислушался. Сомнений не было: так свистят разбойники. А разбойники не бывают добрыми.

Король испуганно посмотрел по сторонам. Куда бежать? Но далеко уйти ему не удалось.

— Стой! — на дорогу сзади и впереди вышли люди. Вооружённые до зубов и до того грозные, что даже улыбка у них была кусающей.

— Вы кто такие? — завопил от неожиданности король. — И как вы смеете меня останавливать? Да я... Да я... — Он хотел сказать, что они имеют дело с королём, но вовремя спохватился. Он понял, что будет лучше, если они об этом не догадаются.

— Золото давай! — гаркнул предводитель разбойников и больно толкнул короля пистолетом в живот.

Разбойники ходили вокруг короля, высматривая, чем бы поживиться.

— Какое у него золото? — сказал один из них. — Пускай хоть еду из котомки отдаст.

Король, понимая, что в котомке его гибель, прижал её к груди. Но разбойники на то и разбойники: делают, что хотят. Раскрыв котомку, они ахнули.

— Пстой-ка, да ты король!

Триста Тридцать Третий выпятил грудь.

— Попался! — загалдели, запрыгали разбойники.

Король вертелся во все стороны, не зная, где укрыться.

Только теперь Триста Тридцать Третий понял, в чьи руки он попал.

11. Город Разбойников

Его привели и бросили к ногам атамана разбойников.

— Корону конфисковать, — изрёк атаман. — А этого...

— Убить! — закричала хором вся ватага.

— Бесплезный он какой-то, — пожал плечами атаман. Но тут прекрасная мысль пришла ему в голову. — Возьму-ка я его себе в слуги. А корону пускай пока поносит, — засмеялся атаман. — А то что за король-слуга без короны?

И началась у короля новая жизнь.

Разбойники жили в шалашах, пещерах и дуплах, которые имели свои названия: пещера «Пятеро вверх тормашками», дупло «Вырви глаз», шалаш «Кривая сабля»... На самом высоком дереве, под которым стоял шалаш атамана, реял на ветру чёрный флаг. Если присмотреться к нему, то видно было, что это чья-то чёрная от грязи майка. Но так как на ветру и под дождём она то и дело светлела, то

королю вменили в обязанность лазить на дерево, снимать флаг и вываливать его в грязь.

Но это была не самая главная его обязанность.

С утра король спешил к роднику за водой. Атаман, не отрываясь, тотчас выпивал полведра и гнал короля за водой снова.

Потом надо было начистить картошки на всю разбойничью ораву. Картошка прыгала, выскальзывала из рук, как живая рыба, плюхалась в пыль. Приходилось её без конца мыть, а значит, снова идти за водой. И ещё во время работы то и дело сползала на нос корона. А разбойники не разрешали королю работать без короны.

Они гоготали, глядя, как король в короне хлопочет по хозяйству.

Король не имел ни секунды отдыха. Приготовив завтрак, он принимался подметать тропки в лесу. Пыль стояла столбом, когда король, размахивая метлой, пытался навести порядок. А разбойники, издеваясь, назло ему бросали мусор на подметённые дорожки. Приходилось все начинать сначала.

Разбойники целый день ничего не делали. От безделья они ставили короля под дерево и клали ему на корону яблоко. Самые искусные стрелки начинали соревноваться друг с другом. Яблоко трескалось, осыпая лицо короля семечками. Но король был рад, что разбойникам удавалось попасть в яблоко. Хуже было бы, если бы они не попали.

12. Зависть

Вечером король чесал пятки атаману, который гоготал на весь лагерь. А разбойники, слушая этот гогот, недовольно ворочались в своих постелях из мха и соломы. Чем они были хуже?

Однажды вечером, когда король слишком уж проникновенно чесал атаману пятки, самый свирепый из разбойников закричал:

— Мы тоже хотим иметь слуг! Хотим, чтобы нам взбивали постель. Хотим, чтобы вечерами нам чесали пятки.

Вся орава заулюлюкала, засвистела, собираясь в поход.

Они решили идти в город Королей за слугами.

— Мы его переименуем в город Разбойников, хи-хи! — орала ватага.

— Городскую площадь назовём площадью Отрубленной Головы.

— Мы хотим жить в комфорте. Веди нас, атаман!

Не дождавшись утра, разбойники гурьбой пошли к городу Королей. Вслед за ними неслись клубы пыли. Последним, глотая пыль, брёл король.

Разбойники горланили песни, а король утирал слёзы.

13. Заблудились

Ватага остановилась на развилке, под огромным дубом. Одна дорога шла налево, такая же дорога поворачивала направо. Дуб разбросал ветви и туда, и сюда.

Разбойники топтались в нерешительности.

Потом бросились на землю и принялись изучать следы. Они были и на одной дороге, и на второй, вели туда и обратно. Ничего нельзя было понять.

В конце концов разбойники поставили на раздорожье атамана, завязали ему глаза и раскрутили как следует. Атаман наугад выбрал путь, и вслед за ним потянулись остальные.

Вскоре разбойники, размахивая пистолетами и горланя песни, вышли на берег реки.

— Стой! — скомандовал атаман.

Разбойники, становясь на цыпочки, начали выглядывать, где же кончается река.

— А где королишка? — вдруг вспомнил кто-то, и Триста Тридцать Третьего вытолкнули вперёд.

— Куда ты нас завёл? — угрожающе замахал пистолетом атаман.

— Я? Я сзади шёл, — оправдывался король.

— Утопить его! — закричал толстый разбойник и схватил короля за шею.

Но атаман отстранил толстяка. Разбой-

ники только поколотили короля за то, что он шёл сзади.

— Надо строить плот, — решил атаман.

Разбойники нарубили деревьев, обтесали брёвна и принялись их вязать.

— Постой-ка, братцы! — заорал вдруг один из них. — Зачем же нам плот?

— Как зачем? — удивились все. — Чтобы переправиться.

— Зачем же нам переправляться, если это не та дорога? Мы не по той дороге пошли!

— Верно! — загалдели разбойники. — Кто ж это нас сбил? Уж не королишка ль?

И Триста Тридцать Третьего снова отколотили.

В конце концов они двинулись обратно.

На ночлег разбойники расположились в густом лесу на ветках деревьев. А бедному королишке ни на одном дереве ветки не досталось. Пришлось ему спать на сырой земле.

У него заломила спина, заныли руки, нос разбух картошкой.

Когда рассвело, разбойники двинулись в путь. Услышав громкое «апчхи», они сразу залегли.

— По врагам! Пли! — скомандовал атаман. Началась пальба.

Но «противник» снова ответил громким:

— Апчхи!

Разбойники собрались в кружок и только тогда поняли, что чихает их король. Теперь

даже атаман не мог его защитить от побоев. Чтобы он не пугал их своим чиханьем, ему накинули на голову мешок.

Вскоре разбойники увидели городскую стену.

— Город Королей! — запрыгали они от радости. — Он? — спросили у короля, сняв с него мешок.

— Апчхи! — кивнул головой король.

— Тогда отправляйся в город и передай им наш ультиматум: сдавайтесь, если хотите остаться живыми.

Удивительно, но его уже ждали. Видно, громкое чихание переполошило город Королей.

Триста Тридцать Третьего не сразу узнали. Он весь зарос волосами и покрылся грязью.

— Я пришел передать вам апчхиматум. То есть ультимапчхитум. В общем, сдавайтесь. И всё!

Короли зашептались. Они были такие чистенькие да ладненькие, что Триста Тридцать Третий им позавидовал.

— Дайте нам подумать до завтра, — попросили короли.

— А завтра точно сдадитесь? — строго спросил Триста Тридцать Третий.

— Завтра конечно, — кивнули короли.

Радостный парламентёр побежал к разбойникам. Они тоже согласились потерпеть до утра. Утро вечера мудренее.

14. Утро

Как только показались первые лучи солнца, разбойники стали выглядывать белый флаг. Ведь крепости сдаются только так. Но город Королей притаился и молчал.

Разбойники ходили вокруг городских стен, продрогли и возмутились.

— Эй, вы! — закричал атаман. — Короли и королишки! Поскорее там! Открывайте ворота!

Но ничего не было слышно.

Окоченевшие разбойники стали прыгать на стены, чтобы согреться.

Первый не выдержал атаман. Голова его совсем замёрзла.

— Огонь! Пли! По воротам! — скомандовал он, раздавая своим разбойникам направо и налево оплеухи, чтобы они поскорее двигались.

Разбойники зашевелились и начали стрелять во все стороны. Они потратили все свои патроны, превратив городские ворота, украшенные позолоченными коронами (ведь это были ворота города Королей!) в решето. Теперь сквозь ворота можно было спокойно заглянуть в город.

Раз ворота перестали существовать, следовало наступать дальше.

— Стройся! — скомандовал атаман. — Пойдем наказывать непокорных. Запевай! — И разбойники закричали, что есть мочи, надеясь этим испугать королей.

Они решительно приблизились к воротам и остановились. Если королишки напуганы, отчего же они не открыли ворота? Разбойники переминались с ноги на ногу, не решаясь двинуться дальше.

— А где наш королишка? — завопил кто-то в передних рядах. — Пускай он пойдёт и откроет.

Короля вытолкнули вперёд.

— Эй! — крикнул он. — Это я. Триста Тридцать Третий!

Ему никто не ответил. Король потрогал ворота. В них были такие огромные дыры, что свободно проходила рука.

Король оглянулся. Разбойники грозили ему пистолетами, кинжалами и саблями. Король засунул руку в дыру и отодвинул засов.

— Открывай! — рявкнул атаман, и король распахнул створки.

— Запевай! — снова гаркнул атаман, и разбойники с песней двинулись в город. Ведь с песней идти не так страшно. И чем сильнее крик, тем быстрее у противника уходит в пятки душа. Поэтому разбойники старались вовсю.

Но звуки песни вдруг смолкли. Слова застряли в глотках, ибо случилось нечто невероятное.

Через распахнутые ворота на разбойников ринулись дикие, совершенно дикие животные.

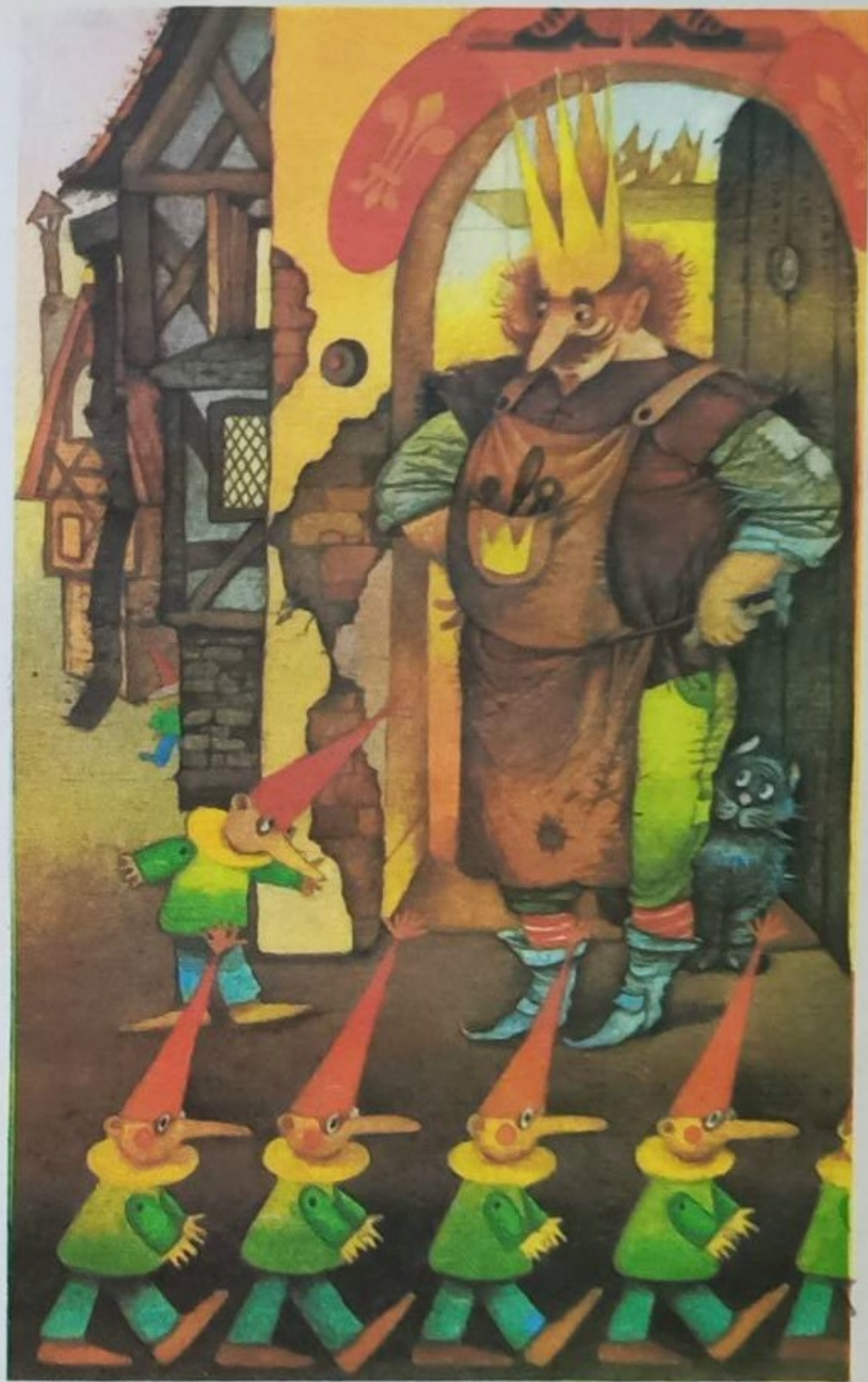

Покружившись по комнате, шар вылетел в открытую форточку.
(«Тайна города Волшебников», с. 98)

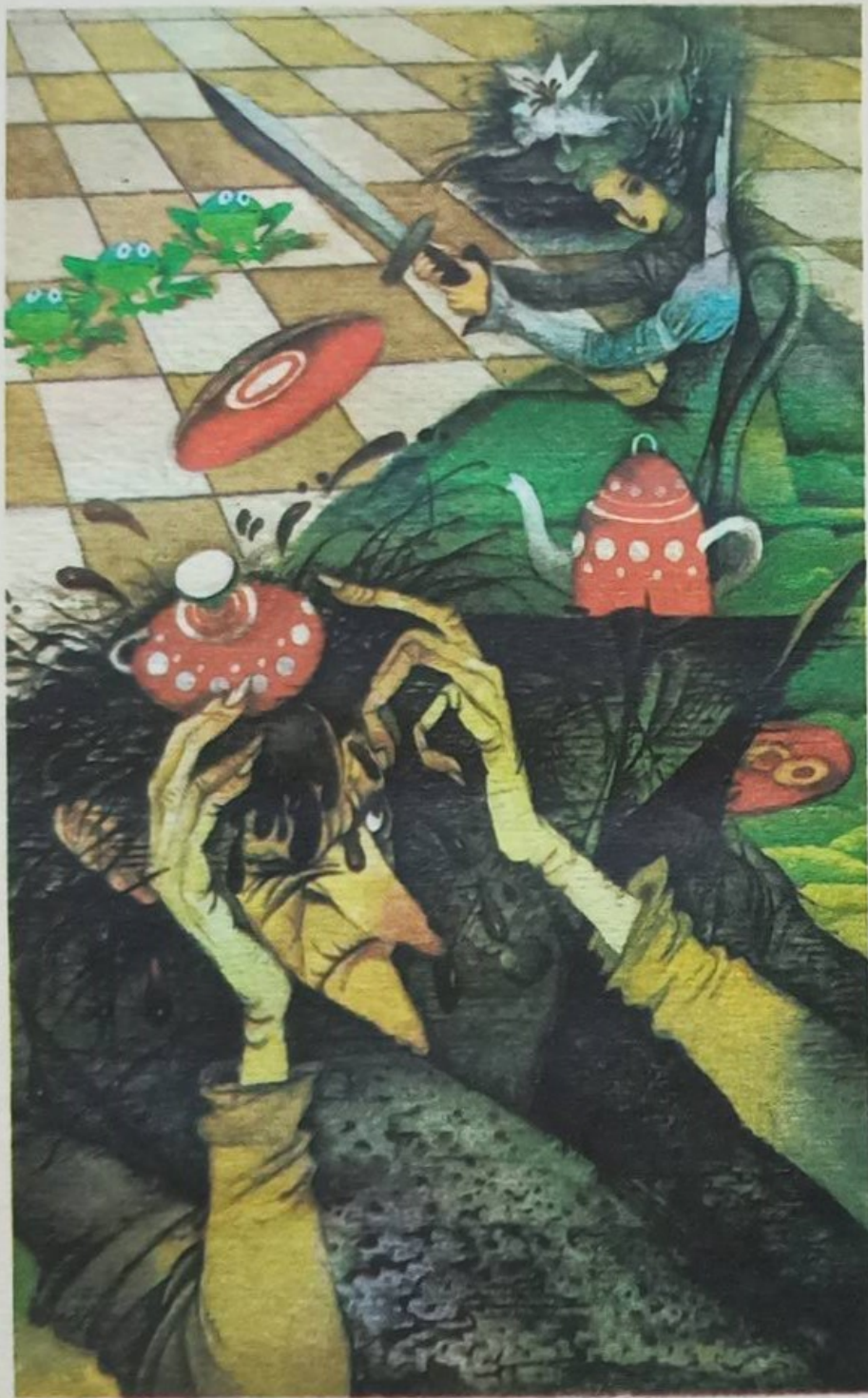

От удара оба грохнулись на мостовую. («Город Королей», с. 133)

— Приказывайте! Теперь вместо вас работать буду я.
(«Город Королей», с. 196)

Чёрный кофе кашицей расплескался по лицу Карколама.
(«Город Королей», с. 227)

Выставив рога, с налитыми кровью глазами звери налетели на разбойников, сея панику.

Разбойники закричали, заплакали, зарыдали. Прикрываясь кто чем мог, они бросились бежать в разные стороны.

Когда клубы пыли рассеялись, на поле боя осталось только оружие. Разбойников и след простыл. Вслед им неслось победное «Мэ-э-э!».

А короли хворостинами принялись загонять коз обратно в город. Они пересчитывали их до вечера, чтобы всех до единой вернуть хозяевам. И вечером козлий полк отправился домой в соседний город. А короли с лёгким сердцем запели свою народную королевскую песню, сначала как следует починив городские ворота. Теперь вместо корон на них красовались две головы с рогами в честь великой победы над врагом.

15. Пустая карета

Разбойники разбежались кто куда, и Триста Тридцать Третий убежал вместе с ними, но в свою сторону. Королю в схватке удалось сохранить корону, хотя и помучил его неизвестный дикий зверь: корону пришлось держать обеими руками. Ведь ничего дороже теперь у короля не было.

Неудачное наступление совсем его расстроило. Теперь он никак не мог вернуться в город Королей: там его считали предателем. А разбойники убили бы его, мстя за свою неудачу. И во всех бедах короля виноват был непокорный город. Поэтому Триста Тридцать Третий поклялся разрушить ненавистный ему город Королей.

«Подлые короли! — думал он. — Нежитесь там в мягких постелях, а я, истинный самодержец, бездомным бродягой слоняюсь по пыльным дорогам».

Совсем выбившись из сил, он сел на пригорок и задремал. Мягкий мох заменил ему кресло былых времен.

Король уже почти спал, когда на дороге послышался шум. Он приоткрыл глаза и тут же закрыл их, думая, что это ему снится. Но потом заставил себя снова взглянуть: очень уж странным показался сон.

По дороге ехала карета, запряжённая четвёркой лошадей. Ни кучера, ни пассажира в карете не было. Такой роскошной кареты король никогда в жизни не видел, а ведь он когда-то тоже имел королевский выезд. На дверце кареты была выбита корона чёрного цвета.

— Это судьба! Счастье привалило мне! — прошептал король и бросился наперерез карете.

Он на ходу широко распахнул дверцу и прыгнул на сиденье. Но едва он повернулся,

чтобы дверцу захлопнуть, как кто-то сильно пихнул его вон. Король полетел вверх тормашками, а карета остановилась.

Жалкий, истерзанный король растянулся на земле у самых колёс. Он боялся пошевелиться. Злая судьба снова приготовила ему испытание.

В окне кареты показалась морщинистая рука, украшенная перстнями. Рука повелительно щёлкнула пальцами.

Король приподнял голову и с опаской посмотрел на неё. Рука поманила его пальцем.

Король вздохнул, поднялся и осторожно приблизился к дверце.

Из кареты высунулась голова старика. Что-то злое было в каждом его движении, в изгибе бровей, в крючковатом носе.

— Ты что, деревенщина, себе позволяешь? — проворчал старик.

— Я король, — прошептал Триста Тридцать Третий. Но даже едва слышный шёпот старик разобрал и взъярился ещё пуще.

— Ты был королём, а я король всегда! — прошипел он, надуваясь, словно жаба. — Стоило мне задуматься и исчезнуть из виду, как ты сразу решил прикарманить чужую карету. Ты вор, а не король! Ладно, я готов тебя простить и не лишать головы. Мне как раз нужен кучер.

— Я? Кучер? Да как же это возможно?

— Ничего сложного нет, не бойся. — Старик решил, что король просто боится не спра-

виться. Он опять щёлкнул пальцами, и на короле появилась шитая золотом ливрея. Что-то произошло и на его голове.

— Моя корона! — схватился за голову король и обнаружил круглую шапочку, на которой золотом была вышита корона.

— В одной карете не может быть двух королей! — ухмыльнулся старик.

Король хотел ему возразить, но, встретившись взглядом с незнакомцем, смолчал.

— Полезай на козлы. Я и так задержался. И вообще без кучера заблудился. Заехал в какую-то чужую страну. Правь напрямиком к Матильде Озёрной.

И старик откинулся на сиденье, прикрыв глаза.

Король вздохнул и посмотрел по сторонам. Он боялся разбудить старика и спросить, где живет эта его Матильда.

Поэтому он просто подхватил вожжи и изо всех сил стегнул лошадей. Может, они сами знают адрес? Старик, услышав свист кнута, на секунду приоткрыл глаза, пробормотал: «Хорошо!» — и снова заснул.

Кони, почувствовав руку кучера, ударили копытами, взвились в воздух и понеслись среди туч. Король не то что править — просто боялся свалиться вниз. Он что было сил вцепился в козлы. Мимо проплывали тучи, слегка касаясь его, и даже от этого лёгкого прикосновения он чувствовал удары электрического тока. Теперь король понял, почему

незнакомец даже летом путешествует в закрытой карете. Ездить в открытом экипаже опасно.

Лошади неслись, а король трясся от страха. Он никогда не думал, что работа кучера бывает такой страшной. Тучи, смыкаясь позади промчавшейся кареты, искрились и сыпали на землю молнии. Король вздрагивал и втягивал голову и плечи. От накопившегося электричества по бокам кареты зажглись фонари и разгорались всё ярче.

Кони мотали головами и бежали всё быстрее, подгоняемые со всех сторон громом и молниями.

16. Матильда Озёрная

Наконец карета стремительно полетела вниз. Ветер обжигал лицо. Король никак не мог от него спрятаться или прикрыть лицо руками: ведь он крепко-накрепко вцепился в сиденье. Взглянув вниз, король увидел, что карета напрямиком падает в какое-то озеро. Сердце его оборвалось. Он не мог оторвать рук от сиденья, чтобы попытаться править лошадьми. Руки не слушались его.

Прощаясь с жизнью, король закрыл глаза.

Но удара не последовало. Копыта зацокали по булыжной мостовой. Король открыл глаза и увидел, что карета опустилась на остров посреди озера. Над водой вокруг остро-

ва клубился туман, скрывая берега. Зато и с берега никто не мог увидеть этот остров и не подозревал о его существовании.

Карета подкатила ко дворцу, украшенному перламутровыми ракушками, и остановилась.

— Ну, сколько можно ждать? — Голос из кареты заставил короля очнуться. Из окна высунулась рука и потянулась к нему, словно змея.

Король соскочил на землю и, проклиная свою некоролевскую судьбу, распахнул дверцу кареты.

— Веселее надо работать, братец, — ткнул его под ребро острым пальцем старик. — Ты служишь не у кого-нибудь, а у самого Карколама, короля колдунов.

От боли и страха Триста Тридцать Третий согнулся вдвое. Так вот в чьи руки он попал! По спине его пробежал холодок.

Проходя мимо, Карколам бросил только одно слово:

— Портфель.

И ушёл вверх по лестнице, по которой струились ручьи.

Король заглянул внутрь кареты и увидел там рядом с переносным телевизором вишнёвый портфель-дипломат. Король подхватил этот портфель и заспешил следом за своим хозяином. Да, как ни странно, теперь у него был хозяин, да ещё такой, которого опасно было ослушаться.

В зале, куда король принёс портфель, Карколам уже раскланивался с прекрасной женщиной. Король догадался, что это и есть Матильда Озёрная. Карколам кланялся, а Матильда изучающе оглядывала его.

Триста Тридцать Третий тоже хотел шаркнуть ножкой, как того требовало его королевское воспитание, но тут же, получив затрецину от своего повелителя, отлетел к стене. Король забыл, что он теперь всего лишь слуга. Прижав к груди портфель, он забился в угол зала и стал прислушиваться к разговору.

Карколам бархатным голосом расточал красавице комплименты:

— Моя прекрасная Матильда, как я рад нашей встрече!

— Я смущена вашим приездом, ваше королевское величество. Для меня это такая честь!

— Ну что вы, что вы, дорогая! Это честь для меня — беседовать с очаровательной хозяйкой такого великолепного дворца.

Матильда подошла к окну. Только теперь король увидел, что оконные рамы вырезаны в виде рыбьих хвостов, а занавеси напоминают рыбацкие сети. Подняв голову, он обнаружил, что над ним на потолке раскрыл рот огромный, на весь потолок кит.

— Что вас привело ко мне? — спросила хозяйка.

— Желание увидеть вас, прелестная. Ехал

мимо и не мог не заглянуть. Я ведь знал вас ещё малышкой, лет этак тысячу тому назад.

— Ну, положим, не тысячу, — зарделась Матильда. — Не больше семисот.

— Но я все так явственно помню! Конечно, этот дворец не блистал тогда такой красотой. Но вы блистали всегда.

Матильда в волнении распахнула окно. Карколам поспешно подошёл к ней.

— Моя дорогая Матильда, мне нужна королева, королева моего сердца. Станьте моей женой!

У Триста Тридцать Третьего бешено застучало сердце. Так вот из-за чего они сюда спешили!

— Так каков же ваш ответ? — нетерпеливо спросил Карколам.

Матильда Озёрная покачала головой.

— Как я могу быть вашей женой, если вы колдун? Ведь я принадлежу к волшебникам.

— Кто сегодня различает волшебников и колдунов? Как можно обращать внимание на такие предрассудки? Надо быть современнее.

— Для вас это только предрассудок, мой уважаемый! Но ведь, если я соглашусь, в мире станет на одну колдунью больше и на одну волшебницу меньше. А ведь вы не хуже меня знаете, к чему это может привести.

— А как же любовь? — проворчал Карколам. — Посмотрите, какие вещицы я вам

привёз. — Он поманил пальцем короля и забрал у него портфель.

— Благодарю покорно! — отвернулась Матильда. Портфель полетел обратно к королю.

— Матильда, ты, наверное, забыла, что твой отец тоже был колдуном и моим другом! — переходя на «ты», недовольно проворчал Карколам.

— Но моя мать воспитала меня как волшебницу. Я не могу вернуться в мир колдунов.

— Но хоть поклянись мне, что ты не выступишь против меня!

— Что ты затеял, Карколам, если тебе нужна моя клятва? — подняла брови Матильда.

— Ничего, ничего! — попытался замять разговор Карколам. — Взгляни-ка на моего слугу! Тоже король! Хочешь, подарю его тебе?

— Благодарю. Я не люблю королей, — резко отвернулась от него Матильда.

17. Новые планы

Угрюмый Карколам мчался в мерно покачивающейся карете. Король Триста Тридцать Третий затаился на козлах, как мышка. Вот кто поможет ему расправиться с ненавистным городом Королей, который превратился в город Мастеров!

— Стой! — вывел его из раздумий крик Карколама. Лошади замерли. Король спрыгнул с козел и угодливо открыл дверцу.

Карколам, кряхтя, выбрался наружу. Они остановились на зелёной полянке. Порхали над цветами бабочки, протяжно жужжали шмели и пчёлы. Тенистый дуб нёс прохладу ручейку, журчащему в траве.

Побродив по полянке и понюхав цветы, Карколам сказал:

— Под этим дубом я и позавтракаю.

Колдун щёлкнул пальцами, и над поляной закружился вихрь. Телевизор из кареты переместился на пенёк. На траве развернулся роскошный ковёр, а на ковре одно за другим появились на золотых тарелках различные яства. Они расточали аппетитный аромат. Король судорожно глотал слюну.

Карколам начал поглощать еду в невероятном количестве. Король только глазами заморгал. Вот Карколам щёлкнул пальцами, к нему из воздуха подплыл жареный барашек и в одну минуту был съеден. У короля заняло в животе.

Насытившись, Карколам порозовел и обмяк.

— Телевизор включи! — пнул слугу ногой Карколам. Король бросился к пеньку.

Пока Карколам увлёкся телевизором, король решил потихоньку подзакусить остатками хозяйского завтрака. Огромные куски не помещались во рту, а король был так голоден,

что хватал куски побольше. И вдруг Карколам поманил его пальцем.

— Посмотри-ка, — захихикал он. — Не тебя ли показывают? А? Похож!

На экране народ прогонял из своей страны короля. Полицейские сдерживали толпу, которая угрожала бывшему правителю.

— Переселяется в город Королей, — со вздохом сказал Триста Тридцать Третий.

— Куда-куда? — застыл с куском пирога в руке Карколам.

— В город Королей... — угодливо повторил Триста Тридцать Третий.

— Разве есть такой?

— А то как же! Только теперь он почти превратился в город Мастеров.

— Это что же такое?! — Карколам поднялся и в гневе зашагал по полянке. — Почему мне никто об этом не доложил? Как посмели! — визжал Карколам и топал ногами. От его крика птицы в испуге взвились в воздухе. Трава там, где он топал, почернела. Тучи забегали в небе, точно живые. Даже солнце потускнело. — Я им покажу мастеров! — закричал Карколам и взмахнул рукой. И тотчас молния, вырвавшаяся из руки, ударила в ближайший дуб и переломила его пополам.

Упавший дуб успокоил колдуна. Король выбрался из-под засыпавших его листьев и выжидающе посмотрел на своего повелителя, пытаясь отгадать, какие мысли бродят

в его голове. Кажется, план мести городу Королей начал осуществляться.

Карколам закрыл глаза и замер. Его чёрная фигура возвышалась почти до неба. Потом он открыл глаза и потёр лоб.

— Пожалуй, я займусь этим мерзким городом! — вдруг осветилось улыбкой его лицо. — Город Королей — это же прекрасно.

Король облегчённо вздохнул: гнев повелителя испарился. Карколам вдруг заметил его и поманил к себе пальцем.

— Ты тоже там жил?

От испуга король потерял голос и безуспешно пытался выдавить из себя хоть один звук. Карколам усмехнулся и щёлкнул пальцами. Голос тотчас вернулся к королю.

— Как все. Жил, — кивнул он.

— А ну-ка расскажи, как вы там жили.

Пришлось рассказывать о трудной жизни без слуг и подданных. Каждый раз, когда он горестно вздыхал, лицо Карколама светилось радостью.

— Вот это по мне, — сказал он, когда Король кончил, умолчав о своём изгнании. — Все короли будут служить мне как собачки, если я пообещаю вернуть им королевскую жизнь. А потом их страны станут моими... — выразительно посмотрел он на Короля. Взгляд его был столь всепроникающий, что у короля по спине побежали мурашки и волосы на голове зашевелились.

— В карету! В путь! — скомандовал

Карколам. И вся еда тотчас растворилась в воздухе. Ковёр свернулся и исчез. Поляна опустела. Только сломленный дуб да выжженная трава напоминали о гневе Карколама.

Колдун плюхнулся на сиденье. Король, почтительно и осторожно закрыв дверцу, прыгнул на козлы. Карета тронулась в путь.

Птицы, взлетевшие над поляной, опустились на деревья. Небо постепенно прояснилось.

Король крепко держал вожжи в руках. В своей новой жизни он уже свыкся с ролью кучера и был рад.

— Поворачивай направо, дубина! — высунулся Карколам из кареты, когда король придержал лошадей на развилке, не зная, куда дальше держать путь. — Мы едем в город Королей!

В испуге Король что было силы хлестнул лошадей, и карета помчалась в облаке пыли.

18. Подмена

Они остановились на развилке, где сходились несколько дорог. Карколам велел королю съехать с дороги и загнать карету в чащу, чтобы её не было видно с дороги.

— Нас не должны узнать, — сказал Карколам, превращая карету в автомобиль, а короля в шофёра. При этом король, хотя он

никогда в жизни не водил машину, почувствовал себя опытным водителем.

Осмотрев машину, Карколам пальцем дорисовал в воздухе десяток набитых чемоданов, которые, опустившись на машину, тяжело продавили ей крышу. Теперь, по его мнению, всё выглядело по-королевски.

— Жди меня здесь, — бросил сквозь зубы Карколам и вышел на дорогу.

Вдали надрывно урчала машина. Видно, она тоже была перегружена чемоданами и с трудом поднималась в гору. Вскоре машина появилась над пригорком.

Когда машина приблизилась, Король увидел и на её крыше чемоданы. На дверце красовалась золотая корона.

Карколам шагнул ей навстречу и властно поднял руку. В его чёрной фигуре было столько силы и могущества, что шофёр подъехавшей машины сам остановился.

— Что такое? Почему остановка? — кудахтав, высовываясь из дверцы, король: в нем Триста Тридцать Третий без труда узнал бывшего правителя, которого недавно видел на экране телевизора.

— Выходите! — приказал Карколам тоном, не допускающим возражений.

Когда король и его шофёр вышли, Карколам присмотрелся к ним. Под его взглядом король и шофёр съёжились. Потом колдун набрал полную грудь воздуха и дунул в их сторону. Ветер подхватил обоих и за-

вертел, как осенние листики. С короля свалилась корона и покатила по дороге.

Покружившись в воздухе, король и шофёр превратились в двух чёрных птиц. Только у короля остался белый хохолок на том месте, где когда-то была корона.

Птицы, тревожно закричав, полетали над своей машиной и исчезли.

Карколам поднял с земли чужую корону и примерил её. Как раз впору.

Он дунул ещё раз — теперь на машину. Она покатила задним ходом в лес и застряла в кустарнике, скрытая ветками.

Карколам довольно усмехнулся и помянул пальцем своего шофёра.

Мотор их машины работал ровно. Карколам включил телевизор, пощёлкал программами и откинулся на сиденье.

Король стремительно рванул машину вперёд.

19. Приезд в город

Машина Карколама въехала в город. Король удивлённо поглядывал по сторонам: он не узнавал этого города.

Вдоль улиц выстроились одноэтажные домики, построенные переселившимися из гостиницы королями.

На домах пестрели вывески: «Мастерская по ремонту обуви», «Пошивочная мастерская», «Мастерская игрушек»... И перед каж-

дой надписью красовалась приписка — «Королевская»: «Королевская пошивочная мастерская», «Королевская столярная мастерская»... Все двери украшали короны. Владельцы мастерских сидели у окон и в поте лица работали. Один король в короне действовал рубанком, другой старательно вколачивал гвозди. И даже — о, ужас! — улицы подметал король с метлой в руках.

Король-шофёр застонал, хотя он тоже сидел за рулем. Но ведь его к этому принудили силой!..

Машина подкатила к гостинице. Навстречу им вышел директор, тоже в королевской короне.

Карколам ухмыльнулся.

— Неси вещи, — приказал он своему шофёру.

— Одну минуточку, — остановил их директор. — А что вы умеете делать?

И он заставил шофёра поставить чемоданы обратно в машину.

— Что?! Да я тебя! — взревел Карколам. Но потом вспомнил, что он сейчас не колдун, а всего лишь изгнанный король, и взял себя в руки.

— Мой шофёр умеет водить машину. Этого достаточно?

— Этого достаточно для него: он может поселиться у нас! — И директор посторонился, разрешая королю-шофёру пройти.

— А я? — возмутился Карколам.

— Теперь в нашем городе новые законы: в нём может поселиться только тот, кто что-то умеет делать, приносить городу пользу. Однако если вы ничего не умеете, то можете пойти к кому-нибудь учеником. Это тоже разрешается. Я ведь раньше тоже ничего не умел, почти как вы. Зато теперь я директор гостиницы, — гордо добавил он.

— Хорошо, я пойду учиться. Мне всё равно к кому. А сейчас я устал и хочу отдохнуть. Вы довольны? Мы можем войти?

В номере Карколам заскрежетал зубами:

— Я мог бы превратить его в жабу, а должен терпеть. Работать учеником!.. Неслыханно!

А король-шофёр прижался к стенке, чтобы ненароком его самого не превратили в жабу.

Карколам повернул ключ в двери и щёлкнул пальцами. Стол наполнили золотые блюда со снедью, кувшины причудливой формы с самыми изысканными напитками.

Карколам схватил с блюда самый большой кусок мяса и поспешно сунул в рот. Но не успел он мясо прожевать, как в дверь постучали.

Карколам закашлялся, щёлкнул пальцами, и стол опустел. Колдун открыл дверь.

Перед ним стоял директор гостиницы.

— Если вы проголодались, можете спуститься вниз, в ресторан.

— Обойдёмся, — буркнул Карколам и захлопнул дверь.

Он вернулся в кресло и снова щёлкнул пальцами. Роскошное угощение тотчас вернулось на стол. Запах жареного барашка защекотал ноздри. Нежно зарумянился поросёнок.

Карколам крякнул от удовольствия и отхватил кусок барашка. Король даже закрыл глаза, чтобы не видеть всего этого священнодействия. Ведь он тоже был голоден, но о нём никто не думал. Карколам сам уплетал за обе щеки.

В дверь снова постучали.

Карколам бешено завращал глазами, затряс головой. Кушанья тотчас исчезли. Бормоча: «В жабу! В жабу!!» — он сделал несколько стремительных шагов и распахнул дверь.

Там снова стоял директор. При виде его Карколам несколько остыл. Он вспомнил о своём плане. Значит, следовало быть осторожным. Поэтому он заставил себя внимательно выслушать директора-короля.

— Я пришёл сказать вам, что вас записали учеником сапожника. Это очень почётное ремесло. Наш мастер — бывший король королевства Леонии. Он был очень несчастен, а теперь счастлив, как дитя. Завтра к девяти он вас ждёт.

Выслушав, Карколам закрыл дверь, прислонился к стенке и потёр виски. В таком напряжении ему ещё не приходилось ужинать. Есть расхотелось, и он рухнул в кровать. А бедный король-шофёр так и не успел поесть.

Вскоре Карколам захрапел. А король на голодный желудок спал плохо. Его одолевали сомнения. Что будет дальше с этим городом? Какая судьба уготована ему самому?

20. Королевская мастерская

С утра пораньше король-шофёр отправился чинить машины, а Карколам поспешил в сапожную мастерскую.

Кругом все шли на работу. Короли здоровались друг с другом, приподнимая короны. Пришлось раскланиваться и Карколаму, так как у него на голове тоже была корона. Открывались двери мастерских. Короли, засучив рукава, принимались за работу.

Карколам шёл по улице, беззаботно насвистывая песенку, засунув руки в карманы. Вдруг он нащупал там сбившуюся в комок бумажку. Это оказалась старая квитанция на взятого напрокат трёхголового дракона. Дракона он давно вернул, а квитанцию выбросить забыл. Карколам скомкал бумажку и швырнул на землю.

Тотчас сзади слышались торопливые шаги. Карколам обернулся. К нему спешил король с метлой.

— Гражданин король! — кричал он. — Извольте вашу бумажку поднять.

Карколам побагровел. Потом покрылся пятнами. Но решил вернуться и поднять квитанцию.

— Если каждый станет кидать, сколько тогда нам понадобится дворников? — рассуждал король с метлой. — Это в скольких королевствах людей поснимать надо!

Карколам сунул бумажку в карман и, не унижаясь до разговоров, заспешил дальше.

Вскоре он уже стучал в дверь сапожной мастерской.

— Заходи-заходи! — обрадовался ему король-сапожник. — Дел у меня, братец, невпроворот. Я давно просил наш совет дать мне ученика. Видишь, сколько работы накопилось?

И он показал на груды сапог и туфель в углу мастерской. Все они жалобно разинули оторванные подошвы, светили ужасными дырами. А один зелёный ботфорт, словно крокодил, ошетинился гвоздями.

Карколам незаметно ему подмигнул, как самому симпатичному, и принялся дальше слушать своего учителя. Он поёжился, когда сапожник позволил себе похлопать его, Карколама, по плечу.

— Садись, — повёл его к рабочему месту король-сапожник, — не будем терять времени. За работу!

Карколам никогда не думал, что эта презренная профессия так сложна. Сначала он стал повторять движения своего учителя, но, если тот попадал по гвоздю, Карколам что есть силы бил по пальцу. Гвоздь мастера аккуратно, как в масло, входил в подошву.

Гвоздь Карколама извивался, как живой: сгибался, выпрямлялся, но не лез туда, куда положено.

— Экий ты, братец, неуклюжий, — покачал головой мастер.

Короче говоря, они оба усердно колотили молотками, но с разным успехом. Мастер один за другим отправлял на полку починенные башмаки, а Карколам вгонял гвозди куда попало.

К обеду мастер стал с укоризной коситься в сторону ученика. Рассвирепевший Карколам так размахивал молотком, что мог и голову ему снести.

— С тобой тут в каске надо работать, — сказал мастер, глядя, как мелькает в его руке молоток. — После обеда я тебя немного подучу.

Мастер ушёл есть. А Карколам не захотел идти на обед, чтобы поскорее разделаться с ненавистным заданием и высвободить время.

Он выглянул, дабы удостовериться, что мастер отошёл достаточно далеко, ухмыльнулся и щёлкнул пальцами.

Молоток и целый рой гвоздей взлетели в воздух. Карколам взмахнул рукой, и молоток без устали застучал. А Карколам сидел и давился от хохота. Вот будет потеха, когда король-сапожник вернётся! Колдун представил, как у сапожника от удивления отвалится челюсть при виде всей починенной обуви.

К концу перерыва куча рваной обуви ис-

чезла. Карколам приказал молотку и гвоздям вернуться на место и стал ожидать мастера.

Поев сытно, — сегодня в ресторане была прекрасно запечённая рыба, — король-сапожник вернулся в мастерскую уже в другом настроении. Он готов был отдать на обучение нерасторопного ученика все свои силы.

Но мастера ждал сюрприз.

— Что такое? — изумлённо оглядел он помещение. Вся обувь была починена. Даже зловещий зелёный ботфорт уже не напоминал грозного крокодила с широко разинутой пастью, а скорее походил на печную трубу, хотя и странного зелёного цвета.

Мастер не мог прийти в себя. За один обеденный перерыв ученик сделал работу трёх дней.

— Да, теперь я вижу, что ты не зря носишь свою корону, — одобрительно сказал он.

Карколам поглаживал подбородок, высоко задрав нос, и мурлыкал нечто весёлое.

— Удивительно! Восхитительно! — приговаривал мастер, складывая обувь на полки. Но тут его рука скользнула внутрь ботинка.

Лицо мастера мгновенно исказилось.

— Ой! — вскрикнул он и быстро выдернул руку.

Карколам вздрогнул.

— Ты что натворил! — заорал совсем некоролевским тоном мастер. — Куда гвозди понабивал?

— Как — куда? — разозлился Карко-

лам. — Куда надо! У нас все мастера так работают. Это у вас отсталые методы.

— А ну попробуй надень. Посмотрим, как твои неотсталые ноги себя почувствуют.

— Да они малы на меня!

Но мастер, проверив ещё с десятков башмаков, погрозил Карколаму кулаком.

— Надевай!

Пожимая плечами, Карколам подобрал себе пару по размеру и начал обуваться.

— А теперь пройди!

Не сделав и двух шагов, Карколам заорал нечеловеческим голосом. В ноги впились острые концы гвоздей. Карколам задрожал. Как же так? Почему у него ничего не получилось? Проклятье! Выходит, колдовство в работе не может помочь! Нужны точный глаз и умелые руки. Можно заставить молоток стучать, можно заставить гвозди подлетать к нему, но при этом, оказывается, всё равно нужны человеческие руки. И рабочая душа, без которой ни одно дело не получится как следует. Такой работе не порадуется никто. И никто за неё не поблагодарит.

— Кончай мечтать! — вывел его из задумчивости голос сапожника. — Берись за работу. Вынимай обратно гвозди.

Не разгибая спины, Карколам до вечера вытаскивал гвозди. Забивать их было легко, а вытаскивать — ой, как трудно.

Карколам проклинал всё на свете: королей, которые износили эту обувь, сапожников,

которые берутся её чинить. И себя за то, что ввязался в это дело, не подумав о последствиях.

Он работал до позднего вечера. Давно уже зажглись фонари, потом половина из них погасла, чтобы не светить ночью зря, а Карколам всё кряхтел. Ему казалось, что его спина уже никогда не разогнётся. И всё ему приходилось делать своими руками и без всякого колдовства, так как мастер, пожалев новичка, трудился тут же рядом. Но даже вытаскивать чужие гвозди мастер умел лучше Карколама!

— Ну ладно уж, — махнул рукой на него король-сапожник, когда большая часть гвоздей была вытащена. — Ты не такой и плохой парень, как я погляжу, но сапожное дело, скажу тебе честно, не для тебя. Руки у тебя не те. Домой иди.

Карколам поплёлся в гостиницу. В этом сгорбленном, усталом человеке трудно было бы узнать грозного короля колдунов.

Еле добрался он до своего номера и, даже не раздеваясь, повалился на кровать.

— Я вам тут ужин принёс, — обратился к нему король-шофёр. На подносе стояли остывшие клёцки и суп.

Карколам только помотал головой и провалился в сон.

Во сне Карколам стонал и ворочался, пугая притаившегося на своей кровати короля-шофёра. Он думал, что Карколам придумы-

вает новые страшные планы, а тот просто корчился от боли, от мозолей и потому что проиграл состязание между умением мастера и колдовством. Он так устал, что, ложась спать, забыл колдовством снять мозоли и залечить раны на ногах от им же забитых гвоздей. Он спал и страдал от боли, как простой человек. Впервые он страдал и плакал во сне. И хорошо, что только во сне. А не то бы он тотчас уничтожил короля-шофёра, как свидетеля его позорного поражения. Колдуны не любят проигрывать. Они хотят быть победителями. Ради самой ничтожной своей выгоды они готовы ввергнуть в пучину горя тысячи людей.

Ведь колдуны думают только о себе.

А ночь царила в городе Королей и приносила всем остальным спокойствие и радость. Чем лучше ты прожил день, чем больше добрых дел сотворили твои руки, тем благосклоннее к тебе будет ночь. Ведь день и ночь, словно брат и сестра, заботятся друг о друге. Разбойник, нарушивший ночной покой честных людей, трясётся от страха днём. Злодей, обидевший днём хорошего человека, всю ночь мучается от бессонницы. Напрасно он пьёт таблетки, думая, что они ему помогут. Помочь он может только сам себе.

Город Королей спал спокойно. Когда-то в своих далёких странах короли ворочались на роскошных кроватях с балдахинами и всё

равно не могли заснуть. Здесь же, к их удивлению, лишь только голова касалась подушки, как сразу же приходил сон. Они не знали, что теперь они просто-напросто заслуживали его. А всё, что заслужено тобою, сладко и приятно. Спите, короли! Спите спокойно. В эту ночь вашему городу пока ничего не угрожает. А что будет дальше, посмотрим.

21. Новая работа

Рано утром Карколама разбудил стук в дверь. Ничего не понимая, он еле разомкнул веки.

— Открой, — приказал своему королю-слуге.

На пороге стоял директор гостиницы. Свежий, бодрый, даже корона сидела у него набекрень.

Карколам зло посмотрел на него. Неужели и сегодняшней день принесёт одни разочарования?

Директор гостиницы сдержанно приветствовал постояльцев. Ему не понравилось, что они не спешат на работу, а валяются в постели, но он не сказал ни слова.

— Извините, — обратился директор к Карколаму. — Городской совет решил перевести вас в новую мастерскую. Вас ждёт сегодня мастерская игрушек. Здесь тоже не

хватает ученика. И постарайтесь уж, пожалуйста... — Он развел руками.

Карколам кивнул и стал собираться. Он долго и старательно мылся в ванной, чтобы смыть с себя даже запах сапожной мастерской. Потом сытно позавтракал, впервые не забыв накормить и слугу. И вместе они отправились на работу. Король — чинить грузовики, а Карколам — делать игрушки.

Все короли уже давно работали, когда Карколам приблизился к мастерской, над входом в которую рядом с короной висела ещё и голова огромного клоуна. Один глаз клоуна был закрыт, — это он подмигивал, — а другой внимательно разглядывал каждого входящего.

Приветливый розовощёкий толстячок-король распахнул перед учеником дверь мастерской.

— Как я рад, как я рад! — приговаривал он, потирая руки. — Теперь и у меня наконец будет ученик.

Он усадил Карколама на самое почётное место, а сам, отчаянно жестикулируя, принялся расхваливать своё ремесло.

— Что такое работа короля в наше время, дорогой коллега? Тьфу, а не работа. Что-то подписать, кого-то помиловать. Но ведь всё это решает не король. Он только подмахивает указы. Они готовы уже без короля. Министры и премьеры сделали всё, чтобы отучить королей думать. Другое дело у нас,

дорогой коллега. Да вы же сами всё прекрасно знаете. Сколько королём оттрубили?

— Двести... то есть двадцать пять, — быстро поправился Карколам.

— Вот и считайте, что двадцать пять лет потратили зря. А разве кто-то ценит нашу королевскую работу? Да никогда! Всё не так, всё им кажется неправильно. В таких условиях невозможно работать. И рано или поздно приходится собирать свои вещички. И заметьте себе, без пенсии. Уходишь — и будь здоров.

Карколам покачал головой, как бы соглашаясь. Король-игрушечник обрадовался и стал показывать Карколаму картинки, развешенные на стенах. По ним он скоро собирался делать новые игрушки.

— Вас удивило, наверное, почему в городе Королей — мастерская игрушек? У нас ведь тут нет детей. Но без них трудно, если честно. Поэтому мы подружились с городом Детей. Есть и такой в нашей стране Городов. Скажу вам по секрету, мы сначала смеялись над ними: у них там в городе всего две улицы. Но какие! Улица Отличников и улица Двоечников. Вот потеха!

Карколам кисло улыбнулся. Ему безразличны были как двоечники, так и отличники.

— Да, — продолжал толстячок-король, совершенно не замечая безучастности своего слушателя. — Раз в месяц грузовик отвозит

нашу с вами продукцию в этот город. Оказывается, игрушки одинаково нужны и двоечникам и отличникам. Ха-ха! При этом у нас достаточно напряжённая работа. К концу месяца мы должны сдать целый грузовик клоунов. Вот таких! Не бойтесь, большая часть их уже сделана. Я же не терял времени даром.

Карколам потянулся к фигурке клоуна.

— Вам понравилось? Мне тоже. Рисунок мой. Я, знаете, дома, когда-то, конечно, был президентом Академии художеств. Так что кое-чего насмотрелся и могу теперь рисовать этих клоунов.

Карколам тронул клоуна за голову, потом посадил его. Лицо толстячка осветилось улыбкой.

— Я долго думал над тем, как заставить его сгибаться-разгибаться. И видите — придумал.

Король-мастер нажал кнопку, и клоун начал раскланиваться.

— Правда, ничему другому я его не научил, — покачал головой мастер. — Только кланяться.

— Это мне подходит, — кивнул Карколам, глядя на клоуна.

— Тогда за работу! — И толстячок забежал по комнате, освобождая новое рабочее место для ученика.

Карколам приступил к делу.

Сначала мастер усадил его за простую операцию — соединять готовые части. Карко-

лам старался, сопел от усердия. Но у него получался далеко не каждый клоун. Карколам то и дело ноги ставил на место рук, а руки прикреплял вместо ног.

Мастер поглядел-поглядел и усадил Карколама за другую работу. Теперь Карколам должен был кистью рисовать клоунам красные шапочки, зелёные рубашки, синие штаны.

— Когда это кончите, дорисуете готовым глаза и рот. После обеда я разведу новую краску.

Карколам ухмыльнулся и взял в руки кисть. Он рьяно мазал клоунов, и себя заодно, разноцветными красками. Клоуны один за другим ложились на просушку.

Король-игрушечник радостно улыбался, глядя на усердие своего помощника. Перед обедом он повёл его в соседнюю комнату, сплошь заваленную клоунами без глаз и ртов.

— Можно, я их дорисую? — предложил Карколам, и злая улыбка зазмеилась в уголках его рта.

— А обед? — удивился толстячок-король.

— Как-нибудь перебыюсь! — отмахнулся Карколам.

— Хорошо-хорошо! — потрепал его по плечу мастер.

И вот Карколам остался в мастерской один. Его окружали безглазые клоуны.

Первым делом он заколдовал посудину, в которой мастер собирался готовить чёрную

краску. Он долго бормотал над ней заклинания и злорадно хихикал, дрожа от счастья.

Теперь главное, чтобы король-мастер именно в этой посудине смешал краски. Всё остальное — дело техники. А колдовской техникой король колдунов владел превосходно.

Карколам потянул носом. Где-то далеко пахло обедом — то ли сосисками, то ли отбивными. От тотчас сделал себе из воздуха жареного барашка.

22. *Игрушки — не игрушки*

Мастер-король, вернувшись после обеда, потянул носом: ему показалось, что в мастерской чем-то вкусно пахнет. Карколам побыстрее вскрыл новую банку краски, чтобы перебить запах жареного мяса.

— Ну-с, приступим, — радостно сказал толстячок, смешивая краски в посудине, которую услужливо подал ему Карколам.

Окончив смешивать, мастер поманил пальцем ученика:

— Хорошо получилось, — удовлетворённо сказал он, рассматривая блестящую на солнце краску. — Неси клоунов!

Захватив целую охапку игрушек, Карколам вернулся к мастеру и бросил их на пол, словно поленья.

— Ты что! — возмутился игрушечник. — Они для тебя должны быть как живые.

— Будут сейчас! — кивнул Карколам, блеснув глазами, полными злости.

Мастер принялся рисовать первому клоуну глаза и рот. И тут произошло чудо. Лишь только он краской, заколдованной Карколамом, навёл клоуну глаза, как они тотчас ожили и замигали.

Клоун спрыгнул на пол и поклонился:

— Я ваш покорный слуга. Что прикажете?

От удивления игрушечник выронил кисть на пол. Клоун тотчас поднял её и протянул мастеру.

— Спасите! — закричал тот и спрятался за спину Карколама.

А клоун топал за ним, повторяя:

— Я ваш слуга. Что прикажете?

Перепуганный мастер убежал в другую комнату и заперся на ключ. Тогда Карколам зашептал ему через замочную скважину:

— Ваше гениальное искусство оживило клоуна!

— Что? Это другое дело! — Толстяк осторожно приоткрыл дверь, чтобы лучше слышать льстивые слова, которые так и лились из Карколама.

— Он ожил! Это сделало волшебство ваших гениальных рук! Есть ли в мире мастер искуснее вас? Такой гений не должен сам работать. Поручите работу кому-нибудь из слуг.

— А я? — сказал клоун. — Вы забыли обо мне. О, как я несчастен!

Мастер, широко раскрыв дверь, совершенно растроганный, со слезами на глазах прижал к себе клоуна.

— Сегодня мы должны оживить их всех, — сказал Карколам. — То есть вы, — поправился он, увидев, как поднялись брови у мастера.

— Давай попробуем, — согласился толстячок. Он поставил клоуна на землю, и тот бодро зашагал к чану с краской.

— Какой умница! — умилился Карколам, хлопая в ладоши.

— Постой, постой, — вдруг спохватился мастер. — Да как же он может оживить очередного клоуна, если... ты же сам говорил, что это мои гениальные руки.

— Верно! — сразу нашёлся Карколам. — Вы уже оживили их, пока мастерили. Они уже живые, хотя пока не умеют ни говорить, ни смотреть. Не волнуйтесь, великий мастер, главное уже сделано.

— Насчёт моей гениальности — это очень правильно сказано. Гению не пристало возиться с грязной работой. Приступай, любезный, — высокопарно сказал мастер клоуну и взмахнул платочком.

Работа закипела.

Первый клоун старательно разрисовывал второго. Потом они рисовали следующих двух. Потом с кисточками уже стояли четверо. Значит, они могли сделать сразу четверых. Вскоре уже не хватало кисточек. Но

и тут Карколам нашёл выход. Десятки клоунов рисовали себе подобных, макая в краску просто спички. Конечно, черты лица их не становились от этого тоньше. Но кто сказал, что у слуг должны быть тонкие черты лица?

Толстяк потерял дар речи. Он раздулся, словно жаба, и лишь кивал головой, следя за движением кистей. Развалившись в кресле, он время от времени поглядывал на Карколама, ожидая от него новых похвал. Но теперь Карколам как в рот воды набрал. Дело было сделано. Больше чем три сотни клоунов ожидали его приказаний, широко раскрыв рты. Они теснились по углам, залезали на стулья, выглядывали из-за стола. Даже забрались под кресло мастера, который в испуге от такого нашествия сел в кресло с ногами. Сначала он пытался пересчитать клоунов, но вскоре окончательно сбился со счёта и оставил это занятие. Да и вообще, зачем гению считать? Гений не должен работать сам, с этим толстяк был согласен. И Карколам решил, что здесь ему уже делать нечего.

Он построил клоунов и широко распахнул дверь на улицу.

— Эй, постой! — всполошился толстяк. — Ты хочешь украсть их у меня?

— О, великий, — поклонился ему Карколам. — Они понесут по всему свету рассказы о твоём искусстве. Если они останутся здесь, как же мир узнает, что в нём появился гений?

— Валяй! — милостиво разрешил мастер. И клоуны затопали ножками, переваливаясь через порог. Они вышли все, и Карколам уже притворял дверь, как вдруг о чём-то вспомнил и поманил одного из последних клоунов.

— Здесь твой хозяин! — шепнул ему колдун. — Возвращайся!

Бедняга мастер оглядел свою совершенно пустую комнату. Но тут в щёлочку двери протиснулся клоун.

— Я твой слуга. Приказывай! — сказал он и поклонился.

Мастер поднял клоуна к себе в кресло и залился слезами.

23. Как хорошо иметь слуг!

Клоуны шли за Карколамом, покачивая колпачками. Подойдя к очередному домику, Карколам показывал одному из клоунов на него пальцем, и этот клоун сворачивал к мастерской, а остальные шли дальше.

Оставшийся клоун начинал своей деревянной головой стучать в дверь.

— Бум-бум-бум!

Удивлённый король выходил на порог и, конечно, никого не видел.

— Я ваш слуга, — вдруг раздавалось снизу, и королю кланялся маленький человечек. — Приказывайте! Теперь вместо вас работать буду я.

И, как ни странно, некоторые сразу же соглашались. Тут, конечно, было замешано колдовство. Короли принимали важный вид и начинали тыкать пальцем: тут — вымоешь пол, там — вытрешь пыль, здесь — приготовишь обед, а вон там — целая куча вещей, которые нужно заштопать. И клоуны с головой уходили в работу.

Кое-кто, конечно, отказывался брать себе слуг. Тогда клоуны падали на колени и начинали отчаянно рыдать. Так что всем королям пришлось брать их к себе в дом.

И если сначала короли с трудом придумывали задания своим слугам, — они немного подзабыли, зачем слуги, — то постепенно начинали всё дольше и дольше нежиться по утрам в постели и подавать команды своим клоунам-слугам.

— Принеси молоко! Да не холодное, подогрей! Почему в этой чашке? Ты же знаешь, что я люблю пить молоко из чашки с синим ободком. Иди перелей. А я посплю ещё часок. Работай в мастерской потише.

На послеобеденную прогулку короли тоже выходили со своими клоунами. Заметив что-то новенькое на встречном короле, они завистливо шипели:

— Откуда у него эти прекрасные золотые пуговицы? Ты почему, болван, мне таких не достал? Чтобы завтра и у меня такие же были! Разбейся в лепёшку, но достань.

И мило улыбались встречному.

Теперь после прогулки короли снова отправлялись спать. Их изнеженные ноги разучились долго ходить. Королям требовался отдых. Но когда кто-то отдыхает, другой вместо него должен работать. И работником становился клоун.

— Ну и что, пусть поработает, — оправдывались короли, у которых просыпалась совесть. — Он же деревянный! Спать ему не надо, есть не надо.

Клоуны действительно не нуждались ни в еде, ни в отдыхе. Даже если бы и нуждались, спать им было некогда. Ибо ночью все клоуны шли к гостинице, где Карколам внимательно выслушивал их доклады. Тут же сидел король-слуга, который старательно заносил в огромную чёрную тетрадь самые важные сведения: как далеко отошёл каждый из королев от своей трудовой жизни.

Карколам доставал из огромного сундука разные безделушки, которые должны были ещё больше опутать королев. Одному он давал золотые пуговицы, другому — новый гребень, третьему — красные сапожки. И всё это тщательно заносилось в книгу. Так что если её открыть, например, на двадцать седьмой странице, там можно было всё прочесть о короле Двадцать Седьмом: «С постели не встаёт уже третий день, только начищает тряпочкой корону. Подарены — золотые пуговицы, шесть штук. Ручка с золотым пером. Ремесло своё забыл окончательно».

Но как Карколам свирепел, когда слышал, что кто-то из королей все ещё не хочет вернуться к королевской жизни! Он топал ногами, скрежетал зубами. Король-слуга и клоуны тряслись от страха.

— Ага, ты так! — бушевал Карколам. — Ты думаешь, что хитрее меня? А вот мы посмотрим.

Он доставал своё тайное колдовское зеркало и долго рассматривал непокорного короля, чтобы лучше узнать своего противника. А затем насылал порчу на его инструменты. И когда трудолюбивый король на следующий день брался за работу, у него всё валялось из рук. Молоток падал на ногу, гвозди гнулись, как червяки. Вместо рыб на удочку попадались одни лягушки и пиявки. Вместо брюк получались мешки. Картины у короля-художника напоминали мазню.

И расстроенный трудолюбивый король забирался в постель. Тут его сразу начинал обхаживать клоун-слуга. И получалось, что, когда он работал, у него были неприятности, а в постели всё обстояло благополучно. И король постепенно утрачивал вкус к работе: зачем трудиться, если жизнь и так прекрасна?

Чтобы ускорить возвращение королевской жизни, команды клоунов растащили по домам мягкие-премягкие перины. И теперь жизнь в постели стала просто упоительной.

Дольше всех сопротивлялся король-столяр: ему очень нравилась его работа. Он научился

делать удобные стулья и табуретки, он просто не представлял себе жизни без рубанка. Чем бы ни соблазнял его Карколам, он всё равно с утра становился к верстаку. В его умелых руках и рубанок, и стамески не подчинялись Карколаму. Колдун пытался наслать на него с утра лень, пыхтел, курил огромную трубку, полную лени, и кольца дыма цеплялись за трубу домика столяра и окутывали мастера. Но он всё равно принимался за работу, как бы трудно это ни было. И лень не выдерживала, отпускала его. Карколам бросал трубку, а мастер спокойно продолжал работать, не чувствуя ни лени, ни усталости.

Колдун скрежетал зубами, видя, что столяр не подчиняется ему. Это нарушало его планы. Но если Карколам пристально изучал жизнь столяра, то мастер не подозревал о существовании колдуна. Так было до поры до времени.

Однажды король-столяр долго не мог уснуть. Он задумчиво смотрел в окно. И тут он услышал дробный стук: это цокали по мостовой деревянные ножки клоунов, спешащих на доклад к повелителю.

Столяр удивился. Он поискал глазами своего клоуна-слугу, но и его дома не было. Тогда мастер осторожно вышел на улицу, захватив для храбрости подвернувшуюся под руку стамеску. И тут он увидел, как за углом скрывается целая толпа клоунов. Столяр на цыпочках поспешил за ними.

Вот клоуны свернули к гостинице и заструились по её лестницам. Столяр тихо поднялся наверх и здесь через приоткрытую дверь слышал доклады клоунов и возмущение Карколама непослушным королём-столяром.

Мастер от удивления оторопел. Но он не умел действовать подло, исподтишка. Поэтому он распахнул дверь и смело шагнул в номер. Он хотел выяснить отношения с этим наглцом-приезжим.

— Кто вы такой, что позволяете себе решать судьбы людей? — с гневом спросил он Карколама.

Клоуны от неожиданности сбились в кучу. Напуганный король-слуга прижал к груди чёрную тетрадь. Он испугался за свою жизнь, так как решил, что теперь сполна получит за двойное предательство: и за разбойников, и за Карколама.

Но бедный мастер не знал, что имеет дело с колдуном. Карколам рассмеялся ему прямо в лицо. Он даже обрадовался, что столяр сам пришёл. Ведь чем ближе человек подойдёт к колдуну, тем легче его околдовать. Он взмахнул рукой, зло сверкнул глазами, и столяра вихрем вынесло из гостиницы. Ветер отнёс его прямо к лошади без седока, стоящей на городской площади, усадил в седло, и столяр тут же превратился в бронзовую статую. Так памятник стал соответствовать своему названию: теперь на коне сидел действительно король. Только король этот был не совсем обычным:

хоть на голове и была корона, в руке он держал совершенно не королевскую вещь — стамеску.

Так Карколам избавился от последнего непокорного короля. Теперь бедный король-слуга с опаской проходил мимо памятника. Ему всегда казалось, что седок вот-вот пронзит его насквозь своей стамеской. А ещё ему не нравилось, что сидеть на памятнике повадились две чёрные птицы — одна с совершенно чёрной головой, а другая с белым хохолком. Они протяжно жаловались на что-то друг дружке, и в их криках королю-слуге чудились живые человеческие голоса. Он был почти уверен, что это не простые птицы, а заколдованные.

24. Королевский магазин

План Карколама состоял из нескольких этапов. Подчинив королей своему влиянию, он мог действовать дальше.

На следующее утро после ночного происшествия все жители города увидели готовящийся к открытию новый магазин. Вместо «Мастерской столяра» теперь огромными разноцветными буквами было написано: «Королевский магазин. Большой выбор товаров для королей». Туда-сюда сновали клоуны с коробками.

Толпа королей с нетерпением ждала открытия магазина. И никому даже в голову не пришло поинтересоваться, куда делся преж-

ний владелец этого дома. Королей волновал только вопрос, что будет продаваться в магазине.

— Наконец-то, — шептались они, — нам завезут новые королевские мантии. А то наши совсем поизносились. Корона — короной, но без мантии ты не король.

И вот в воздухе послышался звон колокольчиков. Это по-своему звенела каждая буква вывески, приглашая покупателей заходить.

Короли, расталкивая друг друга, ринулись в магазин.

За прилавком важно восседал Карколам. Перед ним вертелся огромный голубой глобус. У всех прилавков выстроились клоуны, готовые по мановению руки хозяина подать любые товары.

А товары были просто загляденье: мантии из барсов, туфли с золотыми пряжками, королевские ордена всех стран и всех размеров, короны с благоуханиями, распространяющие по магазину тонкие запахи, достойные королей.

Короли столпились у порога, шаря глазами по полкам. Одного привлекал меч, украшенный алмазами, другой мысленно примерял на себя халат с золотыми кистями. Но никто не двигался с места.

— Ну что же вы? — приподнялся Карколам, приглашая королей ближе к прилавкам.

— Мы бы... Мы бы очень... — замялись короли. Конечно, в своих теперешних одеждах

они мало походили на королей. Хоть одежда у них была чистая и без дыр, но всё равно хуже, чем на витрине, где каждая пуговица сияла особым золотым светом.

Короли топтались в нерешительности, сердца их разрывались от желаний.

— Вам что-то не нравится? — поднял брови Карколам.

И тогда вперёд выступил самый смелый король-охотник.

— Видите ли, ваше величество! В последнее время мы поистратились и хотели бы узнать, чем можно платить в вашем прекрасном магазине.

— О, об этом не беспокойтесь, — широким жестом отмёл Карколам их сомнения. — Выбирайте что хотите, а о цене потом договоримся.

Толкаясь, короли бросились хватать с прилавков мантии, короны, оружие — до чего только доставали руки. В пять минут полки опустели. А короли, тяжело дыша, придирчиво осматривали друг друга, не набрал ли кто-то больше, чем он.

— Наверное, можно идти? — шептал один король другому. — Ведь он сказал — сочтёмся потом.

Короли на цыпочках направились к выходу.

— Куда это вы? — остановил их насмешливый окрик. — А платить кто будет?

Понуриив головы, короли выстроились в

очередь к столу Карколама. Каждый лихо-радочно подсчитывал в уме, сколько у него ещё осталось бриллиантов и сапфиров. Но Карколама драгоценности не интересовали.

— Ну-ка покажи мне на глобусе свою страну, — обратился он к первому в очереди.

Король повернул глобус и ткнул пальцем.

— Ага, — кивнул Карколам. — Так и запишем. Королевство Синих Туманов. Сколько тут квадратных сантиметров на глобусе? Сейчас измерим.

Размеры страны тут же записывал король-слуга, вынырнувший из боковой двери.

Короли недоумевали: зачем ему страны? Ведь владения королей остались в далёком прошлом.

— Будем меняться! — сказал Карколам. — Вы мне свои бывшие королевства, а я вам товары.

— Королевства? — удивились короли.

— Ведь у вас их уже нет, чего тут думать, — пожал плечами колдун.

— Давайте! — обрадовались короли и бросились к глобусу. Они спешно ставили свои подписи на документах, отдавая Карколаму в вечное пользование то один, то другой кусок бывшего королевства. И тотчас на глобусе этот кусочек страны становился чёрным, а глобус стал похож на залатанный мяч.

Но на этом Карколам не собирался останавливаться. На следующий день магазин опять был забит новыми товарами. Тут были

самонадевающиеся домашние тапочки для особо ленивых: стоило спустить с кровати ноги, как тапочки тотчас сами прыгали на них. Королям так они понравились, что за тапочками выстроился весь город.

Весь следующий день короли спускали ноги с кроватей и, довольные, хохотали. Клоуны-слуги снимали тапочки и уносили их в дальний угол, а короли снова высовывали из-под перин свои волосатые ноги.

За каждый тапочек было отдано много земель, но короли не волновались: ведь они расплачивались бывшими королевствами!

И глобус почернел ещё сильнее.

Вечером Карколам достал из воздуха огромные счёты и принялся подсчитывать приобретённые владения.

У Триста Тридцать Третьего от изумления глаза полезли на лоб. А Карколам все считал. Вот он наткнулся на королевство мастера-столяра.

— Э, — почесал он затылок. — Надо будет его отколдовать на время. И этих, как их, ну, в общем, тех двух птичек, помнишь?

И он захохотал, довольный своими приобретениями.

А бедный Триста Тридцать Третий король затрясся от страха, вспомнив о птичках и конной статуе. Он понимал, что только ревностное служение хозяину спасёт его от подобной участи. А служить этому колдуну он уже не хотел.

25. *Даже с золотыми пуговцами жизнь не так прекрасна*

Вечерами Карколам вертел глобус и рассматривал, как наступают его чёрные легионы. Они сливались друг с другом, покрывая огромные площади земного шара.

— А это что? — вдруг остановил глобус Карколам и стал пристально вглядываться в три голубых пятнышка на нём, не затронутые чернотой. — Дай-ка мне тетрадь! — И он принялся лихорадочно листать страницы, разыскивая, чьи же это королевства.

Триста Тридцать Третий задрожал от страха.

— Это короля-столяра, — всматривался Карколам. — То короля, превращённого мною в птицу. А это чьё королевство? Почему я не знаю? Как оно там называется? Острова Банановых Листьев? Чьи они?

— Мои, — прошептал король Триста Тридцать Третий.

— Чьи-чьи? — повернул к нему голову Карколам. — И ты смеешь мне это говорить!

Колдун хищно забегал глазами, и от его взглядов по комнате заметались молнии, острые и колючие.

— Я из милости оставил тебе жизнь, а ты посмел не отдать мне своего королевства! Значит, ты строишь против меня коварные планы! Ну, погоди!

И взмахом руки Карколам превратил короля в маленькую фигурку на своём столе. По-

медлив немного, он вернул королю прежний облик. После этого Триста Тридцать Третий, не говоря ни слова, подписал бумагу на передачу Карколаму своего королевства. Закутавшись во все одеяла, которые смог найти, целую ночь он дрожал, пытаясь согреться после минутного пребывания каменной статуэткой.

Теперь Триста Тридцать Третий стал совершенно послушным, а одно из трёх голубых пятен почернело.

Так почти все бывшие королевства перешли во владение к Карколаму.

— Кто-то должен управлять моими владениями, — сказал наконец он. — Пора готовить королей к возвращению.

И на следующее утро короли, столпившиеся у магазина, прочли на его витрине, что магазин закрывается.

Короли очень расстроились. Они уже привыкли к магазину, где продавались королевские товары. Тем более, что это уже были не короли-мастера. Перед витриной стояли важные персоны, за которыми клоуны-слуги, стуча каблуками по мостовой, носили мантии.

Короли недоумевали. Короли волновались. Как же так? Тому нужны были золотые пуговицы, этот мечтал о золотых пряжках.

Кто-то осторожно постучал пальцем по стеклу. От нетерпения все вытянули шеи.

На пороге вырос Карколам.

— Милые мои короли! — сказал он, обводя их взглядом. — Я бы рад вам помочь, но моя

торговля стала невыгодной. Я совершенно разорился. Ну что я получаю от вас взамен — местечко на глобусе?

— Это же горы, — возразил один.

— Это долины, — добавил другой.

— Это широкая река, — заметил третий.

— Это просто место на глобусе, — решительно заявил Карколам. — Я не могу им воспользоваться.

И он закрыл дверь.

— Пускай он скажет, что ему нужно, — решили короли. — Мы на всё готовы.

Самый нетерпеливый застучал в дверь.

— Ну что там? — послышался недовольный голос Карколама. — Вы мне мешаете. Я как раз распаковываю новые товары, которые прибыли вчера.

— А что там? — заволновались короли.

— Изумрудные часы-лягушки, которые каждые полчаса квакают и прыгают с места на место. Прелестная вещица!

— О! — пронёсся по толпе вздох восхищения.

— А ещё халат-хамелеон, который меняет свой цвет в зависимости от того, на чём вы сидите. В синем кресле он становится синим, на зелёном диване — он, естественно, зелёный.

— О-о! — не могли сдержать восторга короли.

— А ещё... Да зачем я вам рассказываю? Я всё равно разорился и не хочу больше торговать. Я сейчас же отправляю эти товары обратно. И даже...

— Нет-нет-нет! — заволновались короли.

— Мы готовы заплатить. Мы хотим лягушек, халаты и ещё то, о чём вы не сказали. Берите всё, что у нас есть.

— Да ведь у вас ничего нет, — отмахнулся от них Карколам.

Короли опустили головы.

— Вот разве что... — задумался Карколам. — Вы отдадите мне во владение не только земли, но и людей, которые на них живут. А если не хотите...

— Мы хотим! Мы готовы! — закричали короли. — Где подписаться? А хватит на всех халатов и часов?

— Так и быть, я согласен. Товаров хватит на всех.

И тотчас из дверей вылетели клоуны-продавцы с розовыми бумажками и ручками в руках.

26. Вмешательство

Утром короли привычно выстроились под магазином, чтобы не пропустить волнующий момент его открытия. Все как один прижимали к груди изумрудных лягушек, которые громко тикали и каждые полчаса пытались выпрыгнуть из рук. Самые сообразительные короли пристегнули своих лягушек к золотым цепочкам, и теперь их лягушки, хоть и прыгали из карманов, далеко запрыгнуть не могли.

И вдруг они услышали звон колокольчиков. Все повернулись к магазину.

Но это не были двери магазина. В город входило стадо коз, которое гнал Дормидонт. Он целую неделю пас своих подопечных на дальнем пастбище, и короли о существовании Дормидонта успели забыть.

Пастух шёл по городу и приветливо здоровался с королями. А они презрительно отворачивались от старика. С высоты своего королевского величия они быстро забыли, что связывало их с этим человеком. Теперь они видели в нём только простолодина.

Дормидонт озадаченно почесал затылок. Потом увидел, что за каждым королём, поддерживая мантию, стоят маленькие человечки с огромными носами — клоуны.

Дормидонт нагнулся к одному из них. Клоун рассвирепел и пригрозил ему кулаком. Теперь уже рассердился Дормидонт и намерился ухватить малыша за нос. Но тот испуганно заверещал, другие клоуны замаха́ли кулачками. Перед магазином поднялся шум.

— Спокойнее, — выглянул из магазина Карколам. — Сейчас открываю! — И снова исчез.

Всё ещё не веря в случившееся, Дормидонт попытался заговорить с ближайшим королём.

В это время буквы магазина запели песенку:

Магазин, магазин,

Наш чудесный магазин...

Дормидонт, который уже собрался было уходить, даже остановился.

Пропев свою песенку, буквы замолчали, и широко отворилась дверь.

Короли степенно двинулись внутрь, стараясь незаметно опередить друг друга.

В магазине Карколам раздавал халаты, которые на глазах меняли цвет. Надевал король халат коричневый, так как коричневыми были прилавки, сидел в зелёном на диванчике зелёного цвета, а выходил на улицу в синем, так как вокруг синело небо.

Дормидонт ничего понять не мог. Он только успел заметить, что короли ничего не платят за эти удивительные халаты, только расписываются на розовой бумажке. Поэтому он решил тоже протиснуться к прилавку.

Карколам не глядя сунул халат и ему. Но старик не дал ему в обмен розовой бумажки. Неужели этот бедный королишка уже успел все спустить? Карколам потянул халат обратно.

Но Дормидонту уже успела понравиться удивительная вещь, и он вцепился в халат с другой стороны.

— Ты что — забыл? — зло посмотрел на него Карколам. — Этот халат стоит не меньше двадцати тысяч!

— Монет? — изумился Дормидонт.

— Каких монет?! — застонал Карколам. — Людей! Мне нужны люди, твои подданные. Дормидонт опешил, оглянулся на королей:

— Вы что — продаете за халаты своих людей?

Короли забеспокоились, стали отводить глаза.

— Что? — спохватился Карколам. Только сейчас он начал догадываться, что перед ним не король.

Карколам раздулся от гнева, и Дормидонт попятился от него. Короли расступились перед ним.

Вытеснив Дормидонта на улицу, Карколам взмахнул руками. И тотчас белые овечки вместе со своим пастухом закружились в воздухе, словно снежинки. Снег мёл ровно пять минут, тут же растаял и потёк ручьями, а ручьи собрались в лужу под деревьями в углу площади.

Королей охватил ужас. Но испугались они только за себя.

— Ну что же вы? — обратился Карколам к покупателям, которые топтались на месте. — Не хотите? Что ж, пускай тогда только счастливы ходят в этих изумительных халатах. Остальным, как я вижу, они совсем не нужны. Так что не буду разоряться. Я от них тотчас избавлюсь.

— Нет-нет! — закричали короли после секундного молчания. — А как же мы?

И они устремились к прилавкам, увлекая за собой деревянных слуг, вцепившихся в концы мантий.

Магазин продолжил свою работу.

27. Страшная ночь

Вечером, освободившись от работы в магазине, Триста Тридцать Третий король потихоньку подошёл к луже, оставшейся от Дормидонта и его овечек. Он наклонился поближе и зачерпнул воды: она, словно чьи-то слезы, заструилась между его пальцами. Над головой его в ветвях дерева возилась стая птиц. Король всмотрелся в них, пытаясь узнать, нет ли в стае заколдованных короля с шофёром. Но все птицы были похожи как две капли воды. Может, это тоже заколдованные люди? Король давно понял, что оставаться на службе у Карколама опасно. В любую минуту колдун может разгневаться, и тогда не жди пощады. Он представил себя карасём, плавающим в этой луже, и его передёрнуло. Надо немедленно бежать, этой же ночью: ведь ночью Карколам спит, как все люди. За ночь можно далеко уйти и затеряться на бесконечных дорогах страны Городов.

Карколам в этот вечер долго не ложился спать, что-то подсчитывал, вертя перед глазами глобус, даже похрюкивал от удовольствия. Чёрные тени металась по комнатам, и каждый раз перепуганный насмерть король вздрагивал.

Наконец все затихло. Карколам накрылся подушкой, чтобы в голову не лезли чужие сны, и захрапел.

На дыпочках Король направился к выходу, прижимая к груди свёрток с бутерброда-

ми, которыми собирался подкрепить себя в пути. Он шёл осторожно, то и дело замирая на месте.

Карколам спал. Из дальней комнаты доносилось его спокойное, ровное дыхание.

«Неужели пронесло?» — подумал король, берясь за ручку наружной двери.

Тотчас хрустальный звон раздался в домике.

Король задрожал от страха. Сзади слышались шаги: это шёл Карколам со свечой в руке.

— Как ты посмел меня обмануть?! — прошипел он.

— Я? Нет! — прошептал король, закрываясь от жгучего света свечи. — Я только прогуляться.

Карколам зло оскалился. И тотчас свёрток с бутербродами выскользнул из рук короля и, словно живой, покатился к ногам Карколама. Там он развернулся: на полу лежали аккуратно сделанные бутерброды.

— Далеко ты собрался прогуляться! — крикнул Карколам, кивая на еду.

— Попадите, — упал король на колени и пополз к Карколаму.

— Я вижу, ты любишь ползать. Стань змей! — выкрикнул колдун.

И сразу король вскрикнул, потому что боль пронзила его. Он почувствовал, что его кости сжимаются, трещат, ломаются, превращаясь в узкую ленточку-змею. Вот она уже поползла по полу.

Карколам громко захохотал, довольный своим могуществом, потом дунул на змею, которая взлетела под потолок, превратившись в филина с огромными глазами.

Филин возмущённо заухал.

— Лети, лети, ухай там, — сказал колдун, и порыв ветра, распахнув дверь, вынес филина на улицу.

Вслед ему грохотал смех Карколама.

28. Полёт

Филин тяжело взмахивал крыльями, пытаясь овладеть полётом. С каждым взмахом это удавалось ему всё лучше. Тело забывало привычки человека, таял лишний вес, наливались силой нужные мускулы. Наконец филин почувствовал ни с чем не сравнимую радость полёта. В человеческой жизни он не знал этого великолепного чувства. Он жил в мире, замкнутом со всех сторон стенами, потолками, полом. Теперь же мир раздвинулся и вширь, и в высоту, и в глубину, стал намного больше. Крылья сделали короля полноценной частичкой этой новой жизни. Неуместны здесь были зависть к соседу, радость от несчастья ближнего.

Весь мир был открыт птичьим крыльям.

Но король-филин также понял, что все эти преимущества он, не задумываясь, отдал бы за право остаться человеком. А раз так,

то не может он никуда улететь. Ведь даже лужа, оставшаяся от Дормидонта и его овечек, не испарялась, а терпеливо ждала избавления от колдовства.

Филин сделал круг над городом и присел отдохнуть. И вдруг у него промелькнула спасительная мысль.

Матильда Озёрная! Ведь она волшебница, и раз она не одобряет Карколама, то вполне может помочь. А не поможет, то хотя бы что-то посоветует.

Филин взмахнул крыльями и взлетел, стремительно рассекая тёплый ночной воздух. Сейчас он был готов даже благодарить Карколама за то, что тот превратил его в ночную птицу. Филины любят ночь. Значит, ночь ему поможет.

Широко взмахивая крыльями, филин летел над спящей землёй. Глядя на звёзды и отыскивая среди них свой путь, Триста Тридцать Третий направлялся прямо к замку Матильды Озёрной. Птицы безошибочно находят дорогу к цели.

Вдруг Триста Тридцать Третий услышал незнакомый звук. Он с трудом повернул голову и увидел, что над ним летит сова, разглядывая его огромными круглыми глазами.

Король-филин полетел быстрее и вырвался вперёд. Но ненадолго: сова вновь его догнала.

Внезапно сова пошла на снижение и зависла прямо над королём. Филину пришлось

опуститься ниже, чтобы уйти от преследования.

Но манёвр не удался: через минуту сова снова зависла прямо над ним.

Так шаг за шагом сова прижимала его к земле. Король-филин только сейчас понял, что она хочет его остановить. Но почему?

От страха филин потерял голову и метался. Но сова, точно читая его мысли, не давала уйти.

Король-филин утратил всякую надежду на спасение. Он уже слышал яростное дыхание Карколама.

Может, вступить в бой? Он поднял голову и увидел острые когти, нависшие над ним. Нет, внизу он в невыгодном положении. Сова защищена от него и когтями, и клювом.

Вдруг сова с клёкотом закричала:

— Хозяин! Хозяин! Почему вы не отвечаете? Вы слышите меня?

Перепуганный филин ринулся прямо на черневшую впереди скалу.

«Лучше я убьюсь, чем снова попаду в руки колдуну!»

Но в последнее мгновение воля к жизни оказалась сильнее, и филин резко отвернул в сторону. Заныли от напряжения крылья, но он остался жив.

Тотчас послышался глухой удар. Это сова, вызывавшая Карколама, не успела увернуться.

Филин, едва дыша, продолжил свой полёт.

На рассвете он уже был над озером. Король-филин кружился над водой и не мог найти острова. Озеро было окутано туманом. Он клубился, скрывая от посторонних глаз волшебный замок Матильды Озёрной.

Вот над горизонтом показался краешек солнца. Солнечный лучик ударил филину в глаза. Боясь ослепнуть, забыв, что он птица, филин, как человек руками, заслонил крыльями глаза. И сразу перевернулся, камнем полетел вниз. Спohватившись, попытался выровняться, но ничего не получилось. Силы оставили птицу.

— Я боюсь! — закричал филин во весь голос.

Удар. Темнота...

Король с трудом открыл глаза. Голова раскалывалась от боли. Он почему-то лежал в комнате на кровати. Стрельчатые окна уходили высоко к потолку.

Неужели он уцелел? Кажется, удар пришёлся на клюв. Король попытался осторожно потрогать его и вдруг с удивлением обнаружил, что на одеяле лежат не крылья, а его руки.

Он снова стал человеком!

Король от радости вскрикнул и сразу же застонал от боли, пронзившей всё его тело.

Из соседней комнаты к нему заторопилась сиделка.

— Вы пришли в себя? Это хорошо! Я сейчас же приглашу хозяйку.

Зашелестели юбки, забегали слуги, и вот уже над королём Триста Тридцать Третьим склонилась сама Матильда Озёрная. От аромата ни с чем не сравнимых её духов закружилась голова.

— Как я здесь очутился? — спросил король слабым голосом.

— Вы разбились насмерть. Почти. Вас нашли на камнях замка. Слуги доложили мне о происшествии, и я успела вас спасти. А сейчас попытайтесь выпить чудодейственный бальзам. Мы не могли дать его вам, пока вы были без сознания. Он помогает только при здравом уме и полной памяти. И помогает очень хорошо. Я сама его готовлю из луговых и болотных трав.

Сиделка принесла большой бокал с тёмной жидкостью. Король выпил несколько глотков и откинулся на подушку.

И тотчас у всех на глазах произошло чудо исцеления. На лице появился румянец, король задышал ровно и глубоко.

Он потянулся, чтобы встать, но Матильда Озёрная не разрешила.

— Вы мне ещё ничего не рассказали о себе, — напомнила она, пристально разглядывая короля.

Под её взглядом король смутился. Он живо

представил себе, как будет выглядеть в глазах Матильды его служба у Карколама. Но куда деваться? Новую жизнь надо начинать честно и правдиво. И король всё рассказал.

Матильда Озёрная, выслушав его, стремительно встала и заходила по комнате, ломая руки.

— Что ж! — вздохнула она. — Мы должны спешить!

Волшебница вышла из комнаты, а король попросил во что-нибудь одеться, боясь, как бы его не оставили здесь болеть. Ведь короли, как и дети, не любят болеть, когда близится настоящая битва.

Ему принесли одежду, шитую золотом, а также, к его удивлению, на красной подушке вынесли его корону. Видно, при падении она откатилась куда-то, а теперь её нашли.

Одевшись, король поспешно вышел на крыльцо, и как раз вовремя.

Во дворе замка хлопотала Матильда Озёрная. К ней подкатила огромная карета. Волшебница села в неё, пригласила короля, слуги захлопнули дверцы.

Кучер взмахнул кнутом, и в ту же секунду лошади и карета взвились в воздух. Они мчались, рассекая туман, который шипел и цеплялся за колёса.

30. Возвращение

Вскоре карета зависла над городом. Кони лениво пощипывали проплывающие облака.

Матильда Озёрная высунулась из окошка.

— Этот город? — спросила она, всматриваясь.

Крепко держась левой рукой, король правую поднёс ко лбу козырьком. Вон памятник, а вон и лужа из бедных овец.

Король кивнул в ответ.

Лошади посмотрели на город умными глазами, и вскоре карета застучала колёсами по мостовой. Остановились они прямо напротив магазина Карколама.

Теперь уже волшебница ничего не спрашивала: она сама чувствовала, где её противник.

Магазин ещё не открылся. На витрине ярко-красная надпись гласила: «Последняя распродажа».

Вокруг магазина уже собирались короли. Проходя мимо кареты, они галантно приподнимали короны. Им показалось, что возвращаются былые времена: кареты, принцессы, подданные... Короли совсем забыли, что уже давно даже своих подданных они спустили хитрому Карколаму. Прыгающие часы и халаты-хамелеоны совсем вскружили им головы.

Перед открытием магазина какая-то непонятная нервозность охватила Карколама. Он решил, что сегодня, закрыв навсегда мага-

зин и прихватив с собой одного из королей, отправится водворять его обратно на престол. Только хозяином в этой стране теперь будет он сам, а королишке придётся передавать его приказы. Так Карколам начнёт захватывать бывшие королевства.

«Что же приготовить им на прощанье?» — задумался колдун. Он решил очередной новинкой выманить у королей последние богатства.

— Придумал! — наконец пробормотал он, и злорадная улыбка пробежала по его лицу.

Сегодня он предложит королям особые очки. Лицо в них полностью изменится: толстые станут худыми, а тонкие — упитанными. Утиный нос превратится в греческий. Скряга покажется щедрым, а глупый — умным.

И Карколам стал колдовать над созданием таких очков. На лбу выступили капельки пота. Губы едва слышно твердили заклинания. Комнату застилала клубы разноцветного дыма. Когда дым рассеялся, посреди комнаты оказался кованый сундук. Карколам, радостно потирая руки, откинул крышку.

На дне сундука блестела груда очков, переливаясь на свету. Надо ещё их проверить. Где зеркало? В мгновение ока перед колдуном в воздухе зависло зеркало в серебряной оправе.

Первая же пара очков, которую Карколам нацепил на нос, сразу преобразила его. Но совсем не так, как колдун задумал. Вместо человека в очках из зеркала смотрел клыкастый

тигр в очках. Колдун со злостью швырнул эти очки в угол и взял следующую пару. Теперь на него смотрела противная морда гиены. Раздосадованный, Карколам схватил третью пару. Теперь из мужского костюма выглядывало, извиваясь, длинное туловище змеи с маленькой головкой в очках.

Колдун вывалил очки из сундука на пол и начал топтать их ногами. Очки хрустели, словно свежеснеженный снежок. Что случилось? Почему не удалось колдовство? Неужели кто-то вмешался?

Карколам поднял голову и насторожился. Он почувствовал чьё-то незримое присутствие. Кто-то пытался нарушить его планы.

Где?

Кто?

Колдун на цыпочках подошёл к оконным шторам и тихонько выглянул наружу. И сразу всё понял.

Карета!

31. Встреча

А Матильда поманила к себе пальцем Триста Тридцать Третьего. Король с готовностью склонил перед ней голову.

— Вы не должны уходить от меня далеко, — предупредила она его. — Колдовство тут снова действует. Как бы вы не стали совой.

Напуганный король ещё крепче вцепился в карету.

И тут, изобразив на лице самую радушную улыбку, Карколам прямо сквозь стену вылетел на улицу, даже не потрудившись открыть дверь.

Толпа замерла от изумления. В напряжённой тишине Карколам приблизился к карете.

— Что же вы не поможете мне выйти, любезный Карколам? — раздался мелодичный женский голос.

Карколам почтительно поклонился и протянул руку. Подобрав платье, Матильда Озёрная спустилась на мостовую. По толпе королей пронёсся возглас восхищения. Матильда ответила им галантной улыбкой.

Когда руки Карколама и Матильды соприкоснулись, между ними заискрились молнии: так велика была скрытая улыбками взаимная ненависть.

Короли в испуге отпрянули. Только Триста Тридцать Третий жался сзади к Матильде Озёрной.

— Чему обязан? — спросил Карколам.

— Да вот прогуливалась и заехала, — игриво ответила Матильда. — А вы тут как? Что подельваете?

— Решил заняться просвещением людишек. Открыл в себе призвание учителя. Вот и школу для них основал.

Короли с удивлением смотрели на магазин, где уже красовалась новая вывеска:

— Вот как? — наклонила головку Матильда.

— А как же? — захохотал колдун, гордо поглядывая по сторонам.

— Не верьте ему! — пискнул из-за Матильдиной спины король Триста Тридцать Третий.

— Ага! — посмотрел на него Карколам, нахмутив брови. — Ты хочешь сказать, что не видишь «школы»?

— Не верьте! У него там целый сундук, набитый розовыми расписками. Я вам сейчас сам покажу, — крикнул Триста Тридцать Третий и ринулся вперёд к школе-магазину. Но едва он отошёл, как тотчас превратился в сову, которая изо всех сил забила крыльями.

— Эти люди такие нервные! — с усмешкой произнёс Карколам. — Вот ни с того ни с сего — фырр — и улетел!

Матильда неопределённо покачала головой, но глаза её заискрились гневом.

Заметив это, Карколам побагровел и закрипел зубами. И внезапно превратился в льва. Короли бросились врассыпную. Но пока лев разевал пасть, чтобы проглотить Матильду Озёрную, она успела стать огромным слоном, который протянул хобот, чтобы схватить льва. Тогда Карколам обернулся коршуном и выскользнул из хобота. Матильда орлицей набросилась на коршуна, разя его клювом и когтями.

И вот они снова идут по мостовой, мило улыбаясь друг другу.

— Я так рад нашей новой встрече, — процедил сквозь зубы Карколам, склоняясь к собеседнице. Матильда в ответ сделала реверанс, зорко следя за противником.

Они зашли в магазин, и дверь, которая их пропустила, сама же и закрылась.

Короли настороженно смотрели им вслед. И вдруг присели от испуга, прикрыв головы руками. В домике загрохотали пушки, зашвистели снаряды: там разгоралось настоящее сражение.

Короли дрожали в ужасе, хотя ни один осколок не вылетел из домика.

Через минуту наступило затишье: это Карколам с Матильдой пили кофе, потому что снова никому из них не досталась победа.

— Нет, вы не рыцарь, — говорила, смеясь, Матильда Озёрная.

— Почему же, моя дорогая?

— Вы должны были бы мне уступить. Карколам затряс головой:

— Ну нет. Это всё моё! Своё я никому ни за что не отдам.

— Ах, так! — воскликнула Матильда Озёрная, и чашка в её руках превратилась в острый блестящий меч, который с размаху обрушился на голову Карколама. Но Карколам успел накинуть на голову свою чашку, ставшую шлемом. Меч со звоном скользнул по шлему.

Чёрный кофе кашицей расплескался по лицу Карколама.

Матильда Озёрная от души расхохоталась, глядя на его испачканную физиономию.

На секунду Карколам смутился, но потом его лицо снова приняло величественный вид, а потёки кофе исчезли.

Но Матильда всё равно хохотала так же звонко, и Карколам стал озабоченно осматривать себя со всех сторон. На его лице появилось недоумение.

— Да прекрати ты! — наконец закричал Карколам, теряя всю свою галантность.

И тут же виновато заулыбался.

Матильда перестала смеяться и обиженно надула губки. Теперь бой вспыхнул с новой силой.

Весь дом качался и взлетал, кружась над городом. Крыша сорвалась. Из дома сыпались кирпичи и стёкла, но через некоторое время возвращались обратно в стены и оконные рамы. Дом разваливался на части, но через минуту снова становился целым. Лишь только крыша, сорванная в самом начале, никак не могла догнать стены и водрузиться на место.

Короли, запрокинув головы, с безопасного расстояния следили за поединком. Ничего, кроме кувыркающегося в небе домика, они не видели, но никто не мог оторвать от него взгляд.

Загрохотали громы, снова засверкали молнии, и вдруг в воздухе над городом зависли две гигантские руки: мужская, заросшая

волосами, и женская, с колечком на безымянном пальце. Они силились побороть одна другую.

Мужская рука оказалась сильнее, и дрожащая женская явно проигрывала битву.

И тут случилось чудо. В небе, рядом с гигантскими руками, появились птицы, ведомые совой. Они набросились на волосатую руку, стали клевать её, царапать когтями. Во все стороны полетели перья.

Мужская рука задёргалась, отбиваясь от птиц, и белоснежная женская этим воспользовалась. Победа стала склоняться к ней.

Нечеловеческий вопль разразился в небесах. На секунду небо потемнело, словно на землю опустилась ночь. Короли закричали от ужаса.

Но темнота рассеялась так же внезапно, как и опустилась. В небе домика уже не было. Испуганные короли увидели его снова на прежнем месте. Он был совершенно целый.

И вдруг дверь домика со скрипом открылась.

32. Что же случилось дальше?

Из нее вышла Матильда Озёрная, сияющая, как ни в чём не бывало. Только если приехала она в голубом платье, то теперь, после победы,

была в розовом. С лучезарной улыбкой она смотрела на королей.

Замелькали в воздухе крылья птиц. Матильда Озёрная взмахнула рукой, и они плавно стали опускаться к земле. И едва птицы касались мостовой, как тотчас превращались в людей. Сова стала Триста Тридцать Третьим королём.

Матильда Озёрная ещё раз взмахнула рукой, и лужа превратилась в Дормидонта с овечками. Ожил король-памятник. И куда-то исчезли все клоуны, как будто их никогда и не было.

Короли окружили Матильду Озёрную.

— Я прощаюсь с вами, милые короли, — сказала она, усаживаясь в карету. — Но в дальнейшем ведите себя разумней. Нельзя же так унижаться!

Она пожала плечиками, и из домика вылетели сотни розовых бумажек с подписями королей. Они покружились и растворились в воздухе.

— Не оставляй нас, Матильда! Ну, пожалуйста! — умоляли короли.

А король, долгое время простоявший памятником, подошёл к ней на негнущихся ногах и поцеловал руку.

— Назначь кого-нибудь из нас главным, — попросил он. — А то опять жадность и лень завладеют городом.

Матильда обвела взглядом столпившихся королей. На каждом сияла золотом корона.

Одна украшена алмазами, другая изумрудами. И лишь на одной голове белел пучок седых волос — на голове Дормидонта.

— В городе Королей и так все короли, — ослепительно улыбнулась Матильда. — Поэтому править вами должна особа некоронованная. Пусть это будет...

И она пальцем поманила Дормидонта.

Так в городе Королей началась новая трудовая жизнь, теперь уже навсегда.

Содержание

КЛЮЧ ОТ ГОРОДА КОЛДУНОВ

3

ТАИНА ГОРОДА ВОЛШЕБНИКОВ

75

ГОРОД КОРОЛЕЙ

123

Почепцов Г. Г.

П65 Город Королей: Повести-сказки: Для мл.
шк. возраста / Худож. Е. Н. Зенич.— К.:
Вэсэлка, 1988.— 231 с.: ил.
ISBN 5-301-000122-1

Повести-сказки украинского советского писателя о
злых колдунах и смелых людях, которые вступили
в борьбу и победили.

П $\frac{4803010200-147}{M206(04)-88}$ КУ—№ 9—230—1988

ББК 84Р7—42

Литературно-художественное издание

Почепцов Георгий Георгиевич

ГОРОД КОРОЛЕЙ

Повести-сказки

Для младшего школьного возраста

Художник

Зенич Елена Николаевна

Редактор И. В. Маценко

Художественный редактор Д. П. Присяжнюк

Технический редактор С. И. Павлюк

Корректоры И. Е. Павлоцкая,

Л. В. Осипова

ИБ № 4893

Сдано на производство 04.11.87 Подписано в печать 12.02.88. Формат
84×108¹/₃₂. Бумага офс. № 2. Гарнитура школьная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,18+вкл. (0,42)=12,60. Усл. кр.-отт. 14,17 Уч.
изд. л. 7,60+вкл. (0,48)=8,08. Тираж 115 000 экз. Заказ № 7—3326.
Цена 60 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Вэсэлка», 252655, Киев, ГСП,
Мельникова, 63.

Головное предприятие республиканского производственного объедине-
ния «Полиграфкинига» 252057, Киев-57, Довженко, 3.

60 K

